ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

№ 2 (65) 2019

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29оо4 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 17,74 усл. п.л. Заказ № 701.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29оо4, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание 2 • 2019

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Сообщества безопасности в истории международных отношений

7 Саймон Кошут – Исследование мирных преобразований в условиях отсутствия демократии: пример советско-китайского сообщества безопасности

НАТО

32 Пономарева Е.Г., Фролов А.В. – Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия

57 Истомин И.А., Болгова И.В., Соколов А.П., Аватков В.А. – «Знак качества» или «чёрная метка»? НАТО как маркер статуса государств

86 Вежливцева Н.Ю. – Нейтралитет Финляндии как часть её национальной идентичности

Европа и Азия

101 Обичкина Е.О. – Социально-политический кризис во Франции: «жёлтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона

136 Галищева Н.В. – Помощь развитию: опыт Пакистана

159 Фатыхова В.М. – Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального «перетекания»

ИНТЕРВЬЮ

176 Касаткин П.И., Антюхова Е.А. – Диалектика традиций и новаторства в отечественной диссертационной культуре

РЕЦЕНЗИИ

196 Ана Димитровска – «Драконы» и «Химеры» гибридных войн

Table of Contents 2 • 2019

RESEARCH ARTICLES

Security Communities in History of International Relations

7 Koschut S. – Explaining Peaceful Change without Democracy: The Case of the Sino-Soviet Security Community

NATO

32 Ponomareva E.G., Frolov A.V. – NATO Aggression Against Yugoslavia: International-Legal, Military Strategic and Geopolitical Consequences

57 Istomin I.A., Bolgova I.V., Sokolov A.P., Avatkov V.A. – A «Badge of Honour» or a «Stamp of Infamy»? NATO As A Marker of Status in International Politics

86 Vezhlivtseva N.Yu. –Finland's Neutrality as Part of Its National Identity

Europe and Asia

101 Obichkina E.O. – Political Crisis in France: «Gilets Jaunes» and the End of the «First Period» of the Emmanuel Macron's Governance

136 Galistcheva N.V. – Foreign Aid as a Factor of Development of Economy of the Developing State: The Experience of Pakistan

159 Fatykhova V.M. – Eurasian Cooperation in Science and Higher Education: Prospects of Neofunctional «Spillovers»

INTERVIEW

176 Kasatkin P.I., Antyukhova E.A. – Tradition and Innovation Dialectics in Russian Dissertation Culture

BOOK REVIEWS

196 Dimitrovska A. – «Dragons» and «Chimeras» of Hybrid Wars

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 7-31
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-7-31

EXPLAINING PEACEFUL CHANGE WITHOUT DEMOCRACY: THE CASE OF THE SINO-SOVIET SECURITY COMMUNITY

Simon Koschut

Free University of Berlin

Abstract: Some scholars have claimed that democratic regime type needs to be treated as a necessary precondition for the formation of a pluralistic security community. This essay argues that one should not overestimate the explanatory power of linking the democratic peace proposition to the study of security communities. Democratic values, norms, institutions, and practices may certainly facilitate the formation of a security community, but it is by no means the only or even most plausible path to assure dependable expectations of peaceful change. While a number of authors have of late made similar claims, what is not settled is why non-democracies can form security communities. The findings in this essay advance scholarship on this issue by showing that the same causal logics commonly attributed exclusively to democratic security community formation are also present in the formation of non-democratic security communities. The study adds empirical evidence to this argument by developing a historical case study of the Sino-Soviet relationship. In sum, the findings demonstrate that (1) democracy is not a necessary (though facilitating) precondition for the development of a pluralistic security community and (2) a pluralistic security community may form between autocratic regimes based on the causal logical nexus of non-democratic norm externalization, ideological coherence, a common Other (normative logic) and autocratic domestic institutional constraints (institutional logic).

Key words: democratic regimes, non-democratic regimes, pluralistic security community, Sino-Soviet relations, democratic peace theory.

Introduction

Why can non-democracies form security communities? Are the same causal logics commonly associated with democratic security communities also present in non-democratic ones? What does this say about democratic peace theory?

УДК: 327.57
Поступила в редакцию 04.04.2019 г.
Принята к публикации 08.04.2019 г.

In autocratic political systems, the apparent lack of liberal norms, institutional self-restraint and transparency that could otherwise check the freedom of action of political decision makers, prevent the marginalization of domestic opposition and minorities, inhibit the closure of elites and allow outside observers to 'see into' such states makes a compelling argument why mutual trust and dependable expectations of peaceful change, essential for the formation of a security community, may not easily develop among non-democratic countries [9; 26; 43; 74; 76; 77; 94]. On the other hand, some scholars have argued that there may exist an 'autocratic peace' or 'dictatorial peace' that complements the proposition of the 'democratic peace' [11; 12; 34; 48; 73; 102]. According to this view, autocracies do share institutional constraints, identities, and normative values that may create a 'separate peace' among these similar regime types [17, p. 500; 66; 69, p. 20].

The Argument

This essay states that democracy is not a necessary precondition for the formation of a pluralistic security community. Conversely, the article argues that there is the complementary existence of autocratic pluralistic security communities.[1] This is certainly not a novel argument. However, while a number of authors have recently made similar claims, what is not settled is *why* non-democracies can form security communities [1; 5; 10; 44; 47; 61]. As Bennett notes, 'although the apparent existence of this alternative peace has been noted, theoretical arguments for why it should exist, and empirical analyses that reveal more detail of it, have been underdeveloped' [11, p. 313]. The findings in this essay advance scholarship on this issue by showing that the same causal logics commonly attributed exclusively to democratic security community formation are also present in the formation of non-democratic security communities. A security community is considered to be a group which has become *integrated*, where integration is defined as the attainment of a sense of community, accompanied by formal or informal institutions or practices, sufficiently strong and widespread to assure peaceful change among members of a group with 'reasonable' certainty over a 'long' period of time (italics and quotation marks in the original, see [18, p. 33]).

Peaceful change is defined as 'the resolution of social problems (…) without resort to large-scale physical force'. In a pluralistic security community, members 'retain their legal independence' as sovereign states [19, p. 5-6]. This study does not argue that autocratic security communities are necessarily more successful and longer lasting than democratic ones. In fact, the historical record implies that they are probably not. Also, I do not pretend that democratic institutions and practices do not matter at all in the formation of stable peace. My proposition simply states that we should not bind our-

[1] It should be noted that there might also exist pluralistic security communities that involve mixed regime types, e.g. ASEAN [1; 50; 83; 95].

selves to democratic institutions and norms when studying a security community by 'applying the "liberal tag" to it' [70]. Instead, we should look at democracy as a facilitating rather than a causal factor.

This essay seeks to add empirical flesh to this proposition by studying the causal processes involved in the case of the Sino-Soviet security community. Previous empirical cases of the rapid rise and fall of Sino-Soviet integration in the late 1950s and early 1960s continue to be dominated by realist interpretations in terms of alliance formation and balancing behavior but to date, few have seriously challenged their assumptions on this case [36, p. 146-175; 99, p. 323].[2] The purpose of this essay is to develop an empirical case around the causal processes involved in the formation of a pluralistic security community between the Soviet Union (USSR) and the People's Republic of China (PRC) between 1953 and 1960. I use the historical within-case analysis in combination with process tracing to examine the case in detail by tracing the patterns involved in the formation of a pluralistic security community. This procedure will allow me to test, and to modify if necessary, the presumed causal variables established by the preceding theoretical discussion [31, p. 206, 212].

At this point, certain limitations need to be addressed. No single research essay can provide answers to every question and this one is no exception. This essay will not offer a general definition of democracy, as it would clearly overstretch the spatial boundaries of this essay. Even now, scholars struggle to find a definition that adequately captures all the necessary institutions and processes involved [34, p. 370; 74, p. 31]. Democracy is an extremely complex and multidimensional phenomenon and a serious elaboration of it would require the length of at least another essay. However, few would argue against the fact that the People's Republic of China and the Soviet Union were undemocratic in any sense of the word. In fact, as I will demonstrate below, their shared autocratic political system and communist ideology presented the antithesis to Western-style democracy and Wilsonian liberalism. Autocracy, however, is an equally complex phenomenon. Recent findings on the existence of security communities among authoritarian regimes have found it difficult to address its underlying causal logics mainly because they lump them together into a single category thereby overlooking the various nuances of institutional and normative processes. A more differentiated view on vastly different types of autocracies allows us to make more accurate assertions about the peace-causing attributes in non-democratic security communities [55]. A fruitful approach that has been taken up by a number of scholars [17; 69] is Geddes' distinction between personalist, military, and single-party regimes [30]. In the Sino-Soviet case, both regimes are commonly identified as single-party authoritarian types [17, p. 493; 30, p. 4; 100, p. 46]. Single-party autocracies

[2] Two notable exceptions are a recent essay by Hopf [40] who conducts a constructivist analysis of the Sino-Soviet split and a book by Kupchan [47, p. 157-179]. However, Hopf does not explicitly invoke the concept of security community. Even though Kupchan does suggest that, "during the second half of the decade (Sino-Soviet) rapprochement appears to have evolved into a security community", he attributes this almost entirely to ideological convergence while neglecting other possible causal factors (e.g. institutional constraints).

are defined as "regimes in which the party has some influence over policy, controls most access to political power and government jobs, and has functioning local-level organizations" [30, p. 20]. Finally, the room for analyzing the case study is inevitably restricted. Due to limited space, I will thus provide an abbreviated survey of the main events, processes, and dynamics involved in the formation and disintegration of the Sino-Soviet security community. For the purpose of analytical clarity and space, it is impossible to narrate the Sino-Soviet relationship here in its entire complexity. Potentially missing data will be controlled by the method of process tracing.

The essay is divided into four parts. First, I will give a brief overview on some of the arguments raised by the democratic peace theory that are relevant to the study of security communities. Second, I will review what we theoretically know about the formation of security communities among non-democracies. While there are a number of possible factors typically associated with democratic peace, I will subsequently focus on two causal logics that are invoked by scholars who argue that democracy is a necessary precondition for the formation of security communities. In the third section, I will empirically test these causal logics to find out if they were also present in the Sino-Soviet case. Finally, the essay will revisit the propositions raised above and review what the findings say about democratic peace theory.

The Democratic Puzzle and Security Communities

Many scholars have explained stable peace among nations by focusing on domestic preferences and regime type. The following overview does not pretend to be a comprehensive summary of their assumptions and findings. Rather, it seeks to explain some of the arguments that have been raised with regard to the study of pluralistic security communities. As early as 1795, Immanuel Kant proposed the possibility of a 'pacific federation' or 'pacific union' among liberal republics. The democratic peace theory basically argues that democracies do not go to war with each other, though they certainly fight wars against non-democracies [7; 8; 15; 24; 25; 52; 65; 76; 77; 84; 85; 91]. This empirical phenomenon known as the 'democratic puzzle' has been typically resolved following two broad lines of argumentation. First, the political structure argument states that leaders of democratic governments are more constrained in their policy behavior than leaders of other forms of government. The democratic process makes it relatively easy for domestic oppositions to mobilize against the use of force against outsiders. This argument is based on the Kantian premise that, because democratic states require (at least in the long-run) the consent of its citizens to go to war, violent interstate conflict will be less likely as the citizens themselves will have to bear the costs. The second argument focuses on the distinct political culture of democracies based on individual rights and liberties as well as norms and preferences of orderly and peaceful conflict resolution within a domestic society that are externalized and exported into its international environment [23; 59; 62; 89]. In sum, propositions of democratic peace are based on institutional, informational, normative, and preference-based

arguments [41]. According to Lektzian and Souva [51, p. 23], however, only shared preferences may also lead to peace among autocratic dyads.

Whenever states and societies share the perception that they are liberal democracies, they are able to distinguish between likeminded democratic 'doves' and non-democratic 'non-doves' in the international sphere [13]. As a result, liberal democratic states may form democratic zones of peace by building mutual trust and a democratic identity and, at the same time, separating themselves from the war-prone world of non-democracies [103]. Some proponents of the democratic peace theory have thus linked their explanations directly to the Deutschian concept of security communities by arguing that through social learning and the process of mutual recognition as liberal democracies these states develop collective democratic identities that play a constitutive and disciplining role in the formation of democratic pluralistic security communities [9; 38; 77; 93; 94; 97; 105]. In sum, based on these findings some of these authors have argued that democracy is essentially 'the basic requirement for integrated political security communities as defined by Deutsch' [26, p. 349; 77, p. 505; 78, p. 395; 93, p. 210; 105, p. 527].

However, the claim that democratic regime type needs to be treated as a necessary precondition for the formation of a security community must be handled with caution on both theoretical and empirical grounds. To begin with, the original concept of security community does not support this claim. Deutsch concludes that a consensus on 'main values' is sufficient (and necessary) in maintaining stable peace. He does not link this condition to any specific type of state organizing principle [19, p. 123]. To restrict the concept of security community to liberal democratic types unduly limits its intellectual utility and depth. For example, the democratic peace theory cannot explain the potential or actual development of pluralistic security communities among primarily non-democratic countries raised by some scholars such as the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the Economic Community of West African States (ECOWAS) or the countries of the Southern African Development Community (SADC) [1; 37; 44; 58; 64; 87; 88; 98]. One might agree or disagree with their assumptions but if we limit ourselves to the study of *democratic* pluralistic security communities, we will not be able to debate this matter at all [63]. Moreover, we may possibly exclude large parts of the (non-Western) world from our analytical focus.

Second, it should be clear that a pluralistic security community encompasses a much broader concept than the democratic peace proposition [94, p. 155; 44]. They may share some overlapping theoretical and empirical features in the sense that they both help to consolidate and preserve stable peace. Security communities are the most advanced type of stable peace. A security community involves not just the absence of war but also the absence of 'significant organized preparations for war' [20, p. 99]. Hence, the threshold for achieving stable peace in the case of a pluralistic security community is significantly higher.

Finally, the notion that democracies recognize each other as members of a security community through shared democratic institutions and norms raises the question of

who gets to decide. How do countries with substantially different political and economic institutions, and different cultural values (e.g. France and the USA) agree on 'we-ness' based solely on a democratic identity [28]? In sum, democratic institutions and norms may certainly facilitate the formation of a security community but it is by no means the only or even most plausible path.

Non-democratic security communities

What do we know about non-democratic security communities? While there can be little doubt about the existence of non-democratic security communities, little is known about the causal processes involved in their development [11, p. 313]. The main theoretical disagreement revolves around the question whether 'democratic peace' and 'autocratic peace' are distinct phenomena and hence should be studied separately or whether there exists a single theory that links both types of empirical observations. Proponents of the latter view argue that peaceful dyads result not from democratic regime type but from political and economic institutional similarity [92; 102], 'joint coherence' [11], regime stability [39], economic interdependence [82] or societal and cultural commonality [47]. What these authors fail to address, however, is the fact that 'sameness' alone can hardly explain the formation of a security community in the absence of a common Other [4, p. 56; 68, p. 77].

The most explicit and knowledgeable attempts to theoretically explain the formation of security communities among non-democratic states have been advanced by constructivist scholars. Perhaps most importantly, Adler argues that since security communities are socially constructed, high levels of mutual trust and a collective identity may also develop among illiberal regimes [2]. This may occur in two ways. First, non-democratic states may adopt 'selected' liberal practices from democratic international institutions. Second, illiberal ideologies may produce a set of common norms and ideas. Wendt [101], Acharya [1] and Pecency [69] suggest a similar argument though (as Adler) fail to specify exactly how this may occur. Adler stresses the practical basis of security communities, which leaves open the possibility of security community formation among non-democratic regimes. Since he treats peaceful practices of self-restraint and non-violent behavior as ontologically prior to liberal values and institutions, Adler [5, p. 206] concludes that 'community of practices' (such as security communities) may also spread to non-democratic regions. Kupchan [47, p. 55] makes a similar point by claiming that non-democracies often include elements of domestic constraint that enable these states to form zones of peace: 'it is the exercise of strategic restraint, not regime type per se, that is a necessary condition for stable peace'. Of course, such theoretical claims are rebutted by democratic peace theorists who claim that autocratic leaders and non-democratic societies may never develop a collective identity and level of mutual trust necessary to form a security community since there is nothing in their domestic values and norms that would prescribe practices of non-violent behavior, responsiveness or compromise [77, p. 501-505; 85, p. 35].

Hence, in order to answer the question whether some of the peace-causing attributes commonly associated with democracies also play a role in the formation of non-democratic security communities, it is necessary to focus next on the causal mechanisms typically associated with the development of democratic security communities. After briefly laying out these variables I will subsequently look at the Sino-Soviet case in order to empirically test their validity with regard to an autocratic security community. In doing so, I seek to demonstrate that the same causal logics commonly attributed exclusively to democratic security communities are also present in the formation of non-democratic security communities. Scholars who claim that democracy is a necessary precondition for the development of a pluralistic security community commonly base their argument on two causal explanations that can be summarized as the normative logic and the institutional logic [80]. These causal logics have not remained uncontested [25; 46; 81; 82; 89]. Still, for the purpose of this essay we may accept their underlying assumptions in order to show that the same causal logics also apply to autocratic security communities.

Normative logic

According to the normative logic the domestic structure of democracies consists of a set of liberal norms and ideas that is deeply rooted in political culture and institutionalized in the political system [77]. These norms (individual freedom, human rights, minority protection, and equal participation) prescribe a certain type of domestic behavior that is based on non-violent conflict resolution and compromise [22; 23; 85]. Political leaders internalize these norms through social learning and subsequently externalize them in their dealings with other states. On a transnational level, these norms are further externalized through non-governmental groups as well as interactions and cultural exchange among individuals [16, p. 4; 60, p. 69]. This transnational identity corresponds with Deutsch's definition of a security community as "a group of *people* which has become integrated" (italics added) [19, p. 5]. In addition, these liberal norms enable democracies to set themselves apart from their non-democratic Other. In sum, liberal norms guide interaction at the domestic and international level, provide a framework of shared and collective meanings, and regulate and reproduce a peaceful social order based on mutual trust and a collective democratic identity. In theory, such a normative framework could also exist among non-democracies either through diffusion of 'selected' liberal practices of self-restraint or a shared normative commitment to an illiberal ideology [2; 69]. However, there are two important caveats. First, we would hardly expect to find people-to-people ties among autocratic states that are not government-mandated. Second, shared ideologies may also legitimate violent behavior to enforce ideological purity both domestic and abroad. As I probe the normative logic in the Sino-Soviet case, we need to bear these caveats in mind.

Institutional Logic

According to the institutional logic democratic institutions and processes hold political leaders accountable to a large and heterogeneous domestic coalition of societal groups and individuals. In addition, the political system is characterized by a set of checks and balances between the executive, legislative, and judicial branch. Due to theses vertical and horizontal mechanisms that enable audiences to monitor and sanction political action, democratic leaders will only engage in large-scale violent conflicts if there is broad and sustainable domestic support [49; 67; 85]. In addition to these audience costs, the transparent character of democratic institutions and processes provides good information to outsiders about the intentions and resolve of democratic leaders [14; 93]. Aware of these institutional constraints, democratic leaders know that their democratic counterparts are equally unlikely to engage in war and, in case of a conflict of interest between them, will instead prefer a negotiated settlement. This institutional logic correlates with the security community concept in the sense that these institutional constraints reflect the practical intersubjective knowledge of a 'civic culture' among democracies [2; 6]. As Starr points out: 'the social integration process provides decision-makers with overwhelming information which allows them to have full confidence in how they separate states (…) This is the definition of the security community' [93, p. 211]. In theory, autocratic leaders (especially in single-party regimes) may face similar institutional constraints as they are held accountable by party members and local party officials and need to constantly provide information to these groups [17; 69; 100]. As caveats, we need to keep in mind that autocratic leaders usually face a smaller 'selectorate' than their democratic counterparts and that the information channeled to their audiences is often ideologically filtered.

In sum, scholars who reject the possibility of non-democratic security communities argue that both normative and institutional logics necessary to establish dependable expectations of peaceful change are limited to democratic states due to the assumption that autocratic regimes face fewer if any audience costs, the lack of transparency, and the absence of domestic norms of non-violent behavior. However, as I indicated above, autocratic regimes may, in theory, be capable of forming pluralistic security communities based on the same logical nexus of non-democratic norm externalization and domestic institutional constraints. Having laid out the theoretical foundations for such a possibility, I will now empirically investigate these causal logics in the Sino-Soviet case.

The Sino-Soviet Security Community

Ascendancy and Decay

The Sino-Soviet rapprochement has typically been understood as a classical alliance against an outside threat. Indeed, the Sino-Soviet security community was ini-

tially founded as an anti-systemic alliance directed against the United States and Japan within the evolving bipolar international order of the Cold War (104, p. 165). However, the Sino-Soviet relationship ran much deeper than one might expect. Both sides demonstrated a high degree of confidence in each other's intentions, practiced reciprocal restraint in their behavior and accepted mutual vulnerabilities [47, p. 160]. In fact, it may be argued that the level of security integration at certain points even eclipsed the level of integration between Western democracies at the time, for example the level of nuclear technology transfer.

While the relationship between Russia and China can be traced back to the beginning of direct relations in 1689, closer contact during Russian imperialism in the 19th century, and to its earlier common history as parts of the Mongolian Empire, the roots of the security community between the Soviet Union and Communist China developed immediately after the 1917 October Revolution and the Communist seizure of power in Russia [96, p. 325]. In 1921, with substantial help from the Soviet-dominated Comintern, the Chinese Communist Party (CCP) was founded. However, when the rivaling anticommunist Guomindang (GMD) came to power in China in 1927, the CCP under Mao Zedong became domestically marginalized and its members persecuted while the Soviet Union under Stalin sided with the GMD by sending some advisors and limited material support. In 1945, the Soviet Union even concluded a treaty of alliance with the Guomindang, which left the CCP comrades irritated and isolated. Indeed, it appears strange that Stalin did not offer exclusive and unlimited support to the CCP. Yet for Stalin, ideological considerations at this point were no match to his geopolitical concerns about Japanese expansionism and the war against Nazi Germany [72, p. 4]. The treaty with the GMD also ensured recognition of Soviet territorial interests in the region by the US and Great Britain at the Yalta Conference.

Of course, all of this changed when the CCP emerged victorious from the Chinese Civil War in 1949 while, simultaneously, tensions between the Soviet Union and the United States came to dominate the international arena. In fact, the new Chinese leader Mao Zedong displayed a great desire to enter into alliance with the Soviet Union but was turned down several times by Stalin who, initially, had no intentions to jeopardize Soviet territorial gains by replacing the existing Sino-Soviet Treaty with the GMD [104, p. 9]. It was not until 1950 when, for the first time, Stalin even agreed to meet Mao in Moscow to discuss negotiations of a new treaty. The Moscow Summit produced the Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance. The central focus of the treaty was to prevent a 'repetition of aggression (…) on the part of Japan or any other State which should unite with Japan'; the latter part implying mutual protection against a potential military conflict with the United States. In addition, the Soviet Union provided substantial military and economic aid including $300 million in credit loans and the development of the Chinese air force and long-range artillery. Moreover, Stalin recognized Chinese sovereignty rights by promising the withdrawal of Soviet troops from Port Arthur, to yield Soviet privileges at Port Dalny, and to surrender control over the strategically important Changchun railroad, all by 1952.

At the same time, Stalin imposed significant demands on the Chinese such as Soviet participation in joint-stock enterprises as well as Soviet influence over Outer Mongolia and the Chinese provinces of Manchuria and Xinjing including the right to transport Soviet troops across Northeast China [104, p. 11]. Despite the obvious asymmetrical nature of the Sino-Soviet relationship with China being the junior partner, Mao did get most of what he wanted in terms of bilateral security and economic assistance to consolidate the nascent People's Republic of China, improve the country's international position, and strengthen Mao's standing at home [72, p. 9]. The Korean War put the treaty into practice sooner than expected as China and the Soviet Union, despite minor disagreements over negotiations of a cease-fire on the Korean peninsula and a quarrel over Soviet air cover, cooperated essentially harmoniously in military strategy planning and consultation. It was only for Stalin's continued humiliations, for example by making the Chinese pay for Soviet military equipment used during the Korean War, that put a little damp on an otherwise successful community-building experience.

After Stalin's death in March 1953, the Sino-Soviet relationship transformed significantly. If we need to set a 'take-off point'[3] for the beginning of the Sino-Soviet security community, 1953 would be the starting year. Up to this point, the Sino-Soviet relationship represented a state of rapprochement by developing mutual expectations of peaceful coexistence. However, the lack of mutual trust and responsiveness kept both countries locked in the security dilemma. In a complete reversal of Stalin's personal engagement with China, the new Soviet leader, Nikita Khrushchev, used his first visit abroad to travel to Beijing symbolizing the increased importance that he assigned to the Sino-Soviet relationship. At the meeting in Beijing in September/October 1954, Khrushchev extended economic cooperation to a level that made some members of the Politburo wonder whether the Soviet Union could even afford such massive spending. In fact, Soviet economic assistance to China added up to the largest foreign aid program in the socialist camp ever. In addition to new credit loans, the Soviets passed on sophisticated technological know-how almost free of charge and aided in the construction of several hundreds of enterprises in China [107, p. 202]. Moreover, military cooperation intensified with the transfer of new Soviet defense technology including the MiG-17 jet fighter and short-range missiles. Indeed, Moscow undertook what has been described as 'one of the largest scale transfers of technology from one country to another in history' [53, p. 48]. Critically, nuclear cooperation became a key component of the Sino-Soviet relationship when in March 1956, the Soviet Union, the PRC and nine other socialist countries set up a Joint Institute of Nuclear Research in Dubna near Moscow based on the April 1955 agreement on Soviet assistance to China in carrying out nuclear research for peaceful purposes. Even though the Soviets soon

[3] Deutsch uses the term 'take-off point' to describe the beginning of a security community: 'We expected that the achievement of a security-community would involve something like the crossing of a threshold, from a situation where war between the political units concerned appeared possible and was being prepared for, to another situation where it was neither. It was the crossing of this threshold, and with it the establishment of a security-community, that we called integration' [19, p. 32].

realized the PRC's interest in acquiring an atomic bomb, joint nuclear research and technology transfer continued nevertheless culminating in the opening of China's first nuclear reactor in 1958 [29, p. 328].

In addition to military and economic cooperation, social and cultural integration between the PRC and the Soviet Union also intensified during this period. The Chinese suggested to establish 'postal, telegraph, railway, and air services with the USSR (…) and also (…) to set up a joint Soviet-Chinese air company' [104, p. 301-313]. The number of Soviet experts and advisors, mostly engineers and teachers, sent to China increased from about 400 in early 1954 to multiple thousands in the following years.[4] Conversely, many Chinese workers, scholars, and students came to the Soviet Union for education and research. Soviet books and pamphlets were translated into Mandarin while Soviet films penetrated even the most remote areas of the PRC [104, p. 17]. To be sure, most of these transactions travelled one-way but were met by an enthusiastic welcome from the Chinese people. Both China and the Soviet Union engaged in a multilateral community-building dialogue by developing common and consensual mechanisms to communicate and coordinate their interests on important international issues. For example, open channels of communication prevented the first Taiwan Strait Crisis in 1954/55 from seriously undermining Sino-Soviet integration. Equally, Sino-Soviet strategic alignment at the Geneva Conference in 1954 displayed the practice of mutual self-restraint and resembles a case of thick multilateralism. At the Conference, which dealt with the future of Korea and Indochina, the Chinese and Soviet delegations exchanged opinions and intelligence on a daily basis [42, p. 250]. Other examples may be drawn from joint nuclear research, social and cultural exchange as well as joint participation in international communist forums and meetings of Communist parties such as China's participation in COMECON until 1961. Also, social media distribution like the World Marxist Review or the Russian-language magazine Druzhba (Friendship) published by China's Sino-Soviet Friendship Society may be cited here [42, p. 258; 106, p. 328].

Common normative ideas of communism served as the core of a Sino-Soviet collective identity which were frequently reproduced and reestablished in communication and speech acts: 'We trust you people, because you are from a socialist country, and you are sons and daughters of Lenin' [107, p. 209]. Based on his 'lean-to-one-side'-policy of 1949, Mao initially completely aligned Chinese foreign and domestic policies with the Soviet Union [21 p. 12; 42, p. 247]. In doing so, both sides were able to identify with each other against the 'Western imperialists' and to perceive their needs and interests as mutually indivisible: 'Attacking China means attacking the Soviet Union' [35, p. 151]. These identity narratives produced a sense of community and were certainly not limited to intergovernmental and interparty relations but comprised all levels of Chinese and Soviet society as people on both sides developed a feeling of mutual sympathy and formed an 'indestructible friendship' [32, p. 57; 45, p. 136].

[4] The exact number of Soviet advisors in China is unknown due to conflicting sources [45, p. 120].

The first cracks in the relationship became visible after Khrushchev had delivered his so called 'secret speech' at the Twentieth CPSU Congress in Moscow in February 1956 denouncing Stalin's crimes and policies. While Mao was irritated that Khrushchev had not consulted him prior to the speech and certainly did not display much personal amity for the new Soviet leader, his main disapproval of the speech resulted from the fact that Khrushchev's criticism of Stalin potentially undermined Mao's undisputed ideological authority at home [106]. The subsequent ideological debate between Chinese 'dogmatism' and Soviet 'revisionism' gradually came to dominate and haunt the Sino-Soviet relationship in the years to follow. Another point of contention was Khrushchev's policy of peaceful coexistence with the United States and its Western allies, which Mao viewed as a sign of weakness in the face of continuing 'imperialist aggression' as well as a potential US-Soviet alliance to isolate the PRC. Despite these simmering disputes, however, Sino-Soviet cooperation actually progressed in the meantime with the 1957 agreement on further exchange of nuclear technology aimed at enabling China to produce its own nuclear weapons by 1960 and extended agreements on economic and educational cooperation in the same year.

A serious bilateral crisis occurred when the Soviets pushed for even closer military cooperation by proposing to the Chinese a joint Sino-Soviet nuclear submarine fleet and the construction of long-wave radio stations on Chinese territory jointly operated and paid for by the Soviet Union. Mao interpreted the Soviet proposal as a deliberate attempt to undermine Chinese sovereignty. Conversely, Soviet leaders started to slow down the transfer of nuclear technology worrying about Mao's unorthodox views on nuclear war: 'I believe that the atomic bomb is not more dangerous than a large sword. If half of humanity is killed during this war, it will not matter' [104, p. 158]. The subsequent Chinese shelling of the Taiwanese islands Jinmen and Mazu in August 1958 and the Sino-Indian border conflict in 1959 took Moscow by complete surprise and further undermined the Sino-Soviet relationship. Eventually, a Chinese ideological propaganda campaign against Soviet policies pushed Khrushchev to the brink resulting in an immediate withdrawal of all Soviet advisors from the PRC in July 1960, which Mao saw as an act of sabotage against Chinese efforts to build a communist society. The Bucharest Congress of 1960 publicly displayed the deep rift between both countries with Soviet and Chinese delegates and leaders openly attacking each other.

Reconciliation efforts at Moscow in November 1960 and the signing of new agreements on economic, scientific, and technical cooperation in June 1961 proved to be only temporary. Diplomatic confrontations between Beijing and Moscow reemerged in 1962 during the outbreak of ethnic conflict in the Chinese province Xinjing and the mass flight of ethnic Central Asians and Russians living on Chinese territory to the Soviet Union, the Soviet 'retreat' during the Cuban Missile Crisis, and Moscow's behavior in the run-up to the Sino-Indian War in 1962 when the Soviet Union sold New Delhi MiG-21 fighters only a couple of months before the Sino-Indian War. Also, the Soviet push for a Limited Nuclear Test Ban Treaty (LNTB) with the United States and Great Britain in 1963 was interpreted by China as an attempt to deny it access to

nuclear know-how and to further isolate the PRC. The following year, a final attempt by the Vietnamese Communists to save Sino-Soviet cooperation over the ongoing Vietnam War failed [57, p. 246-272]. On October 16, 1964, China detonated its first nuclear bomb enhancing Moscow's gradual fear and distrust of a possible military confrontation with the PRC. By 1968, the USSR had stationed 22 divisions in Outer Mongolia and along the Sino-Soviet border, heavy weaponry, and even missiles facing 47 lightly armed Chinese divisions [79, p. 292-299]. In the end, the Sino-Soviet relationship turned violent when armed clashes between Soviet and Chinese troops occurred at disputed areas along the Sino-Soviet border in March and August of 1969. As a result, both sides expected and prepared for war.

Normative Logic

The Sino-Soviet relationship not only shared a common ideology but was also built on a common definition of the Other represented by the 'capitalist imperialists' in general and the United States and Japan in particular. Both parties based their relationship on a common understanding about the future political order (Communism) and ideology (Marxism-Leninism) as well as their confrontational dealings with external and domestic threats to that order. This shared and internalized normative structure essentially constituted the collective identity necessary for developing and maintaining the security community. Precisely, the Sino-Soviet security community was founded on two interconnected normative structures that led to the formation of mutual trust and a collective identity.

First, both sides shared a common understanding about the future political order. The Soviet Union and the People's Republic of China both sought to build a communist society as the final stage of human history based on the theoretical writings of Marx and Lenin. This included the exclusive control of the Communist party at the expense of all other political movements and the abolition of social class and individual property. In sum, Marxism-Leninism provided the constitutive normative framework for the Sino-Soviet security community. In this context, one may counter that such ideological visions may be manipulated for short-term political gains and thus may be used as an instrumental device. In some cases, this may certainly be true. However, given the historical evidence, we may confidently claim that both Soviet and Chinese leaders acted on the genuine belief in the superiority and realization of communist societies [56, p. 24; 57, p. 9].

From this first normative structure follows a second one. As both actors shared common beliefs about the future of political order they also established a common understanding of how to deal with any external and internal threats to that order. While the marginalization of domestic resistance has already been mentioned, the interaction with external threats deserves some further attention here. The Soviet Union and the PRC were both committed to world revolution. This objective included the promotion of the communist political order in other countries, which, ultimately, meant

the overthrow of the existing 'imperialist international system' by expropriating the capitalist classes worldwide and place the productive capacities of society into collective ownership. Naturally, the United States as the dominant power and ideological leader of the 'imperialist bloc' played a central role in Soviet and Chinese dealings with their external environment [57, p. 10]. As a joint declaration in late 1954 states, '(the PRC and the USSR) note the full coincidence of their views both on the all-round cooperation developing between their countries and on international affairs' [32, p. 289]. Some scholars have claimed that the opposition to the 'Free World' was not sufficient to guarantee peace between the Soviet Union and the PRC [74, p. 38]. However, this assumption is flawed as it is based exclusively on the empirical evidence of the violent border clashes of the late 1960s and completely ignores the period of peaceful integration that took place during the 1950s. In sum, the Soviet Union and the PRC developed a normative community and a collective non-democratic identity based on the normative understanding and externalization that socialist states must remain united against a capitalist Other and assist each other by practicing self-restraint and solidarity.

Institutional Logic

Beginning in 1953, there were substantial changes in political and military planning that allowed for transparency and a relatively free flow of information and technology. The highly advanced level of military cooperation included the transfer of state-of-the-art weapon technology (e.g. fighter jets and missiles) that even the Soviet army had hardly tested before. Mutual trust even expanded into the most sensitive area of military know-how and capabilities with the establishment of joint nuclear research and the construction of a nuclear reactor in China. Apparently, the Soviet Union did not regard a potential Chinese nuclear bomb as a threat but, instead, extended its nuclear umbrella over the PRC [57, p. 35]. Likewise, the Chinese did not view the presence of thousands of Soviet specialists and advisors in its ministries, military bases, and party organizations as problematic. Scholars who claim a lack of transparency among autocratic states must acknowledge that even the United States was never willing to provide the same level of direct assistance and information-sharing to its European allies in the way the Soviet Union did in China [35, p. 158]. Needless to say, during the period between 1953 and 1960, according to the historical evidence, neither China nor the Soviet Union prepared for war against each other. Moreover, Mao and Khrushchev faced significant domestic audience costs. Under their leadership, both the Soviet Union and the PRC were stable single-party authoritarian regimes. Hence, their leaders had much less control over the bureaucratic apparatus or individual officials than for example the personalist regimes of Communist leaders Kim Ill-Sung in North Korea or Enver Hoxha in Albania. The presence of intraparty competitive elections for certain offices and the relative autonomy of top officials and party leaders significantly increased audience costs for Khrushchev and Mao [30; 100].

Hence, both leaders being conscious of their domestic institutional constraints practiced considerable self-restraint in their dealings with each other in order to consolidate their domestic power base and to mobilize the people and resources for the transformation of domestic society and in support of Sino-Soviet friendship. In this sense, the lines between government-mandated societal integration and independent transnational ties increasingly blurred to a point when they became virtually undistinguishable [45]. Both societies constantly reproduced the practical intersubjective knowledge of a distinctly 'proletarian culture', which enabled them to generate mutual trust and responsiveness necessary to form a non-democratic security community. To be sure, these institutional constraints may not reflect the density and depth of transnational networks and societal transactions in civic cultures but they were nevertheless present in the Sino-Soviet case enabling both states to read each other's peaceful intentions and to recognize each other's dovishness.

Conclusion

This essay has shown two things. First, it cautions scholars not to overestimate the explanatory power of the democratic peace proposition when studying security communities. In contrast to assumptions made in previous works, democracy is not a necessary precondition for the formation of a pluralistic security community. Democratic values, norms, institutions, and practices may certainly facilitate the formation of a security community but it is by no means the only or even most plausible path. While a number of authors have recently made similar claims, what is not settled, however, is why non-democracies can form security communities. The findings in this essay advance scholarship on this issue by showing that the same causal logics commonly attributed exclusively to democratic security community formation are also present in the formation of non-democratic security communities. Again, I do not argue that autocratic security communities are necessarily more successful and longer lasting than democratic ones. In fact, the case of the Sino-Soviet security community implies that they are probably not. Yet, its very existence, if only temporary, and more importantly, the corresponding causal mechanisms involved in its formation need to be recognized. Hence, scholars should not limit themselves to studying democratic norms and institutions when studying security communities. Instead, one should look at democracy as a facilitating rather than a causal factor. In sum, the case of the Sino-Soviet security community has demonstrated the need to rethink our understanding of the dynamics and processes of that particular relationship as well as of the study of security communities more generally.

Second, the findings in this essay also have significant implications for democratic peace theory. While there can be little doubt about the existence of an autocratic peace, scholars differ over its causal processes. The main theoretical disagreement revolves around the question whether 'democratic peace' and 'autocratic peace' are distinct phenomena and hence should be studied separately or whether there exists one theory

that links both types of empirical observations. While it is theoretically possible that a democratic peace and an autocratic peace could result from separate causal processes, the findings at hand tend to support the latter view as the causal logics of security community can be equally (though to different degrees) applied to both democratic and non-democratic dyads. However, as this essay has also shown, it is not 'sameness' or similarity per se that enables non-democracies to form pluralistic security communities. The presence of a common Other and ideological coherence are at least equally important. The significance of these factors became visible in the Sino-Soviet case when domestic de-Stalinization and peaceful coexistence with the United States in the Soviet Union increasingly conflicted with re-Stalinization and anti-imperialism in China ultimately leading to the breakup of the security community. Also, the findings demonstrate the importance of individual 'peacemakers' [3, p. 168] or 'peace promoters' [27, p. 280] in the process of security community formation as, in this case, Khrushchev and Mao.

In the end, this essay represents only a first attempt to systematically investigate the causal logics involved in the formation of non-democratic security communities. As I hope to have convincingly shown, the combined findings demonstrate the causal logics involved in the formation of a single-party autocratic security community. Further research needs to be conducted to find out if there are more empirical cases of peaceful change without democracy. Specifically, we need detailed empirical case studies on the formation of security communities among other types of autocracies (personalist, military), the impact of alternative non-democratic norms and ideas, and the role of public opinion and societal as well as transnational actors in creating peaceful change among autocracies.

References:

1. Acharya A. *Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the Problem of Regional Order.* London, Routledge, 2001. 256 p.
2. Adler E. Imagined (Security) Communities: Cognitive Regions in International Relations. *Millenium*. 1997, vol. 26, no. 2, pp. 249-277. DOI: 10.1177/03058298970260021101
3. Adler E. Condition(s) of Peace. *Review of International Studies.* 1998, vol. 24, no. 5, pp. 165-191.
4. Adler E., Barnett M. *Security Communities.* Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 483 p.
5. Adler E. The Spread of Security Communities. Communities of Practice, Self-Restraint, and NATO's Post Cold War Transformation. *European Journal of International Relations.* 2008, vol. 14, no. 2, pp. 195-230. DOI: 10.1177/1354066108089241
6. Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* Princeton, Princeton University Press, 1963. 574 p.
7. Babst D.V. Elective Governments – A Force for Peace. *The Wisconsin Sociologist.* 1964, vol. 3, no. 1, pp. 9-14.
8. Babst D.V. A Force for Peace. *Industrial Research.* 1972, vol. 14, no. 4, pp. 55-58.
9. Bayer R. Peaceful Transition and Democracy. *Journal of Peace Research.* 2010, vol. 47, no. 5, pp. 535-546.
10. Bellamy A.J. *Security Communities and their Neighbors. Regional Fortresses or Global Integrators?* New York, Palgrave Macmillan, 2004. 221 p.
11. Bennett D.S. Toward A Continuous Specification of the Democracy-Autocracy Connection. *International Studies Quarterly.* 2006, vol. 50, no. 2, pp. 313-338.
12. Bennett D.S., Stam A. *The Behavorial Origins of War.* Ann Arbor, University of Michigan Press, 2004. 289 p.

13. Bueno de Mesquita B., Lalman D. *War and Reason.* New Haven, CT, Yale University Press, 1992. 336 p.
14. Bueno de Mesquita B., Morrow J.D., Siverson R., Smith A. An Institutional Explanation of the Democratic Peace. *American Political Science Review.* 1999, vol. 89, no. 4, pp. 791-812. DOI: 10.2307/2586113
15. Chernoff F. The Study of Democratic Peace and Progress in International Relations. *International Studies Review.* 2004, vol. 6, no. 1., pp. 49-78. DOI: 10.1111/j.1079-1760.2004.00372.x
16. Cronin B. *Community under Anarchy. Transnational Identity and the Evolution of Cooperation.* New York, Columbia University Press, 1999. 270 p.
17. Davenport C. State Repression and the Tyrannical Peace. *Journal of Peace Research.* 2007, vol. 44, no. 4., pp. 485-504. DOI: 10.1177/0022343307078940
18. Deutsch K.W. *Political Community at the International Level. Problems of Definitions and Measurement.* New York, Doubleday & Company, 1954. 69 p.
19. Deutsch K.W., Burrell S.A., et al. *Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience.* Princeton, NJ, Princeton University Press, 1957. 228 p.
20. Deutsch K.W. Security Communities. *International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory.* Ed. By J.N. Rosenau. New York, Free Press, 1961, pp. 98-105.
21. Dittmer L. *Sino-Soviet Normalization and Its International Implications, 1945-1990.* Seattle/London, University of Washington Press, 1992. 373 p.
22. Dixon W.J. Democracy and the Peaceful Settlement of International Conflict. *American Political Science Review.* 1994, vol. 88, no. 1, pp. 14-32. DOI: https://doi.org/10.2307/2944879
23. Doyle M.W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. Part 1. *Philosophy & Public Affairs.* 1983, vol. 12, no. 3, pp. 205-235; Part 2. Vol. 12, no. 4, pp. 323-353.
24. Doyle M.W. Liberalism and World Politics. *American Political Science Review.* 1986, vol. 80, no. 4, pp. 1151-1169. DOI: 10.1017/S0003055400185041
25. Doyle M.W. Three Pillars of the Liberal Peace. *American Political Science Review.* 2005, vol. 99, no. 3, pp. 463-466. DOI: 10.1017/S0003055405051798
26. Eberwein W.D. The Future of International Warefare: Toward a Global Security Community? *International Political Science Review.* 1995, vol. 16, no. 4, pp. 341-360.
27. Elgström O., Jerneck M. Stable Peace: Conclusions and Extrapolations. *Stable Peace Among Nations.* Ed. By Kacowicz A.M. et al.. Lanham, MD, Rowman & Littlefield, 2000, pp. 277-290.
28. Elman M.F. Unpacking Democracy: Presidentialism, Parliamentarism, and Theories of Democratic Peace. *Security Studies.* 2000, vol. 9, no. 4, pp. 91-126. DOI: 10.1080/09636410008429414
29. Fursenko A.A., Naftali T.J. *Khrushchev's Cold War. The Inside Story of an American Adversary.* New York, NY, W. W. Norton & Company, 2006. 670 p.
30. Geddes B. *Authoritarian Breakdown. Empirical Test of a Game Theoretic Argument.* Los Angeles, University of California Press, 1999. 114 p.
31. George A.L., Bennett A. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences.* Cambridge, Massachusetts Institute of Technology Press, 2005. 331 p.
32. Gittings J. *Survey of the Sino-Soviet Dispute, 1963-1967.* London, Oxford University Press, 1968. 410 p.
33. Gleditsch N.P. Democracy and Peace. *Journal of Peace Research.* 1992, vol. 29, no. 4, pp. 369-376.
34. Gleditsch N.P., Hegre H. Peace and Democracy: Three Levels of Analysis. *Journal of Conflict Resolution.* 1997, vol. 41, no. 2, pp. 283-310.
35. Goncharenko S. Sino-Soviet Military Cooperation. *Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance.* Ed. by Westad O.A. Stanford, Stanford University Press, 1998, pp. 141-165.
36. Haas M.L. *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789-1989.* Ithaca, NY, Cornell University Press, 2005. 248 p.
37. Hammerstad A. Domestic Threats, Regional Solutions? The Challenge of Security Integration in Southern Africa. *Review of International Studies.* 2005, vol. 31, no. 1, pp. 69-87. DOI: 10.1017/S0260210505006303
38. Harrison E. The Democratic Peace Research Program and System-Level Analysis. *Journal of Peace Research.* 2010, vol. 47, no. 2, pp. 155-165. DOI: 10.1177/0022343309356490
39. Holsti K.J. T*he State, War, and the State of War.* Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 272 p.
40. Hopf T. Identity Relations and the Sino-Soviet Split. *Measuring Identity.* Ed. by R. Abelal et al. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 279-315.
41. Huth P., Allen T.L. *The Democratic Peace and Territorial Conflict in the Twentieth Century.* Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 512 p.
42. Jiang C., Kuisong J. Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance. *Brothers*

in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. Ed. by O. A. Westad. Stanford, Stanford University Press, 1998, pp. 246-295.
43. Kacowicz A.M. *Zones of Peace in the Third World. South America and West Africa in Comparative Perspective.* New York, State University of New York Press, 1998. 282 p.
44. Kacowicz A.M., Bar-Siman-Tov Y., Elgström O. et al. *Stable Peace Among Nations.* Lanham, Rowman & Littlefield, 2000. 352 p.
45. Kaple D.A. Soviet Advisors in China in the 1950s. *Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance.* Ed. by O. A. Westad. Stanford, Stanford University Press, 1998, pp. 117-140.
46. Kinsella D. No Rest for the Democratic Peace. *American Political Science Review.* 2005, vol. 99, no. 3, pp. 453-457. DOI: 10.1017/S0003055405051774
47. Kupchan C.A. *How Enemies Become Friends. The Sources of Stable Peace.* Princeton, Princeton University Press, 2010. 448 p.
48. Lai B., Reiter D. Democracy, Political Similarity, and Alliances, 1816-1992. *Journal of Conflict Resolution.* 2000, vol. 44, no. 2, pp. 203-227. DOI: 10.1177/0022002700044002003
49. Lake D.A. Powerful Pacifists. Democratic States and War. *American Political Science Review.* 1992, vol. 86, no. 1, pp. 24-37. DOI: 10.2307/1964013
50. Leifer M. *ASEAN and the Security of South-East Asia.* London: Routledge, 1989. 210 p.
51. Lektzian D., Souva M. A Comparative Theory Test of Democratic Peace Arguments, 1946-2000. *Journal of Peace Research.* 2009, vol. 46, no. 1, pp. 17-37.
52. Levy J.S. Domestic Politics and War. *Journal of Interdisciplinary History.* 1988, vol. 18, no. 4, pp. 653-673.
53. Lieberthal K. The Domestic Context of Chinese Foreign Policy. *China's Foreign Relations in the 1980s.* Ed. by H. Harding. New Haven, Yale University Press, 1984, pp. 43-70.
54. Lijphart A., Karl W. Deutsch and the New Paradigm in International Relations. *From National Development to Global Community. Essays in Honor of Karl W. Deutsch.* Ed. by R. L. Merritt, B. M. Russett BM. London, George Allen & Unwin, 1981, pp. 233-251.
55. Linz J.J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes.* Boulder, Lynne Rienner, 2000. 343 p.
56. Low A.D. *The Sino-Soviet Dispute. An Analysis of the Polemics.* London, Associated University Presses, 1976. 364 p.
57. Lüthi L.M. *The Sino-Soviet Split. Cold War in the Communist World.* Princeton, Princeton University Press, 2008. 400 p.
58. Lund M.S., Roig E. Southern Africa: An Emerging Security Community. *Searching for Peace in Africa: An Overview of Conflict Prevention and Management Activities.* Ed. by M. Mekenkamp, P. van Tongeren, H. van de Veen. Utrecht, European Centre for Conflict Prevention, 1999, pp. 391-395.
59. Maoz Z., Russett B.M. Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946-1986. *American Political Science Review.* 1993, vol. 87, no. 3, pp. 624-638. DOI: 10.2307/2938740
60. Miller B. The International, Regional, and Domestic Sources of Regional Peace. *Stable Peace Among Nations.* Ed. by A. M. Kacowicz, Y. Bar-Siman-Tov, O. Elgström. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000, pp. 55-74.
61. Miller B. *States, Nations, and the Great Powers: the Sources of Regional War and Peace.* Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 500 p.
62. Morgan T.C., Campbell S. Domestic Structure, Decisional Constraints, and War. *Journal of Conflict Resolution.* 1991, vol. 35, no. 2, pp. 187-211. DOI: 10.1177/0022002791035002003
63. Nathan L. Domestic Instability and Security Communities. *European Journal of International Relations.* 2006, vol. 12, no. 2, pp. 275-299. DOI: 10.1177/1354066106064510
64. Ngoma N. SADC: Towards a Security Community? *African Security Review.* 2003, vol. 12, no. 3, pp. 17-28. DOI: 10.1080/10246029.2003.9627230
65. Oneal J.R., Russett B.M. The Kantian Peace: The Pacific Benefits of Democracy, Interdependence, and International Organizations, 1885-1992. *World Politics.* 1999, vol. 52, no. 1, pp. 1-37. DOI: 10.1017/S0043887100020013
66. Oren I., Hays J. Democracies May Rarely Fight One Another, But Developed Socialist States Rarely Fight at All. *Alternatives: Social Transformation and Humane Governance.* 1997, vol. 22, no. 4, pp. 493-521.
67. Owen J.M. *Liberal Peace, Liberal War. American Politics and International Security.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. 264 p.
68. Owen J.M. Pieces of Maximal Peace. Common Identities, Common Enemies. *Stable Peace Among Nations.* Ed. by A. M. Kacowicz, Y. Bar-Siman-Tov, O. Elgström. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000, pp. 74-91.
69. Peceny M., Beer C.C., Sanchez-Terry S. Dictatorial Peace? *American Political Science Review.* 2002, vol. 96, no. 1, pp. 15-26. DOI: 10.1017/S0003055402004203
70. Pouliot V. The Alive and Well Transatlantic Security Community: A Theoretical Reply to Michael Cox. *European Journal of International*

Relations. 2006, vol. 12 no. 1, pp. 119-127. DOI: 10.1177/1354066106061332
71. Pouliot V. Pacification Without Collective Identification: Russia and the Transatlantic Security Community in the Post-Cold War Era. *Journal of Peace Research.* 2007, vol. 44, no. 5, pp. 605-622. DOI: 0.1177/0022343307080858
72. Radchenko S. *Two Suns in the Heavens. The Sino-Soviet Struggle for Supremacy,* 1962-1967. Stanford, Stanford University Press, 2009. 288 p.
73. Raknerud A., Hegre H. The Hazard of War: Reassessing the Evidence for the Democratic Peace. *Journal of Peace Research.* 1997, vol. 34, no. 4, pp.385-404.DOI:10.1177/0022343397034004002
74. Ray J.L. Does Democracy Cause Peace? *Annual Review of Political Science.* 1998, vol. 1, pp. 27-46.
75. Ray J.L. Exploring the Bargaining Model of War. *Perspectives on Politics.* 2003, vol. 1, no. 1, pp. 27-44. DOI: 10.1017/S1537592703000033
76. Ray J.L. Constructing Multivariate Analyses (Of Dangerous Dyads). *Conflict Management and Peace Science.* 2005, vol. 22, pp. 277-292. DOI: 10.1080/07388940500339175
77. Risse-Kappen T. Democratic Peace – Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument. *European Journal of International Relations.* 1995, vol. 1, no. 4, pp. 491-517. DOI: 10.1177/1354066195001004005
78. Risse-Kappen T. Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO. *The Culture of National Security.* Ed. by P.J. Katzenstein New York, Columbia University Press, 1996, pp. 357-399.
79. Robinson T. China Confronts the Soviet Union. *The Cambridge History of China.* Ed. by R. MacFarquhar, J.K. Fairbank, D. Twitchett. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, pp. 218-304.
80. Rosato S. The Flawed Logic of Democratic Peace Theory. *American Political Science Review.* 2003, vol. 97, no. 4, pp. 585-602. DOI: 10.1017/S0003055403000893
81. Rosato S. Explaining the Democratic Peace. *American Political Science Review.* 2005, vol. 99, no. 3, pp. 467-472. DOI: 10.1017/S0003055405051804
82. Rosecrance R. *The Rise of the Trading State. Commerce and Conquest in the Modern World.* New York, Basic Books, 1986. 268 p.
83. Rüland J. Deepening ASEAN Cooperation through Democratization? The Indonesian Legislature and Foreign Policymaking. *International Relations of the Asia-Pacific.* 2009, vol. 9, no. 3, pp. 373-402. DOI: 10.1093/irap/lcp010
84. Rummel R.J. Libertarianism and International Violence. *Journal of Conflict Resolution.* 1983, vol. 27, no. 1, pp. 27-71. DOI: 10.1177/0022002783027001002
85. Russett B.M. *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World.* Ewing, Princeton University Press, 1993. 192 p.
86. Scalapino R. Containment and Countercontainment: The Current Stage of Sino-Soviet Relations. The Current Stage of Sino-Soviet Relations. *China, the Soviet Union, and the West.* Ed. By D. Stuart, W. Tow. Boulder, Westview, 1982, pp. 173-185.
87. Selebi J. Building Collaborative Security in Southern Africa. *African Security Review.* 1999, vol. 8, no. 5, pp. 3-12.
88. Shaw T.M. African Renaissance/African Alliance: Towards New Regionalisms and New Realism in the Great Lakes at the Start of the Twenty-First Century. *Politeia*. 1998, vol. 17, no. 3, pp. 60-74.
89. Slantchev B.L., Alexandrova A., Gartzke E. Probability Causality, Selection Bias, and the Logic of the Democratic Peace. *American Political Science Review.* 2005, vol. 99, no. 3, pp. 459-462.
90. Slantchev B.L. Politicians, the Media and Domestic Audience Costs. *International Studies Quarterly.* 2006, vol. 50, no. 2, pp. 445-477. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00409.x
91. Small M., Singer D.J. The War Proneness of Democratic Regimes, 1816-1965. *Jerusalem Journal of International Relations.* 1976, vol. 1, pp. 50-69.
92. Souva M. Institutional Similarity and Interstate Conflict. *International Interactions.* 2004, vol. 30, no. 3, pp. 263-280. DOI: 10.1080/03050620490492213
93. Starr H. Democracy and War: Choice, Learning and Security Communities. *Journal of Peace Research.* 1992, vol. 29, no. 2, pp. 207-213. DOI: 10.1177/0022343392029002007
94. Starr H. Democracy and Integration: Why Democracies Don't Fight Each Other. *Journal of Peace Research.* 1997, vol. 34, no. 2, pp. 153-162. DOI: 10.1177/0022343397034002003
95. Stubbs R. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to 'Global' Governance. *The Pacific Review.* 2008, vol. 21, no. 4, pp. 451-468. DOI: 10.1080/09512740802294713
96. Treadgold D.W. Alternative Western Views of the Sino-Soviet Conflict. *The Sino-Soviet Conflict. A Global Perspective.* Ed. by Ellison H. J. Seattle, University of Washington Press, 1982, pp. 325-355.
97. Vasquez J.A. Why Do Neighbors Fight? Proximity, Interaction, or Territoriality. *Journal of Peace Research.* 1995, vol. 32, no. 3, pp. 277-293. DOI:

10.1177/0022343395032003003
98. Väyrynen R. Stable Peace Through Security Communities: Steps Towards Theory-building. *Stable Peace Among Nations.* Ed. by A. M. Kacowicz, Y. Bar-Siman-Tov, O. Elgström. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000, pp. 108-129.
99. Walt S.M. *Revolution and War.* Ithaca, NY, Cornell University Press, 1996, 376 p.
100. Weeks J.L. Autocratic Audience Costs. Regime Type and Signaling Resolve. *International Organization.* 2008, vol. 62, no. 1, pp. 35-64. DOI: 10.1017/S0020818308080028
101. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 450 p.
102. Werner S. The Effects of Political Similarity on the Onset of Militarized Disputes, 1816-1985. *Political Science Quarterly.* 2000, vol. 53, no. 2, pp. 343-374. DOI: 10.1177/106591290005300207
103. Werner S., Lemke D. Opposites Do Not Attract: The Impact of Domestic Institutions, Power, and Prior Commitments on Alignment Choices. *International Studies Quarterly.* 1997, vol. 41, no. 3, pp. 529-546.
104. Westad O.A. *Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance.* Stanford, Stanford University Press, 1998. 404 p.
105. Williams M.C. The Discipline of the Democratic Peace: Kant, Liberalism and the Social Construction of Security Communities. *European Journal of International Relations.* 2001, vol. 7, no. 4, pp.525-553.DOI:10.1177/1354066101007004006
106. Zagoria D. *The Sino-Soviet Conflict, 1956-61.* Princeton, Princeton University Press, 1962. 498 p.
107. Zhang S.G. Sino-Soviet Economic Cooperation. *Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance.* Ed. by O.A. Westad. Stanford, Stanford University Press, 1998, pp.189-226.

About the author:

Simon Koschut – Ph.D in Political Science, Heisenberg Fellow at Otto Suhr Institute for Political Science, Free University of Berlin. Ihnestr. 22, 14195 Berlin, Germany. E-mail: simon.koschut@fu-berlin.de.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ДЕМОКРАТИИ: ПРИМЕР СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО СООБЩЕСТВА БЕЗОПАСНОСТИ

Саймон Кошут
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-7-31

Свободный университет Берлина

Ряд учёных полагает, что обязательной предпосылкой образования плюралистического сообщества безопасности является наличие демократического режима. Автор данной статьи утверждает, что изучение проблемы сообществ безопасности не всегда может опираться на логику положений теории демократического мира. Безусловно, демократические ценности, нормы, институты и практики способствуют формированию сообщества безопасности, но они ни в коей мере не являются единственной гарантией осуществления мирных перемен. В то время, как многие эксперты в последнее время приходят к такому же выводу, на сегодняшний день пока не было установлено, почему

недемократические режимы могут формировать сообщества безопасности. В данной работе получает развитие идея о том, что причинно-следственные связи, обычно характерные для формирования демократических сообществ безопасности, характерны в равной мере и для недемократических сообществ безопасности. Положения статьи подкрепляются эмпирическими данными, основанными на изучении исторического кейса советско-китайских отношений. В общем и целом, автор приходит к выводам о том, что 1) демократия не является обязательной (хотя, безусловно, в существенной мере способствующей) предпосылкой развития плюралистического сообщества безопасности, 2) плюралистическое сообщество безопасности может быть образовано между автократическими режимами и может быть основано на транслировании вовне недемократических норм, идеологической связи, наличии общего Другого (исходя из нормативной логики) и автократических внутренних ограничениях (исходя из институциональной логики).

Ключевые слова: демократические режимы, недемократические режимы, плюралистические сообщества безопасности, советско-китайские отношения, теория демократического мира.

Список литературы:

1. Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the Problem of Regional Order. London, Routledge, 2001. 256 p.
2. Adler E. Imagined (Security) Communities: Cognitive Regions in International Relations // Millennium. 1997. Vol. 26. No. 2. Pp. 249-277. DOI: 10.1177/03058298970260021101
3. Adler E. Condition(s) of Peace // Review of International Studies. 1998. Vol. 24. No. 5. Pp. 165-191.
4. Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 483 p.
5. Adler E. The Spread of Security Communities. Communities of Practice, Self-Restraint, and NATO's Post Cold War Transformation // European Journal of International Relations. 2008. Vol. 14. No. 2. Pp. 195-230. DOI: 10.1177/1354066108089241
6. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, Princeton University Press, 1963. 574 p.
7. Babst D.V. Elective Governments – A Force for Peace // The Wisconsin Sociologist. 1964. Vol. 3. No. 1. Pp. 9-14.
8. Babst D.V. A Force for Peace // Industrial Research. 1972. Vol. 14. No. 4. Pp. 55-58.
9. Bayer R. Peaceful Transition and Democracy // Journal of Peace Research. 2010. Vol. 47. No. 5. Pp. 535-546.
10. Bellamy A.J. Security Communities and their Neighbors. Regional Fortresses or Global Integrators? New York, Palgrave Macmillan, 2004. 221 p.
11. Bennett D.S. Toward A Continuous Specification of the Democracy-Autocracy Connection // International Studies Quarterly. 2006. Vol. 50. No. 2. Pp. 313-338.
12. Bennett D.S., Stam A. The Behavorial Origins of War. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2004. 289 p.
13. Bueno de Mesquita B., Lalman D. War and Reason. New Haven, CT, Yale University Press, 1992. 336 p.
14. Bueno de Mesquita B., Morrow J.D., Siverson R., Smith A. An Institutional Explanation of the Democratic Peace // American Political Science Review. 1999. Vol. 89. No. 4. Pp. 791-812. DOI: 10.2307/2586113
15. Chernoff F. The Study of Democratic Peace and Progress in International Relations // International Studies Review. 2004. Vol. 6. No. 1. Pp. 49-78. DOI: 10.1111/j.1079-1760.2004.00372.x
16. Cronin B. Community under Anarchy. Transnational Identity and the Evolution of Cooperation. New York, Columbia University Press, 1999. 270 p.
17. Davenport C. State Repression and the Tyrannical Peace // Journal of Peace Research. 2007. Vol. 44. No. 4. Pp. 485-504. DOI: 10.1177/0022343307078940

18. Deutsch K.W. Political Community at the International Level. Problems of Definitions and Measurement. New York, Doubleday & Company, 1954. 69 p.
19. Deutsch K.W., Burrell S.A., et al. Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1957. 228 p.
20. Deutsch K.W. Security Communities // International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory. Ed. By J.N. Rosenau. New York, Free Press, 1961. Pp. 98-105.
21. Dittmer L. Sino-Soviet Normalization and Its International Implications, 1945-1990. Seattle/London, University of Washington Press, 1992. 373 p.
22. Dixon W.J. Democracy and the Peaceful Settlement of International Conflict // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. No. 1. Pp. 14-32. DOI: https://doi.org/10.2307/2944879
23. Doyle M.W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. Part 1 // Philosophy & Public Affairs. 1983. Vol. 12. No. 3. Pp. 205-235; Part 2. Vol. 12. No. 4. Pp. 323-353.
24. Doyle M.W. Liberalism and World Politics // American Political Science Review. 1986. Vol. 80. No. 4. Pp. 1151-1169. DOI: 10.1017/S0003055400185041
25. Doyle M.W. Three Pillars of the Liberal Peace // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 3. Pp. 463-466. 10.1017/S0003055405051798
26. Eberwein W.D. The Future of International Warefare: Toward a Global Security Community? // International Political Science Review. 1995. Vol. 16. No. 4. Pp. 341-360.
27. Elgström O., Jerneck M. Stable Peace: Conclusions and Extrapolations // Stable Peace Among Nations. Ed. By Kacowicz A.M. et al.. Lanham, MD, Rowman & Littlefield, 2000. Pp. 277-290.
28. Elman M.F. Unpacking Democracy: Presidentialism, Parliamentarism, and Theories of Democratic Peace // Security Studies. 2000. Vol. 9. No. 4. Pp. 91-126. DOI: 10.1080/09636410008429414
29. Fursenko A.A., Naftali T.J. Khrushchev's Cold War. The Inside Story of an American Adversary. New York, NY, W. W. Norton & Company, 2006. 670 p.
30. Geddes B. Authoritarian Breakdown. Empirical Test of a Game Theoretic Argument. Los Angeles, University of California Press, 1999. 114 p.
31. George A.L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology Press, 2005. 331 p.
32. Gittings J. Survey of the Sino-Soviet Dispute, 1963-1967. London, Oxford University Press, 1968. 410 p.
33. Gleditsch N.P. Democracy and Peace // Journal of Peace Research. 1992. Vol. 29. No. 4. Pp. 369-376.
34. Gleditsch N.P., Hegre H. Peace and Democracy: Three Levels of Analysis // Journal of Conflict Resolution. 1997. Vol. 41. No. 2. Pp. 283-310.
35. Goncharenko S. Sino-Soviet Military Cooperation // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. Ed. by Westad O.A. Stanford, Stanford University Press, 1998. Pp. 141-165.
36. Haas M.L. The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789-1989. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2005. 248 p.
37. Hammerstad A. Domestic Threats, Regional Solutions? The Challenge of Security Integration in Southern Africa // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. No. 1. Pp. 69-87. DOI: 10.1017/S0260210505006303
38. Harrison E. The Democratic Peace Research Program and System-Level Analysis // Journal of Peace Research. 2010. Vol. 47. No. 2. Pp. 155-165. DOI: 10.1177/0022343309356490
39. Holsti K.J. The State, War, and the State of War. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 272 p.
40. Hopf T. Identity Relations and the Sino-Soviet Split // Measuring Identity. Ed. by R. Abelal et al. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. Pp. 279-315.
41. Huth P., Allen T.L. The Democratic Peace and Territorial Conflict in the Twentieth Century. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 512 p.
42. Jiang C., Kuisong J. Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms. The Rise and Fall

of the Sino-Soviet Alliance. Ed. by O. A. Westad. Stanford, Stanford University Press, 1998. Pp. 246-295.
43. Kacowicz A.M. Zones of Peace in the Third World. South America and West Africa in Comparative Perspective. New York, State University of New York Press, 1998. 282 p.
44. Kacowicz A.M., Bar-Siman-Tov Y., Elgström O. et al. Stable Peace Among Nations. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000. 352 p.
45. Kaple D.A. Soviet Advisors in China in the 1950s // Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. Ed. by O. A. Westad. Stanford, Stanford University Press, 1998. Pp. 117-140.
46. Kinsella D. No Rest for the Democratic Peace // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 3. Pp. 453-457. DOI: 10.1017/S0003055405051774
47. Kupchan C.A. How Enemies Become Friends. The Sources of Stable Peace. Princeton, Princeton University Press, 2010. 448 p.
48. Lai B., Reiter D. Democracy, Political Similarity, and Alliances, 1816-1992 // Journal of Conflict Resolution. 2000. Vol. 44. No. 2. Pp. 203-227. DOI: 10.1177/0022002700044002003
49. Lake D.A. Powerful Pacifists. Democratic States and War // American Political Science Review. 1992. Vol. 86. No. 1. Pp. 24-37. DOI: 10.2307/1964013
50. Leifer M. ASEAN and the Security of South-East Asia. London: Routledge, 1989. 210 p.
51. Lektzian D., Souva M. A Comparative Theory Test of Democratic Peace Arguments, 1946-2000 // Journal of Peace Research. 2009. Vol. 46. No. 1. Pp. 17-37.
52. Levy J.S. Domestic Politics and War // Journal of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. No. 4. Pp. 653-673.
53. Lieberthal K. The Domestic Context of Chinese Foreign Policy // China's Foreign Relations in the 1980s. Ed. by H. Harding. New Haven, Yale University Press, 1984. Pp. 43-70.
54. Lijphart A., Karl W. Deutsch and the New Paradigm in International Relations // From National Development to Global Community. Essays in Honor of Karl W. Deutsch. Ed. by R. L. Merritt, B. M. Russett BM. London, George Allen & Unwin, 1981. Pp. 233-251.
55. Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, Lynne Rienner, 2000. 343 p.
56. Low A.D. The Sino-Soviet Dispute. An Analysis of the Polemics. London, Associated University Presses, 1976. 364 p.
57. Lüthi L.M. The Sino-Soviet Split. Cold War in the Communist World. Princeton, Princeton University Press, 2008. 400 p.
58. Lund M.S., Roig E. Southern Africa: An Emerging Security Community // Searching for Peace in Africa: An Overview of Conflict Prevention and Management Activities. Ed. by M. Mekenkamp, P. van Tongeren, H. van de Veen. Utrecht, European Centre for Conflict Prevention, 1999. Pp. 391-395.
59. Maoz Z., Russett B.M. Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946-1986 // American Political Science Review. 1993. Vol. 87. No. 3. Pp. 624-638. DOI: 10.2307/2938740
60. Miller B. The International, Regional, and Domestic Sources of Regional Peace // Stable Peace Among Nations. Ed. by A. M. Kacowicz, Y. Bar-Siman-Tov, O. Elgström. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000. Pp. 55-74.
61. Miller B. States, Nations, and the Great Powers: the Sources of Regional War and Peace. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 500 p.
62. Morgan T.C., Campbell S. Domestic Structure, Decisional Constraints, and War // Journal of Conflict Resolution. 1991. Vol. 35. No. 2. Pp. 187-211. DOI: 10.1177/0022002791035002003
63. Nathan L. Domestic Instability and Security Communities // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 2. Pp. 275-299. DOI: 10.1177/1354066106064510
64. Ngoma N. SADC: Towards a Security Community? //African Security Review. 2003. Vol. 12. No. 3. Pp. 17-28. DOI: 10.1080/10246029.2003.9627230
65. Oneal J.R., Russett B.M. The Kantian Peace: The Pacific Benefits of Democracy, Interdependence, and International Organizations, 1885-1992 // World Poli-

tics. 1999. Vol. 52. No. 1. Pp. 1-37. DOI: 10.1017/S0043887100020013
66. Oren I., Hays J. Democracies May Rarely Fight One Another, But Developed Socialist States Rarely Fight at All // Alternatives: Social Transformation and Humane Governance. 1997. Vol. 22. No. 4. Pp. 493-521.
67. Owen J.M. Liberal Peace, Liberal War. American Politics and International Security. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. 264 p.
68. Owen J.M. Pieces of Maximal Peace. Common Identities, Common Enemies // Stable Peace Among Nations. Ed. by A. M. Kacowicz, Y. Bar-Siman-Tov, O. Elgström. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000. Pp. 74-91.
69. Peceny M., Beer C.C., Sanchez-Terry S. Dictatorial Peace? // American Political Science Review. 2002, Vol. 96. No. 1. Pp. 15-26. DOI: 10.1017/S0003055402004203
70. Pouliot V. The Alive and Well Transatlantic Security Community: A Theoretical Reply to Michael Cox. European Journal of International Relations. 2006. vol. 12. No. 1. Pp. 119-127. DOI: 10.1177/1354066106061332
71. Pouliot V. Pacification Without Collective Identification: Russia and the Transatlantic Security Community in the Post-Cold War Era. Journal of Peace Research. 2007. Vol. 44. No. 5. Pp. 605-622. DOI: 0.1177/0022343307080858
72. Radchenko S. Two Suns in the Heavens. The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962-1967. Stanford, Stanford University Press, 2009. 288 p.
73. Raknerud A., Hegre H. The Hazard of War: Reassessing the Evidence for the Democratic Peace // Journal of Peace Research. 1997. Vol. 34. No. 4. Pp. 385-404. DOI: 10.1177/0022343397034004002
74. Ray J.L. Does Democracy Cause Peace? // Annual Review of Political Science. 1998. Vol. 1. Pp. 27-46.
75. Ray J.L. Exploring the Bargaining Model of War // Perspectives on Politics. 2003. Vol. 1. No. 1. Pp. 27-44. DOI: 10.1017/S1537592703000033
76. Ray J.L. Constructing Multivariate Analyses (of Dangerous Dyads) // Conflict Management and Peace Science. 2005. Vol. 22. Pp. 277-292. DOI: 10.1080/07388940500339175
77. Risse-Kappen T. Democratic Peace – Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument // European Journal of International Relations. 1995. Vol. 1. No. 4. Pp. 491-517. DOI: 10.1177/1354066195001004005
78. Risse-Kappen T. Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO // The Culture of National Security. Ed. by P.J. Katzenstein New York, Columbia University Press, 1996. Pp. 357-399.
79. Robinson T. China Confronts the Soviet Union // The Cambridge History of China. Ed. by R. MacFarquhar, J.K. Fairbank, D. Twitchett. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. Pp. 218-304.
80. Rosato S. The Flawed Logic of Democratic Peace Theory // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 4. Pp. 585-602. DOI: 10.1017/S0003055403000893
81. Rosato S. Explaining the Democratic Peace // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 3. Pp. 467-472. DOI: 10.1017/S0003055405051804
82. Rosecrance R. The Rise of the Trading State. Commerce and Conquest in the Modern World. New York, Basic Books, 1986. 268 p.
83. Rüland J. Deepening ASEAN Cooperation through Democratization? The Indonesian Legislature and Foreign Policymaking // International Relations of the Asia-Pacific. 2009. Vol. 9. No. 3. Pp. 373-402. DOI: 10.1093/irap/lcp010
84. Rummel R.J. Libertarianism and International Violence // Journal of Conflict Resolution. 1983. Vol. 27. No. 1. Pp. 27-71. DOI: 10.1177/0022002783027001002
85. Russett B.M. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Ewing, Princeton University Press, 1993. 192 p.
86. Scalapino R. Containment and Countercontainment: The Current Stage of Sino-Soviet Relations // China, the Soviet Union, and the West. Ed. By D. Stuart, W. Tow. Boulder, Westview, 1982. Pp. 173-185.
87. Selebi J. Building Collaborative Security in Southern Africa // African Security

Review. 1999. Vol. 8. No. 5. Pp. 3-12.
88. Shaw T.M. African Renaissance/African Alliance: Towards New Regionalisms and New Realism in the Great Lakes at the Start of the Twenty-First Century // Politeia. 1998. Vol. 17. No. 3. Pp. 60-74.
89. Slantchev B.L., Alexandrova A., Gartzke E. Probability Causality, Selection Bias, and the Logic of the Democratic Peace // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 3. Pp. 459-462.
90. Slantchev B.L. Politicians, the Media and Domestic Audience Costs // International Studies Quarterly. 2006. Vol. 50. No. 2. Pp. 445-477. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00409.x
91. Small M., Singer D.J. The War Proneness of Democratic Regimes, 1816-1965 // Jerusalem Journal of International Relations. 1976. Vol. 1. Pp. 50-69.
92. Souva M. Institutional Similarity and Interstate Conflict // International Interactions. 2004. Vol. 30. No. 3. Pp. 263-280. DOI: 10.1080/03050620490492213
93. Starr H. Democracy and War: Choice, Learning and Security Communities // Journal of Peace Research. 1992. Vol. 29. No. 2. Pp. 207-213. DOI: 10.1177/0022343392029002007
94. Starr H. Democracy and Integration: Why Democracies Don't Fight Each Other // Journal of Peace Research. 1997. Vol. 34. No. 2. Pp. 153-162. DOI: 10.1177/0022343397034002003
95. Stubbs R. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to 'Global' Governance // The Pacific Review. 2008. Vol. 21. No. 4. Pp. 451-468. DOI: 10.1080/09512740802294713
96. Treadgold D.W. Alternative Western Views of the Sino-Soviet Conflict // The Sino-Soviet Conflict. A Global Perspective. Ed. by Ellison H. J. Seattle, University of Washington Press, 1982. Pp. 325-355.
97. Vasquez J.A. Why Do Neighbors Fight? Proximity, Interaction, or Territoriality // Journal of Peace Research. 1995. Vol. 32. No. 3. Pp. 277-293. DOI: 10.1177/0022343395032003003
98. Väyrynen R. Stable Peace Through Security Communities: Steps Towards Theory-building // Stable Peace Among Nations. Ed. by A. M. Kacowicz, Y. Bar-Siman-Tov, O. Elgström. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000. Pp. 108-129.
99. Walt S.M. Revolution and War. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1996, 376 p.
100. Weeks J.L. Autocratic Audience Costs. Regime Type and Signaling Resolve // International Organization. 2008. Vol. 62. No. 1. Pp. 35-64. DOI: 10.1017/S0020818308080028
101. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 450 p.
102. Werner S. The Effects of Political Similarity on the Onset of Militarized Disputes, 1816-1985 // Political Science Quarterly. 2000. Vol. 53. No. 2. Pp. 343-374. DOI: 10.1177/106591290005300207
103. Werner S., Lemke D. Opposites Do Not Attract: The Impact of Domestic Institutions, Power, and Prior Commitments on Alignment Choices // International Studies Quarterly. 1997. Vol. 41. No. 3. Pp. 529-546.
104. Westad O.A. Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. Stanford, Stanford University Press, 1998. 404 p.
105. Williams M.C. The Discipline of the Democratic Peace: Kant, Liberalism and the Social Construction of Security Communities // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7. No. 4. Pp. 525-553. DOI: 10.1177/1354066101007004006
106. Zagoria D. The Sino-Soviet Conflict, 1956-61. Princeton, Princeton University Press, 1962. 498 p.
107. Zhang S.G. Sino-Soviet Economic Cooperation. Brothers in Arms. The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance. Ed. by O. A. Westad. Stanford, Stanford University Press, 1998. Pp.189-226.

Об авторе:

Саймон Кошут – д.полит.н., научный сотрудник программы Гейзенберга. Институт политологии им. Отто Зура, Свободный университет Берлина. Ihnestr. 22, 14195 Berlin, Germany. E-mail: simon.koschut@fu-berlin.de.

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 32-56
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-32-56

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

АГРЕССИЯ НАТО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ, ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Е.Г. Пономарева, А.В. Фролов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН

24 марта 1999 г. под предлогом борьбы за права человека началась агрессия стран-членов НАТО против суверенного европейского государства – Союзной республики Югославия. Это был первый в истории военный удар, нанесённый по суверенному государству в ответ не на внешнюю агрессию, а на внутренний конфликт. Эскалация косовского конфликта до масштабов «гуманитарной интервенции» поставила острый вопрос не только о контурах и принципах мировой системы XXI в., но и о границах функционала наднациональных, прежде всего, силовых структур.

Последствия агрессии имели как краткосрочный, так и долгосрочный характер. В статье дан анализ трёх групп последствий: международно-правовых, военно-стратегических и геополитических. В первом случае рассмотрен процесс легитимации понятий «гуманитарная интервенция» и «ответственность по защите». При анализе военно-стратегических следствий агрессии акцент сделан на процессах и процедурах превращения сербской армии в дисфункциональную систему и создании условий для вступления республики в НАТО. Поскольку именно Сербия является центральным звеном балканской политики западных стран и организаций, данный вопрос является крайне актуальным. Геополитические последствия агрессии рассмотрены сквозь призму технологий политических переворотов, апробированных в Сербии в октябре 2000 г. и впоследствии использованных в разных регионах мира. Предваряет исследование краткий историографический обзор новейшей литературы по данной проблематике.

Проведённый многоуровневый анализ последствий агрессии НАТО 1999 г. даёт возможность сформулировать принципиально новые концептуальные подходы внешней политики современной России.

Ключевые слова: Балканы, Союзная республика Югославия, агрессия НАТО 1999 г., международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия агрессии, мировая политика.

УДК 327.8
Поступила в редакцию 01.032019 г.
Принята к публикации 02.04.2019 г.

2019 год – время исторического и политического вердикта событиям 20-летней давности. В среду (по православному календарю – в Глухую среду) 24 марта 1999 г. в 20:00 Генеральный штаб Армии Югославии сообщил о начале агрессии НАТО. Через 15 минут в Белграде, Подгорице и других крупных югославских городах завыли сирены – впервые после Второй мировой войны. За 78 дней бомбардировок авиация НАТО нанесла 2300 воздушных ударов по 995 объектам. По территории Югославии было выпущено более трёх тысяч крылатых ракет, сброшено около 25 тыс. т (по некоторым данным – 79 тыс. т) взрывчатых веществ, в том числе запрещённые военные средства и виды оружия – 152 контейнера с 35 450 кассетными бомбами, снаряды с графитоэлектромагнитной зарядкой и необогащённым ураном [5, с. 676-677].

В центре Европы блок НАТО развязал масштабную и постыдную войну, которая не только нанесла непоправимый экономический ущерб современной Сербии – «вбомбила её в каменный век» [17, с. 85] и привела к многочисленным жертвам среди мирного населения Югославии [28, с. 144], но в корне изменила политический ландшафт региона и мировую политику в целом. С тех пор доминантой стала ставка на силовое решение конфликтов, что в свою очередь определило «наступление достаточно длительного периода неопределённости» [7, с. 4] и привело к деструкции международной нормативности. Как отметила официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова, «именно весной 1999 г. НАТО похоронил международное право в Европе». После совершённой агрессии «любые рассуждения западных столиц на тему нарушения кем бы то ни было международного права, свободы слова и принципов демократии» стоит рассматривать «не иначе, как неприкрытое лицемерие»[1].

Оценки агрессии: краткий историографический обзор

Несмотря на довольно весомый багаж научных и научно-публицистических работ о событиях того времени, многие вопросы до сих пор остаются открытыми либо спорными, что определено, как минимум, двумя причинами. Во-первых, это явно исторический, военно-технический и правоведческий уклон имеющейся литературы, в которой содержится преимущественно описание исторических причин косовского кризиса, конкретных этапов подготовки к агрессии и самой кампании, приводятся разного уровня количественные показатели. Также исследуются процесс т.н. «мирного урегулирования» [25], завершившийся провозглашением 17 февраля 2008 г. в отторгнутом в результате агрессии сербском автономном крае Косово и Метохия (КиМ) новой албанской политии – Республики Косово [14; 16; 20] и влияние событий 1999 г. на трансформацию международ-

[1] Захарова: Весной 1999 года НАТО похоронил международное право в Европе [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/02/28/zaharova-vesnoj-1999-goda-nato-pohoronil-mezhdunarodnoe-pravo-v-evrope.html (дата обращения 04.05.2019)

ного права [4; 11; 18; 20]. Эта литература – своего рода бэкграунд, позволяющий сделать столь необходимый сегодня прогностический анализ.

Второй причиной сохранения «белых пятен» является очевидная идеологическая и политическая нагруженность темы. Критический подход в оценке бомбардировок в большей степени свойственен отечественному и сербскому дискурсу, в то время как западные авторы скорее склонны, в лучшем случае, объяснять, в худшем – оправдывать агрессивные действия альянса. Однако в последнее время и на Западе в среде интеллектуалов и политиков становится очевидным тренд объективной и неангажированной оценки событий 1999 г. В частности, президент Чехии М. Земан в ответ на утверждения Генсека НАТО Й. Столтенберга, что бомбардировки проводились якобы в целях защиты гражданского населения от режима Слободана Милошевича, назвал агрессию альянса в отношении суверенного государства непоправимой ошибкой: «и нет необходимости искать алиби, чтобы оправдать её»[2].

Такой подход вскрывает отложенный «эффект агрессии». Участие в операции «Союзная сила»[3] под руководством Х. Соланы не только не скрепила европейские страны, но оказала отрицательное влияние на дальнейшее развитие их взаимоотношений, подорвала их доверие друг к другу. «А тот факт, что виновные в совершённых преступных действиях так и не понесли заслуженного наказания, привёл к новым актам агрессии государств-членов НАТО против других суверенных государств. После ракетно-бомбовых атак 1999 г. НАТО окончательно превратилась в основную угрозу для глобальной и региональной безопасности в мире»[4].

Интересна оценка деятельности альянса, данная итальянским генералом Ф. Мини, командовавшим с 2002 по 2003 гг. международными миротворческими силами в Косово (КФОР). По его мнению, НАТО является инструментом достижения исключительно геополитических и экономических интересов США. «Это, по сути, агентство, предлагающее услуги. Альянс уже не тот, чем он являлся в 1949 г. Теперь это нечто похожее на компанию по прокату: вы платите и получаете услугу с использованием государств-членов НАТО, которые согласились с тем, что они не будут самостоятельно контролировать деятельность блока и станут частью многонациональной корпорации. Они сейчас доступны для тех, кто платит, хотя это, как правило, касается интересов только одного государства – США»[5].

---

[2] Президент Чехии: Натовские бомбардировки Югославии – неоправданная ошибка // Российская газета. 13 октября 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/10/13/prezident-chehii-natovskie-bombardirovki-iugoslavii-neopravdannaia-oshibka.html (дата обращения 04.05.2019)

[3] Operation Allied Force. 23 March – 10 June 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/kosovo/all-frce.htm (дата обращения 04.05.2019)

[4] Заявление Совета Федерации РФ в связи с двадцатилетней годовщиной начала военной операции Организации Североатлантического договора против Союзной Республики Югославии. URL: http://council.gov.ru/events/news/102603/ (дата обращения 04.05.2019)

[5] Борисов А. Дональд Трамп осуждал жестокость бомбардировок Югославии в 1999 году // Российская газета. 25 марта 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/03/25/donald-tramp-osuzhdal-zhestokost-bombardirovok-iugoslavii-v-1999-godu.html (дата обращения 04.05.2019)

Напомним, что непосредственное участие в воздушной кампании НАТО против Югославии при несомненном доминировании США (60% боевых вылетов, 55% боевых самолетов, свыше 95% крылатых ракет, 80% сброшенных бомб, все стратегические бомбардировщики, 60% разведывательных самолетов и БЛА, 24 разведывательных спутника из 25[6]) принимали Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Франция, ФРГ. Албания, Болгария, Венгрия, Македония, Румыния в инициативном порядке предоставили своё воздушное пространство и территорию в распоряжение объединённых сил блока. Как не раз бывало в региональной истории, сработал балканский «синдром зла» [10, с. 26], когда собственное «процветание» региональные правительства видят за счёт поражения соседей. Из европейских стран только две заняли относительно жёсткую позицию: Австрия отказалась предоставить своё воздушное пространство, а Швейцария ввела ограничительные санкции на поставку вооружений странам НАТО.

Показательно, что в октябре 1999 г. на вопрос известного тележурналиста Ларри Кинга: «поступил ли бы Д. Трамп в Косово так же, как это сделал Б. Клинтон», – будущий и явно не отличающийся миролюбием 45-й президент США ответил неожиданно. «Я бы сделал всё немного по-другому… посмотрите, какой разгром они вызвали в Косово. Мы можем сказать, что потеряли мало людей. Конечно, когда мы располагали самолётами, сбрасывающими бомбы с высоты почти в 23 км. Но посмотрите, что мы сделали в той стране и тем людям, на те смерти, случившееся из-за нас. У нас и союзников не было потерь лишь потому, что мы были там наверху, в самолётах... Я не считаю это успехом. Они жестоко провели бомбардировки страны (СРЮ) и целой области (Косово). Все бегут во всех возможных направлениях, и никто не знает, что происходит»[7]. Конечно, положение обязывает: политика администрации Д. Трампа в Сирии, по сути, ничем не отличается от политики администрации Клинтона в Косово. Схема прежняя: ставка на деструктивные силы, поддержка радикальной «оппозиции» – боевиков-джахадистов, установка на свержение легитимного и законного лидера. Однако, оценку 20-летней давности стоит запомнить.

Надо сказать, что особо неприглядно в эскалации конфликта и поддержке агрессии НАТО выглядели европейцы. В то время как Вашингтон преследовал в акции устрашения Белграда свои геостратегические и бизнес-интересы, европейские страны легко поддались его пропаганде и не только быстро стали под фальшивые знамёна «гуманизма», позволив разжигать костёр у себя дома, но и самым активным образом потворствовали агрессии. Поэтому в последствии США смогли возложить на страны ЕС бремя восстановления разрушенной в

[6] Печуров С.А. Агрессия НАТО против Югославии [Электронный ресурс]. URL: https://whitepageshistory.ru/blog/43030631600/Agressiya-NATO-protiv-YUgoslavii.?nr=1 (дата обращения 04.05.2019)

[7] Борисов А. Дональд Трамп осуждал жестокость бомбардировок Югославии в 1999 году // Российская газета. 25 марта 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/03/25/donald-tramp-osuzhdal-zhestokost-bombardirovok-iugoslavii-v-1999-godu.html (дата обращения 04.05.2019)

результате бомбардировок югославской инфраструктуры, заставили увеличивать военные расходы. И это при том, что именно европейцы получили массу проблем в виде неконтролируемой миграции, в том числе по балканскому маршруту. Сегодня задним числом европейские лидеры вынуждены постыдно оправдывать свои действия. Так, министр иностранных дел Германии Х. Маас уверяет, что бомбардировки были «правильными»: «Я не хочу знать, что бы там ещё произошло, если бы их не было»[8].

Однако и на Западе есть учёные и эксперты, стремящиеся к объективному анализу причин и последствий военных акций НАТО. Назовём Г.Н. Бардоса (G.N. Bardos, Колумбийский университет, США), Б. Биссио (B. Bissio, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия), Д. Гибас-Кжак (D. Gibas-Krzak, Познаньский университет им. А. Мицкевича, Польша), Д. Григорову (D. Grigorova, Софийский университет им. Климента Охридского, Болгария), Г. Кучлера (H. Köchler, Университет Инсбрука, Австрия), С. Пилотто (S. Pilloto, Университет Триеста, Италия), Р. Сакву (R. Sakwa, Кентский университет, Великобритания), С.И. Сахин (S. Sahin, Университет Билкент, Турция). Пул исследователей, способных к критическому анализу действий НАТО в Югославии и не только, в последние годы растёт, хотя, надо признать, их голоса ещё не стали доминирующими в западном дискурсе. По крайней мере, пока.

Трансформация современной политики в сторону активизации гибридных войн, когда происходит сращивание силовых и гуманитарных полей, футуроархаизация и десуверенизация больших пространств как следствие вмешательства внешних игроков (государств, ТНК, наднациональных структур), рост радикальных (в том числе, террористических [19]) движений на «лоскутном одеяле» Балкан, формирование НАТО–Югославии – эти и целый ряд других деструктивных процессов, запущенных 20 лет назад, требуют не только однозначной оценки, но и анализа рисковых последствий ненаказания агрессии. Подобный аналитический подход видится необходимым для формирования российской дипломатией стратегически верных внешнеполитических решений и действий не только на Балканах, но и в других геополитически уязвимых зонах.

20-летие агрессии в России, Сербии и Республике Сербской отмечено десятками конференций разного уровня. Своей очереди в печати ждут научные статьи, монографии, сборники документальных материалов. К роковой дате был приурочен и выход на мировые экраны российско-сербской военной драмы «Балканский рубеж», посвящённой операции по захвату аэродрома «Слатина» в Косово и Метохии. Марш-бросок российских десантников на Приштину мог изменить военно-политический расклад в регионе. Для закрепления успеха военной акции у российского руководства не хватило политической воли. Тем не менее, сегодня такие фильмы крайне важны: растут новые поколения, которые

[8] Глава МИД Германии назвал правильными действия НАТО в Югославии 20 лет назад [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6251060 (дата обращения 04.05.2019).

мыслят иными категориями. Что же касается научной составляющей, то 2019 г. будет богат на аналитические материалы. Дело политиков превратить их в информационное и правовое оружие против агрессоров – рано или поздно НАТО должна понести наказание за совершённые преступления.

В рамках одной статьи не представляется возможным охватить весь спектр последствий агрессии, поэтому остановимся на трёх больших блоках: международно-правовом, военно-стратегическом и геополитическом.

Международно-правовые последствия агрессии 1999 г.

Именно в 1999 г. понятие «гуманитарная интервенция» не только прочно вошло в политический дискурс, но стало принципом действия ряда акторов мировой политики. Карт-бланш на «гуманитарные интервенции» был дан с высокой трибуны ООН 27 марта 2000 г. – в первую годовщину бомбардировок. В докладе «Мы народы» К. Аннан задавшись вопросом: «Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ущемлением суверенитета, то как тогда отвечать на такие ситуации, как Сребреница и Руанда – грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем правилам человеческого бытия?»[9], выдал по сути индульгенцию весьма спорному принципу. Такого рода заявления выглядят лукавыми. В лучшем случае они свидетельствуют, что Запад гуманитарная сторона вопроса в отличие от геостратегической и политической интересует меньше всего. Яркое тому подтверждение – реакция на события в Руанде, где количество жертв среди мирного населения было кратно больше, нежели в КиМ.

«Вооружённая интервенция всегда должна оставаться крайним средством, однако перед лицом массовых убийств от этого средства нельзя отказываться»[10]. Иными словами, любая интервенция даже без одобрения ООН может быть оправдана жертвами среди мирного населения. Вопрос о том, как появляются эти «жертвы», посредством каких технологий они становятся casus belli выносится за рамки дискуссии. На практике это превращается в не раз используемый сценарий: «Если для победы кандидата в президенты нужна война, значит она будет». К сожалению, это происходит не только на голливудской площадке, как это было прекрасно показано в фильме Б. Левинсона «Плутовство» за два года до бомбардировок – в 1997 г.

В докладе, представленном в августе 2002 г. Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (в её состав входил и представитель РФ – В.В. Лукин) Генеральной ассамблее ООН, концепция «гуманитарной интервенции» была прикрыта принципами т.н. «ответственности по защите». В итоге «гуманитарная интервенция» из концепции, использованной

[9] We the peoples: the role of the United Nations in the twenty-first century. Report of the Secretary-General. P. 35 [Электронный ресурс]. http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan000923.pdf (дата обращения 04.05.2019)
[10] Ibid.

для обоснования бомбардировок Югославии странами НАТО, превратилась в международный механизм, «обязывающий защищать». На практике это означает возможность международного сообщества, а точнее – ведущих акторов – нарушать суверенитет любого государства, поскольку «вмешательство по защите» не требует согласия государства-мишени или его обращения в ООН[11].

Замаскированные «гуманитарными» соображениями – обеспокоенностью судьбами косовских албанцев – масштабные, на протяжении почти трёх месяцев бомбардировки, будучи первой силовой акцией без санкции ООН против суверенного европейского государства, открыли международно-правовой ящик Пандоры.

После югославской войны 1999 г. агрессивная машина США – НАТО отработала в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии. И это лишь некоторые «вехи большого пути». На наших глазах ведётся активная подготовка к вооружённому вторжению в Венесуэлу, где для подготовки почвы к интервенции используются многие политтехнологии, прошедшие обкатку на Балканах. Это стало возможным потому, что агрессия против Югославии не получила должного осуждения со стороны мирового сообщества. Ни одна страна в мире не ввела против США санкций, ни разорвала дипломатические отношения с Брюсселем. Даже уничтожение в Белграде китайского посольства высокоточной бомбой и гибель трёх граждан КНР было покрыто только финансовыми выплатами. Поступившие от Вашингтона 4,5 млн долл. были разделены между родственниками погибших и пострадавших в ходе обстрела. 28 млн долл. получило правительство КНР в качестве компенсации за инцидент[12]. Ответственным за информацию о целях для нанесения воздушных ударов силами НАТО был установлен полковник ЦРУ У. Беннет, уволенный со службы в 2000 г. Накануне 10-летней годовщины бомбардировок – 22 марта 2009 г. в результате нападения банды подростков Беннет был убит. По понятным причинам, расследование не выявило связей нападавших с профессиональной деятельностью военного [30]. В большой геополитической игре не только судьба одного человека, но десятков и сотен тысяч – разменная монета.

Сложившаяся ситуация даёт основания утверждать, что концепция «ответственность по защите», не имеющая чёткой международно-правовой дефиниции и потому открывающая широкий простор для расширительных трактовок, остаётся важнейшей базовой концепцией коллективного Запада для осуществления вмешательства в собственных геополитических и экономических целях. Расклад сил в конфликтных регионах предвещает дальнейшее расширение зоны её применения. Так, США, НАТО и Лига арабских государств были готовы осуществить «гуманитарное вмешательство» в Сирии уже в июне–июле 2012 г. «по

[11] Ответственность по защите. Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. С. 65-66. [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/57/303 (accessed 04.05.2019)

[12] Белов Ю. США и Китай заплатят друг другу за погромы посольств // Коммерсант. 17 декабря 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/233041 (accessed 04.05.2019)

следам» обнаружения около сотни погибших в городе Хула[13]. В настоящее время не только Сирия, но Венесуэла, Иран и Северная Корея могут стать полигонами для «гуманитарной интервенции» с далеко идущими геополитическими последствиями, а само это понятие становится универсальным и удобным инструментом манипулирования общественным мнением для оправдания любой агрессии.

Полагаем, что стабилизировать международную обстановку может только возвращение к пониманию агрессии, зафиксированному в документах ООН 1974 г. В этом случае в качестве агрессии квалифицируется: «вторжение или нападение вооружённых сил государства на территории другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила; бомбардировки вооружёнными силами государства территории другого государства или применение любого другого оружия против территории другого государства; действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовались этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства», а также, что крайне важно в современных условиях ведения гибридных войн – «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наёмников, которые осуществляют акты применения вооружённой силы против другого государства, носящие столь серьёзный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них»[14]. Единственное необходимое уточнение – не только описанные действия государства должны пониматься как агрессивные, но поведение наднациональных структур и блоков.

В завершение этого раздела ещё одна – супер-важная – ремарка. Запущенный агрессией НАТО «новый интервенционализм» оказался перед двойной дилеммой. С одной стороны, в большинстве этнополитических конфликтов, на которые теперь в зависимости от интересов гегемона «разрешалось» воздействовать силой Североатлантического альянса, сталкивался принцип территориальной целостности, «освящённый международным правом» [9, с. 18], и право наций на самоопределение. С другой – «гуманитарная интервенция» однозначно предполагает вмешательство во внутренние дела, т.е. нарушение и ограничение суверенитета.

В первом случае до кульминации косовского кризиса принцип территориальной целостности, как и нерушимость границ, а именно отказ от силового их изменения был безусловно доминирующим в практике международного права. После агрессии 1999 г. право наций на самоопределение стало инструмен-

[13] Искендеров П.А. Гуманитарные интервенции в контексте геополитики [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnye-interventsii-v-kontekste-geopolitiki/ (accessed 04.05.2019)

[14] Defenition of aggression. The General Assembly. 14 December 1974 [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/en/A/RES/3314(XXIX) (дата обращения: 18.03.2019).

том целедостижения геополитических и экономических интересов, что серьёзным образом дестабилизировало ситуацию в мире. В результате до сих пор нет вразумительного ответа на вопрос В.В. Путина, заданного 15 сентября 2015 г. с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?». Мы живём в мире, где вместо коллективной работы главенствует эгоизм, где «всё больше диктата и всё меньше равноправия, меньше реальной демократии и свободы», в мире, в котором вместо понастоящему независимых государств множится число протекторатов, управляемых извне территорий[15].

Вторая дилемма не менее сложная. Жизнь человека, его права – высочайшая ценность, посягательства на которую вызывают озабоченность мирового сообщества. Однако убийства мирных жителей под прикрытием «гуманитарной интервенции» должны быть равно недопустимы и осуждаемы.

После битвы: военно-стратегический ландшафт региона

3 июня 1999 г. Скупщина (парламент) Сербии одобрила документ «по достижению мира», представленный представителями ЕС и России М. Ахтисаари и В. Черномырдиным. Широкой общественности документ впервые был представлен лишь 7 июня, когда он был зарегистрирован в СБ ООН под номером S/1999/649. Сербия брала на себя обязанности вывести из Косово и Метохии все военные и полицейские силы и соглашалась на размещение в крае международных сил безопасности «при существенном участии Организации Североатлантического договора» и на «создание временной администрации в Косово как части международного гражданского присутствия»[16]. Документ предполагал, что «согласованному числу югославских и сербских военнослужащих» будет разрешено вернуться в край для разминирования, обеспечения охраны сербских святынь и несения службы на ключевых погранзаставах. Что же касается политического процесса, то План мирного урегулирования предусматривал «существенное самоуправление для Косово, при всестороннем учёте соглашений, заключенных в Рамбуйе, и принципов суверенитета и территориальной целостности СРЮ и других стран региона и демилитаризации Освободительной армии Косово». Однако «добрые» намерения так и остались на бумаге.

Военно-техническое соглашение между НАТО и Белградом было подписано 9 июня 1999 г. Оно предполагало размещение Международного присутствия по безопасности в Косове (КФОР); установление воздушной зоны безопасности шириной 25 км вне границ/территории Косова, а также зоны наземной безопасности (5 км) также вне границ Косова, т.е. заходящей на территорию Сербии. Армия СРЮ в течение 11 дней обязалась вывести все войска. На следующий

[15] Выступление президента России В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50385 (accessed 04.05.2019)

[16] Peace plan. Security Council. S/1999/649 [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/S/1999/649 (accessed 04.05.2019)

день Х. Солана уведомил СБ ООН о том, что НАТО приостановила «воздушные операции»[17], а 20 июня, когда Белград выполнил все условия, приняла решение об их прекращении[18].

Полное освобождение края от военно-силового присутствия сербов, конечно же, не было продиктовано заботой об албанском населении. В современных войнах (прав оказался И.В. Сталин) тот, «кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может» [6, с. 84]. Планы отторжения Косово, формирования на этом кусочке «Старой Сербии» [14; 23] полностью подконтрольной политии и создания там крупнейшей американской военной базы были очевидны ещё до начала агрессии. Сценаристы вторжения хорошо усвоили урок начальника Генерального штаба вооружённых сил Австро-Венгрии с 1881 по 1906 гг. Ф. Фон Бек-Ржиковского: «ключ к Балканам находится скорее в Косово и в Македонии, чем в Константинополе» [13, с. 7].

После периода «горячей войны» против Югославии США приступили к войне гибридной. В военно-стратегическом плане в отношении сначала Союзной республики Югославии как целого, а затем в отношении её составных частей – Сербии и Черногории – ставилось несколько целей: резкое сокращение структуры армии, её численности и вооружения (особенно тяжёлого); переход армии на контрактую основу; перевод обучения и вооружений армии на стандарты НАТО; включение сербской и черногорской армий в партнёрские, а затем и союзнические отношения с альянсом; постановка республиканских спецслужб под т.н. гражданский контроль. Аналогичные цели были поставлены в отношении Македонии, но поскольку самыми дееспособными единицами в регионе были на тот момент сербские армия и разведслужбы, то акцент был сделан именно на их трансформацию, а фактически, на уничтожение. Учитывая роль, которую в сербской истории и в процессе формирования государственности играл военный фактор [1; 2], превращение армии в дисфункциональную систему сделало аморфным и общество, и государство.

Деструкция армии и спецслужб как цементирующей сербское общество силы происходила постепенно. После октябрьского переворота 2000 г. стараниями новой власти Сербии были упразднены стратегически важные группировки (Первая, Вторая и Третья Армии), а также расформированы структуры Ракетных войск и ПРО. В 2001 г. в отставку были отправлены 42 армейских генерала, в 2002 – ещё 32. За командующего Третьей армией вступился даже сербский патриарх Павел. Однако президент В. Коштуница проигнорировал эту просьбу, обосновав это тем, что «таково распоряжение американцев, и это нужно сделать» [24, с. 250].

Убрать боевых генералов, организовывавших сопротивление в ходе агрессии, было необходимо для перехода к следующему этапу – установлению пар-

[17] Security Council. S/1999/663 [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/en/S/1999/663 (accessed 04.05.2019)
[18] Security Council. S/1999/702. URL: https://undocs.org/en/S/1999/702 (accessed 04.05.2019)

тнёрских отношений с НАТО. Очевидно, что действовавший в 1999 г. высший командный состав к такой «миссии» был явно не готов.

25 августа 2002 г. была создана министерская группа по координации подготовки к вступлению Союзной республики Югославии в программу «Партнёрство во имя мира», своего рода предбанник НАТО. Перед этим во всех югославских СМИ была развернута информационная кампания по формированию положительного отношения к Партнёрству, как к «гибкой структуре, дающей новые возможности защиты национальной безопасности»[19].

Министром обороны Югославии был назначен Б. Тадич, прошедший в конце 2002 – начале 2003 гг. в США специальный курс обучения в сфере безопасности. Аналогичные курсы закончил ещё один сторонник евроатлантических ценностей и министр обороны в период с 2007 по 2012 гг. – Д. Шутановац [24, с. 250]. В июне 2007 г. в разговоре с послом США в Белграде Шутановац признался, что «его миссия – подготовка сербских вооружённых сил к вступлению в НАТО» [3, с. 96]. Однако процессы перехода сербской армии на стандарты НАТО запустил именно Тадич, ставший в 2004 г. президентом Сербии. Первым его шагом как министра обороны стало сокращение численного состава армейских подразделений СРЮ с 200 тыс. сначала до 52 тыс. чел., затем – до 30 тыс. [24, с. 251]. В настоящий момент, со слов сербских военных, сказанных в приватной обстановке, боеспособные части армии республики представлены всего двумя бригадами (чуть более 12 тыс. чел.). Количество резервистов насчитывает не более 50 тыс.

Уже в качестве президента Тадич завершил не только реформирование армии, но фактически лишил страну части суверенитета. 18 июля 2005 г. Сербия и Черногория подписали с НАТО договор «О сухопутных линиях коммуникации». С тех пор альянс имеет возможности беспрепятственного транзита своих войск через территорию балканских республик; получения в полное распоряжение аэродромов, бухт, шоссейных и железных дорог, казарм и информационных систем. Временной предел соглашения весьма условен – «до окончания всех операций поддержки мира в регионе Балкан»[20]. Показательно, что в 2006 г. на том же этаже, где находится кабинет министра обороны республики и его секретариат, разместилась канцелярия НАТО (NATO Military Liaison Office, MLO)[21].

В период с 2006 по 2009 гг. Белград подписал серию документов с НАТО и правительством США, резко изменивших стратегический баланс в регионе.

---

[19] НИН: Вступление Югославии в программу НАТО «Партнёрство ради мира» возможно [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravda.ru/world/803852-nin_vstuplenie_jugoslavii_v_programmu_nato_partnerstvo_radi_mira/ (дата обращения: 04.05.2019)

[20] Гуськова Е.Ю. Стремится ли Сербия в НАТО? [Электронный ресурс]. URL: https://www.fondsk.ru/news/2015/01/24/stremitsja-li-serbia-v-nato-31453.html (дата обращения: 04.05.2019)

[21] NATO Military Liaison Offic. Belgrade-Home [Электронный ресурс]. URL: https://jfcnaples.nato.int/mlo_belgrade (accessed: 18.03.2019).

В частности, положения военно-технического сотрудничества Сербии с НАТО и США предполагают:

- освобождение солдат и другого персонала США от уголовной ответственности за совершение преступлений и нанесение ущерба на территории Сербии (правовой иммунитет);
- освобождение от таможенного и любого иного контроля со стороны сербских властей перемещаемых по территории Сербии физических и юридических лиц, а также средств правительства США и его договорных партнёров (в том числе военных компаний);
- предоставление американским войскам и компаниям необходимую инфраструктуру, а также право строительства объектов на территории Сербии в соответствии с американскими требованиями, а также;
- оказание со стороны сербских властей поддержки американским военным в логистике, расположению резервов и их обслуживанию [24, с. 251-252].

Окончательно закрепило проникновение военных и разведслужб иностранных государств на территорию Сербии «Соглашение о статусе сил» (Status of Forces Agreement, СОФА), подписанное в январе 2014 г. в Вашингтоне министром обороны Н. Родичем и ратифицированное в июле 2015 г. Скупщиной[22]. Документ определяет правовое положение вооружённых сил США и НАТО, находящихся на территории Сербии. Аналогичное соглашение было подписано и с Черногорией. Согласно букве договора, республики добровольно взяли на себя все обязанности полноправных членов альянса[23]. Фактически Сербия уже является членом НАТО. Форма же требует решения «косовского вопроса», т.е. признание Сербией «Республики Косово» (РК) как суверенного образования, что даст возможность остальным членам НАТО признать, как это не парадоксально звучит – территориальную целостность самой Сербии, но уже в новых границах (без Косово).

Дело в том, что, согласно ст. 4 Устава НАТО, члены альянса обязуются всегда «консультироваться друг с другом, в случае если, по мнению какой-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из договаривающихся сторон окажутся под угрозой»[24]. По итогам бомбардировок 1999 г. от Сербии была отторгнута историческая родина, поэтому пока сам Белград не согласится на формализацию существующего де-факто положения, в НАТО ему дорога закрыта. В настоящее время все члены НАТО, кроме Греции, Испании, Румынии и Словакии, признают независимость РК, и не могут принять Сербию в свои ряды, пока та не откажется от своего автономного края.

---

[22] Parliament ratifies agreement with NATO on status of forces [Электронный ресурс]. URL: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2015&mm=07&dd=08&nav_id=94685 (accessed 04.05.2019)

[23] Report on Status of Forces Agreements. International Security Advisory Board. January, 16. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/documents/organization/236456.pdf (accessed 05.05.2019)

[24] The North Atlantic Treaty. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed 05.05.2019)

Довершило процесс полного включения Белграда в орбиту США и НАТО соглашение IPAP (Individual partnership action plan), вступившее в силу 15 января 2015 г. IPAP – оперативный документ, предполагающий максимальное углубление сотрудничества между Сербией и НАТО, проникновение структур альянса практически во все сферы сербского государства[25]. Последующие договорённости, например, Соглашение о сотрудничестве в области материально-технического обеспечения (февраль 2016), лишь детализируют уже имеющиеся положения. Справедливости ради, стоит отметить, что получение MAP (Membership action plan) – плана действий по членству, когда уже вся политико-экономическая жизнь страны приспосабливается к условиям альянса, для Сербии не столь актуально. Страна может формально и не вступать в блок, поскольку уже применяет все учредительные стандарты и выполняет все обязательства НАТО.

Поэтому – и это важно – нельзя верить в мантру А. Вучича о нейтральном статусе Сербии и о не вступлении республики в альянс. «Вы не волнуйтесь, – говорит он, – никому не надо бесспокоиться по этому вопросу. Сербия не будет в НАТО… Это должен знать каждый человек в России, как это знает и каждый человек в Сербии. А всё остальное – пустяк… Сербия – нейтральная с военной точки зрения и эту позицию будет тщательно соблюдать»[26]. В то же время Вучич не может не понимать, что НАТО – это жёстко иерархичная и разветвлённая военная структура, имеющая стратегические цели и чёткий план действий. Сербия как участник IPIP принимает самое непосредственное участие во всех военных учениях на европейском фронте НАТО. Более того, размещённая на юге Сербии, модернизированная и оснащённая на американские средства современным вооружением база «Юг», входящая в оргструктуру альянса, находится в 400 км от воздушной границы Крыма.

Характер проводимых на базе «Юг» учений показывает, что там отрабатываются не только навыки борьбы с терроризмом, как это заявляется в официальных документах. Не нужно быть профессионалом, чтобы понимать, что танки используются только против вероятного противника, когда тот прорвал линию обороны, и боевые действия ведутся непосредственно на территории страны. Следует также помнить, что в стратегических документах НАТО именно Россия определяется как вероятный противник и «агрессор». Не хочется в это верить, но вполне возможно, что в случае боевых действий сербские танки окажутся не в тылу врага – НАТО, а на передовой и под натовским флагом. Последние в хронологическом порядке совместные учения с НАТО были проведены в Сербии в октябре 2018 г. в районе г. Младеновац. Причём А. Вучич тепло поблагодарил генсека НАТО Й. Столтенберга за «поддержку в организации учений и за то, что он ни одной секунды и никаким образом не хотел влиять на независимое

[25] Individual partnership action plan. The Republic of Serbia and NATO [Электронный ресурс]. http://www.mfa.gov.rs/en/images/ipap/IPAP_eng.pdf (accessed 05.05.2019)

[26] Интервью А. Вучича Первому каналу российского телевидения [Электронный ресурс]. URL: https://balkanist.ru/nikakogo-perevorota-v-serbii-ne-budet-aleksandr-vuchich/ (дата обращения: 05.05.2019)

и самостоятельное решение Сербии о будущем. Сербия хорошо сотрудничает и будет сотрудничать с НАТО, а также иметь добрые отношения с Россией и Китаем»[27]. Как говорится, почувствуйте разницу. Международное право оперирует термином «сотрудничество», а вот «добрые отношения» ему не известны.

Получается, что понятие «военный нейтралитет» – это, скорее, медийный шум, который нравится Москве. Это утверждение вытекает не только из буквы сербского законодательства – соглашений с США и НАТО. Действительно нейтральный статус должен быть зафиксирован в международно-правовых документах. Для этого необходимо подать заявку в соответствующие структуры ООН с просьбой о признании международного статуса страны как военно-нейтрального или просто нейтрального. До тех пор, пока такая процедура не запущена, пока ООН не признала этого статуса, строго юридической нейтральности в международно-правовом понимании не существует. Однако дело даже не в международных, а во внутренних документах. Ни в Конституции, ни в Стратегии национальной безопасности, ни в Стратегии обороны Сербии нет даже намёка на нейтралитет. Наоборот, в последних двух документах указывается, что одной из стратегических целей Сербии является «интеграция в европейские и другие международные структуры безопасности и участие в программе НАТО “Партнёрство во имя мира”»[28], что рассматривается как «основа близкого, долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества со странами-членами НАТО»[29]. О России в этих документах нет ни слова. Откуда же взялось в сербском и российском дискурсе понятие «военный нейтралитет»?

Первый и последний раз в официальном документе это понятие фигурировало в Резолюции «О защите суверенитета, территориальной целостности и конституционного порядка Республики Сербии», принятой Скупщиной 26 декабря 2007 г. В ст. 6 Резолюции записано: «В виду совокупной роли НАТО, начиная с противозаконных бомбардировок Сербии в 1999 г. без разрешения СБ ООН, вплоть до отвергнутого плана Ахтисаари, согласно которому НАТО провозглашается “окончательным органом” власти в “независимом Косово”, Народная Скупщина Республики Сербии принимает решение о провозглашении военного нейтралитета Сербии относительно существующих военных союзов до возможного проведения референдума, на котором было бы принято окончательное решение по данному вопросу»[30].

С 2007 г. не было проведено никаких референдумов о военном нейтралитете, не принято иных документов, фиксирующих данное понятие. Более того,

---

[27] Вучич: Сербия останется военно нейтральной, но будет сотрудничать с НАТО [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5648292 (дата обращения: 05.05.2019)

[28] Стратегия одбране [Электронный ресурс]. С. 12. URL: http://www.mod.gov.rs/multimedia/file/staticki_sadrzaj/dokumenta/strategije/Strategija%20odbrane%20Republike%20Srbije.pdf (accessed 05.05.2019)

[29] Стратегия безбедности [Электронный ресурс]. С. 15. URL: http://www.mod.gov.rs/multimedia/file/staticki_sadrzaj/dokumenta/strategije/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf (accessed 05.05.2019)

[30] Резолуција Народне скупштине о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије [Электронный ресурс]. URL: https://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/index.php?id=80729 (accessed 05.05.2019)

по сути современная Сербия находится в союзнических отношениях с НАТО, а понятие «военный нейтралитет» не более, чем «пропагандистская формула, существующая только в общественно-политическом дискурсе» для успокоения не столько собственного населения, сколько «убаюкивания российской стороны»[31].

Фактическая и добровольная включённость Сербии в структуру НАТО – таков ещё один отложенный итог бомбардировок. Однако нынешнему сербскому руководству потери национального и военного суверенитета явно мало. Выступая 18 марта 2019 г. на конференции «Белградский стратегический диалог», посвящённой 20-летию бомбардировок Югославии блоком НАТО, А. Вучич призвал сербов простить агрессоров[32]. Правда, чуть позже в интервью Первому каналу российского телевидения он уточнил: «простить мы можем, но забыть мы не сможем никогда» и поэтому мы должны «напоминать следующим поколениям об этом страшном совершившемся преступлении»[33]. С такой позицией категорически не согласны в Республике Сербской, где исходят из позиции: «прощать преступления Североатлантического альянса против сербов недопустимо»[34].

Политический «вирус забвения» заразен. В Черногории, которая в 1999 г. была частью СРЮ и также подвергалась бомбардировкам, «родственников военнослужащих, погибших двадцать лет назад, не пустили к мемориальной табличке, находящейся на территории военной части. Саму эту табличку собираются демонтировать». Ещё более ужасный поступок сделал президент Черногории М. Джуканович – в памятные дни бомбардировок «в своей резиденции он устроил торжественный приём для послов стран-членов НАТО и натовского генералитета»[35]. Напомним, в Североатлантический альянс Черногория вступила в 2017 г.

К сказанному следует добавить, что общебалканские военно-стратегические последствия бомбардировок, без преувеличения, изменили мировую политику в целом. Сразу после вывода сербской армии из Косово и Метохии летом 1999 г. в крае недалеко от г. Урошевац компания Hallibarton (её связывали с именем министра обороны США при Буше-старшем – Д. Чейни) начала строительство американской военной базы, рассчитанной на 7 тыс. военнослужащих.

---

[31] Филимонова А. Сербии не нужно вступать в НАТО, потому что НАТО вступила в Сербию [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/opp/2016/iyul/08/serbii_ne_nuzhno_vstupat_v_nato_potomu_chto_nato_vstupila_v_serbiyu/ (дата обращения: 05.05.2019)

[32] Борисов А.В. Двадцать лет спустя. Сербов пытаются отвлечь от совершенных НАТО преступлений в бывшей Югославии [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/03/18/kak-serbov-otvlekaiut-ot-sovershennyh-nato-prestuplenij-v-byvshej-iugoslavii.html (дата обращения: 05.05.2019)

[33] Интервью А. Вучича Первому каналу российского телевидения [Электронный ресурс]. URL: https://balkanist.ru/nikakogo-perevorota-v-serbii-ne-budet-aleksandr-vuchich/ (дата обращения: 05.05.2019)

[34] Додик: Я не из тех, кто готов простить преступления НАТО против сербов // Российская газета. 25 марта 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/03/25/dodik-ia-ne-iz-teh-kto-gotov-prostit-prestupleniia-nato-protiv-serbov.html (дата обращения: 05.05.2019)

[35] Бондарев Н. Военная операция НАТО против Югославии и Москва [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/2601894.html (дата обращения: 05.05.2019)

Через год – летом 2000 г. Кэмп-Бондстил был признан «крупнейшим американским городом в Европе», названным в честь стафф-сержанта Джеймса Бондстила, удостоенного высшей военной награды США – медали Почёта – за участие во Вьетнамской войне [18, с. 450]. Месторасположение (база находится в зоне стратегически важных старых энергетических коридоров № 8 и № 10[36], что позволяет практически в любой момент «перекрыть вентиль» и оставить Европу без энергоресурсов) и оснащение военной базы, а также задачи, которые она призвана решать, рождают в экспертном сообществе уверенность, что «Бондстил может стать столицей нового военно-криминального квази-государства, которое объединит территории Македонии, южной Сербии, Черногории, населённые албанцами, РК и, собственно, Албанию» [18, с. 451].

Таким образом, Республика Косово является центром балканской политики США. Не случайно премьер-министр самопровозглашенной политии Р. Харадинай уверен, что «США, независимо от обстоятельств, будут всегда на стороне Приштины, даже в случае нарушения ей всех основ международного права»[37]. Оговорка? Когда официальное лицо говорит о «нарушении всех основ международного права» – это очень серьёзно. То, что армия РК, созданная в декабре 2018 г. вопреки Резолюции СБ ООН 1244 по стандартам НАТО, будет призвана окончательно решить «сербский вопрос» на территории края – сомнений нет [12, с. 234-235, 244]. Но какова будет реакция Белграда?

В декабре 2018 г. в ходе консультаций с послами России, Китая и США А. Вучич отметил, что «кто-то намеренно толкает Сербию и весь Балканский регион к конфликту»[38]. Однако поджигатели балканского пороха уже давно перестали быть *in-cognitus* – «действия Приштины поддерживаются США и ФРГ, в то время как ЕС и НАТО, охраняющие границы и порядок в крае, выступают против них»[39]. Предостережения России, что создание пятитысячной армии РК повлечёт за собой опасные последствия не только в крае, который «со всей очевидностью всё больше становится очагом нестабильности, источником конфликтного потенциала в регионе»[40], остаются без реакции.

Последним по перечислению, но не по значению последствием бомбардировок военно-стратегического значения является вступление в НАТО Черногории (5 июня 2017 г.) и позорное информационно-политическое шоу по переименованию Македонии с единственной целью – втянуть и эту республику в агрессивный блок. 6 февраля 2019 г. был подписан протокол о вступлении Северной Македонии в НАТО.

---

[36] Мосякин А. Албанское харакири Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.wprr.ru/archives/317 (дата обращения: 05.05.2019)

[37] Борисов А.В. Косово получило свою армию [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/12/14/kosovo-poluchilo-svoiu-armiiu.html (дата обращения: 05.05.2019)

[38] Ibid.

[39] Ibid.

[40] Заявление МИД России в связи с планами создания косовской «армии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3443106 (дата обращения: 05.05.2019)

На этом фоне при всей критике военно-стратегического мезальянса Белграда и Брюсселя стоит признать, что параллельно развивается военно-техническое сотрудничество и с Москвой. Деятельность Межправительственной сербско-российской комиссии по военно-техническому сотрудничеству не только способствует укреплению отношений между нашим странами, но и приносит ощутимые плоды в виде укрепления обороноспособности Сербии.

От Балкан до самых до окраин: «цветные революции» как геополитические последствия бомбардировок

Подписание капитуляционных документов «по достижению мира» положило начало деструктивным внутриполитическим процессам в Югославии. Сербия стала первой страной, где были применены «цветные» технологии смены политического режима. Впоследствии значительная часть сербских наработок была использована во всех других странах, где осуществлялись политические перевороты [21, с. 45]. В кампанию по подготовке свержения Милошевича были привлечены различные американские и европейские НПО, которые не только щедро финансировали изготовление наглядной агитации (брошюры, плакаты, наклейки, майки, флаги и т.п.) [29], но и обеспечивали оппозиционные структуры оргтехникой, компьютерным оборудованием, средствами доставки; оплачивали аренду помещений. Один из основателей движения «Отпор!» С. Хомен по прошествии времени признался, что оппозиционеры получали «большую финансовую помощь от неправительственных организаций Запада, а также от некоторых западных правительственных организаций» [27, с. 82]. Серьёзные средства ушли на подкуп представителей силовых и правительственных структур, а также на подготовку отрядов боевиков, готовых в случае необходимости к вооружённому противостоянию с силами правопорядка [8, с. 62, 83].

«Белградская революция» стала первым в постбиполярный период мировой истории успешным государственным переворотом, подготовленным и реализованным западными спецслужбами и ТНК совместно с местными НПО. Именно из Белграда началась эра «цветных революций»: за Сербией последовали Грузия, Украина, Молдова, Азербайджан, страны Северной Африки и Ближнего Востока, Россия и Венесуэла. Всех не перечислишь. Не везде технологии срабатывали, но именно в Белграде сформировались родовые признаки современных политических переворотов, имеющих, конечно, в каждом конкретном случае страновые модификации. В ряду базовых признаков ЦР:

- совместная деятельность внутренних и внешних игроков, заинтересованных в замене стоящей у власти политической группы на более лояльную по отношению к внешним акторам и готовую пожертвовать национальными интересами ради личного обогащения и иных корыстных целей;
- подготовка и финансирование деятельности внутренней оппозиции в значительной (но далеко не в полной) мере осуществляется внешними игрока-

ми. Местный олигархат также принимает активное участие в подготовке – организационной и финансовой – переворота, надеясь на значительные властные преференции в случае победы;

- транснациональная и геополитическая природа политического переворота. В первом случае неограниченный доступ к национальным ресурсам получают ТНК. Во втором – закрепляется влияние на конкретном пространстве страны-куратора и финансиста ЦР. В современных условиях, это Соединённые Штаты и их ближайшие союзники. Влияние может быть использовано с целью дальнейшей дестабилизации ситуации в целом регионе;
- для успешного осуществления переворота необходимо наличие комплекса социально-экономических проблем, переживаемых страной в течение довольно долгого периода времени (последствия санкций; многоуровневая коррупция; поражение в войне) и способных сформировать устойчивое раздражение властью у значительной части активного населения [21, с. 47-48].

«Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах», исходя из геополитических и экономических целей «приводят к трагическим последствиям, не к прогрессу, а к деградации»[41]. Социально-экономическое, политическое и военно-стратегическое положение современных Западных Балкан, а именно Македонии, Сербии, Черногории, а также частично признанной Республики Косово – очередное тому подтверждение.

Технологии политических переворотов активно используются в Сербии и в настоящее время. С 8 декабря 2018 г. по всей стране каждую субботу и воскресенье проходят митинги и марши протестов. Формальным поводом к активизации населения стало избиение оппозиционного политика Борко Стефановича. Вопросов к власти, действительно, много. Особенно по т.н. косовскому «компромиссу» – возможности признания Белградом Республики Косово. Однако эскалация конфликта произошла 16 марта 2019 г., когда в здании телецентра, а затем и на улицах произошли столкновения с полицией и спецназом. Протесты кто-то явно пытается направить в русло радикализации. По мнению некоторых экспертов, происходящее в Сербии всё более напоминает «кальку событий, которые прежде можно было видеть в других государствах» и прежде всего украинский сценарий 2014 г.[42].

Если настоящие протесты ещё ждут своего исследователя, то с событиями 2000 г. всё ясно. Без переворота в Белграде и свержения С. Милошевича, которого новое сербское руководство позорно, под покровом ночи вывезло в Гаагу, где он умер (скорее всего, был убит) 28 марта 2006 г. [22, с. 193], был бы невозможным дальнейший процесс переформатирования политической карты Запад-

[41] Выступление Президента России В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50385 (дата обращения: 05.05.2019)

[42] Вяткина М. Дестабилизация Сербии угрожает интересам России. URL: https://newdaynews.ru/balkans/658797.html (дата обращения: 05.05.2019)

ных Балкан. После устранения Милошевича ликвидация Союзной республики Югославия прошла в два этапа.

14 марта 2002 г. под руководством бывшего генсека НАТО и действующего генсека Европейского совета Х. Соланы было подписано соглашение об основах переустройства отношений между Сербией и Черногорией. Согласно подготовленной в ЕС конституционной хартии, новое государственное объединение – Государственный союз – состояло из двух равноправных членов – Черногории и Сербии с двумя автономными краями (КиМ и Воеводина). Документ фиксировал трёхлетний мораторий на проведение референдума о самостоятельности государственных единиц Союза. В случае выхода Черногории из общего государства до истечения срока моратория Сербия должна была бы стать правопреемницей единого государства, в том числе и в отношении Резолюции СБ ООН № 1244, которая подтверждала «приверженность всех государств-членов суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославия»[43]. Черногория сроков хартии не нарушила. Соответственно, строго по букве документа – Резолюции № 1244 – Косово и Метохия может не рассматриваться международным сообществом как часть территории Сербии, поскольку СБ ООН подтверждал территориальную целостью СРЮ и автономию КиМ в составе именно Югославии, а не Сербии. Другое дело, что соглашаться с таким положением вещей, с процессом отторжения исторической территории Сербии нельзя. Поразительно, что текст Резолюции был подписан российской стороной. Видимо на такую «деталь» в спешке не обратили внимание.

Новообразование Государственный союз Сербии и Черногории (СиЧ) просуществовало недолго – с 4 февраля 2003 г. по 5 июня 2006 г. Решение о выходе Черногории из СиЧ было принято 21 мая 2006 г. на референдуме. Черногорское общество по вопросу об отделении от Сербии раскололось почти пополам: за отделение – 55,5 %, против – 44,5 %. В ходе референдума со стороны сторонников «независимости» было множество нарушений и даже на их фоне судьбу двух стран решили 2000 голосов. Подозрения в чрезмерном использовании административного ресурса правительством М. Джукановича были вызваны тем, что за проголосовало с небольшим запасом ровно столько, сколько требовалось [26, с. 402]. Переговоры между властями и оппозицией об условиях проведения референдума шли с начала 2006 г. Первоначально партии, выступавшие против самостоятельности республики, категорически отказывались обсуждать даже саму идею проведения референдума. В результате вмешательства спецпредставителя ЕС М. Лайчака оппозиция приняла идею плебисцита при обязательном пороге в 55 % голосов [22, с. 192].

После обретения полной «независимости» Подгорица сразу определила новую интеграционную цель – вступление в Европейский союз зафиксировано в статье 15 Конституции республики. Меньше чем через полтора года – в октя-

[43] Security Council. S/RES/1244 (1999) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1244(1999) (accessed 05.05.2019)

бре 2007 г. Черногория подписала договор о Стабилизации и ассоциации с ЕС, а 16 декабря 2008 г. – представила заявление на членство в ЕС. С 2010 г. Черногория имеет официальный статус кандидата в ЕС. В июне 2017 г. республика стала 29 членом НАТО.

Если политический развод Сербии и Черногории был мирным, то косовский вопрос до сих пор остаётся хорошо высушенным порохом Европы. В очередной раз вспомним железного канцлера, немного перефразировав его: «если в ближайшие годы на Балканах начнётся вона, то обязательно из-за какой-нибудь глупости вокруг Косово».

Прежний мир умер в Приштине: вместо заключения

Продолжающаяся деструкция нормативности актуализирует проблему агрессии НАТО против Югославии и её далеко идущих последствий. Помимо названных серьёзным образом трансформирует геополитический и военно-стратегический расклад произошедший в результате сращивания международных криминальных и террористических групп и превращение их в значимого игрока мировой политики. Навыки театрализации собственных преступлений в совокупности с мощным информационным воздействием и высокой боевой подготовкой боевиков, свойственные в настоящее время «Аль-Каиде» и ИГИЛ, были впервые отработаны в полном объёме на территории Косово и Метохии. Фейк-ньюс под названием «случай в Рачаке» [4, с. 97-105] стал поводом к интервенции, заложив основы гибридных спецопераций, активно применяемых в настоящее время в Сирии. Практическим итогом действий пула военно-политических и государственных структур США и ЕС, а также международных террористических организаций стало создание мусульманского мафиозно-террористического новообразования – Республики Косово, которое может быть поставлено в один ряд с Афганистаном (не случайно первым признал независимость РК именно Кабул), Колумбией, Сомали и Суданом.

Очевидная опасность такого новообразования становится всё очевиднее не только для российских, но для европейских исследователей. В 2014 г. увидела свет книга французского генерала, служившего в Косово Ж. Огара под говорящим названием – «Европа умерла в Приштине». Автор помимо прочего констатирует, что чудовищная несправедливость по отношению к сербам «обернётся непоправимыми последствиями для самой некогда христианской Европы, гордо именуемой ранее Европой апостола Петра» [Цит. по 13, с. 9]. Последствия, действительно, уже непоправимые. Легализация косовских варлордов привела не только к проникновению криминала вглубь Европы и значительному расширению контролируемого албанцами наркотрафика [16, с. 115-116]. РК сегодня является региональным ядром международного терроризма. Именно здесь расположены одни из самых «популярных» у боевиков и джихадистов тренировочные лагеря (районы Джаковицы, Урошеваца, Дечани, Призрена и Печа). «В ла-

герях происходит окончательное закрепление идейных позиций радикального ислама, параллельно следует закрепление навыков владения оружием и ведения боевых действий. Обязательное военное обучение включает такие курсы, как «городская герилья», «системы вооружения», «обработка взрывчатых веществ». После двухмесячного обучения молодые моджахеды получают оклад в размере 500-700 долл. (внушительная сумма для бедных балканских стран), а после трёхмесячного курса получают униформу и оружие, которое по возвращении домой прячут и ждут приказа на выдвижение [19, с. 44].

Не менее значимым последствием агрессии стал слом политической воли многих балканских лидеров, что заложило основу современной сервильности в отношении коллективного Запада. Её прямым геополитическим последствием стало расширение НАТО в регионе и формирование в итоге НАТО – Югославии.

Как уже отмечалось, альянс есть важнейший инструмент американской внешней политики, используемый для решения не только геополитических, но и экономических задач. Полная натоизация Балкан позволит надолго закрыть вопрос российского, прежде всего, энергетического присутствия в регионе. НАТО как энергетический блокпост призван закрыть регион для энергоресурсов из России. В результате балканские правительства будут вынуждены, как поляки, покупать дорогой газ «made in USA».

Такое жёстокое, прежде всего, по отношению к народам региона «отлучение» России естественным образом изменило весь миропорядок. Процессы, происходившее последнее 20-летие, оказались не менее глубокими, чем последовавшие за двумя мировыми войнами. Причём, если по итогам Второй мировой войны сформировался не только институциональный дизайн мировой политики, но был чётко определён функционал её акторов, то события 1999 г. разрушили прежнюю стройную, хотя и небезупречную конструкцию, заложили основы мирового беспорядка. В результате он привёл не только к многочисленным «горячим» конфликтам, к стиранию с политической карты многих государств, но и к реинкарнации холодной войны между Россией и Западом, выход из которой не видится ни лёгким, ни скорым.

Подводя общий итог исследованию, отметим: агрессия НАТО против Югославии, с одной стороны, была продолжением переформатирования мира в результате разрушения СССР. Добровольный уход Москвы из большой политики не принёс мира ни в постсоветский, ни в пост-югославский дом. С другой, – Э. Хемингуэй оказался провидцем, нас всё ещё ждёт эпоха необъявленных войн. Агрессия НАТО создала опасный прецедент: «впервые в истории военный удар по суверенному государству был нанесён в ответ не на внешнюю агрессию, а на внутренний конфликт» [9, с. 23]. Бомбардировки стали итогом переплетения многих факторов, в ряду которых первенство принадлежит жёсткому политическому реализму победителя в холодной войне. Сегодня, спустя 20 лет видно, что российское руководство сделало необходимые выводы – защитить суверенитет

может только сильная и современная армия, фундаментом которой является национально ориентированная экономика и консолидированное общество.

Список литературы:

1. Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО-Университет, 2016. 529 с.
2. Вишняков Я.В. Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX-начале XX века // Человек на Балканах. Опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.). СПб: Алетейя, 2009. С. 86-107.
3. Врзић Н. Викиликс: Тајне београдских депеша. Београд: Фонд Слободан Јовановић, 2011.138 с.
4. Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. 312 с.
5. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
6. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 539 с.
7. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2018. 224 с.
8. Ильченков П. «Экспресс- революция» в Сербии // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб: Алетейя, 2008. С. 56-91.
9. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина, Е. Степановой. М.: Гендальф. 1999. 309 с.
10. Марков Г. Балканы и «балканизация» // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб: Алетейя, 2002. С. 24-30.
11. Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в гаагском трибунале. Кн. 1. Казань: Титул-Казань, 2006. 399 с.
12. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / Под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет, 2018. 768 с.
13. Нарочницкая Н. Предисловие к русскому изданию // Терзич С. Старая Сербия (XIX-XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М.: Вече, 2015. С. 6-13.
14. Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики. Аналитический доклад. М.: ИНФРА-М, 2008. 32 с.
15. Печуров С.Л. «Союзническая сила» агрессора: особенности военной акции против Югославии в 1999 году // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 15-19.
16. Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 99-124.
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124
17. Пономарева Е.Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины и последствия // Обозреватель – Observer. 2014. № 6. С. 83-100.
18. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / De Conspiratione. Сб. монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 331-522.
19. Пономарева Е.Г., Димитровска А. Балканский узел международного терроризма // Обозреватель-Observer. 2018. № 5 (340). С. 37-51.
20. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. "Государство-бандит": Косово в мировой системе // Обозреватель – Observer. 2013. № 5. С. 67-76.
21. Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. "Цветные революции" в контексте стратегии "управляемого хаоса" // Обозреватель – Observer. 2015. № 12. С. 38-51.
22. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. 688 с.
23. Терзич С. Старая Сербия (XIX-XX вв.). Драма однойевропейской цивилизации. М.: Вече, 2015. 480 с.
24. Филимонова А.И. Военное сотрудничество Сербии с США // Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 248-267.
25. Фролов А.В. Виктор Черномырдин: человек, политик, дипломат // Международная жизнь. 2018. № 5. С. 137-149.
26. Центральная и Юго-Восточная Европа: конец XX – начало XXI вв. М.: Нестор-История, 2015. 480 с.
27. Элих Г. Сербия: переворот 2000 года – шаблон для «цветных революций» // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. М.: Кучково поле, 2014. С. 79-95.

28. Югославия на пороге 2000 года. Документы, факты, свидетельства, мнения. М.: РИА Новости, 1999. 240 с.
29. Dobbs M. U.S. Advice Guided Milosevic Opposition // Washington Post. 2000. December 11.
30. Kravitz D. 2 Men Charged in Loudoun Slaying // Washington Post. April 26, 2009.

Об авторах:

Елена Георгиевна Пономарева – профессор, д. полит. н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, каб. 3026.
E-mail: nastya304@mail.ru.

Александр Владимирович Фролов – д. полит. н., ведущий научный сотрудник (Группа по исследованию проблем мира и конфликтов) ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: afrolov53@yandex.ru.

NATO AGGRESSION AGAINST YUGOSLAVIA: INTERNATIONAL-LEGAL, MILITARY STRATEGIC AND GEOPOLITICAL CONSEQUENCES

E.G. Ponomareva, A.V. Frolov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-32-56

Moscow State Institute of International Relations (University)
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Abstract: On March 24, 1999, on the pretext of protecting human rights NATO began its aggression against a sovereign European state – the Federal Republic of Yugoslavia. Historically, it was the first military strike against a sovereign state in response not to external aggression, but to internal conflict. The escalation of the Kosovo conflict to the scale of a «humanitarian intervention» raised a sharp question about not only the contours and principles of the 21st century world system, but also about the limits of the functionality of supranational (first and foremost force) structures. The NATO aggression had both short-term and long-term consequences. The article analyzes three groups of consequences: international-legal, military strategic and geopolitical. In the analysis of international-legal consequences, we investigated the process of legitimation of «humanitarian intervention» and «responsibility to protect». In the analysis of military strategic consequences, the emphasis is given to the processes and procedures of the transformation of the Serbian army into a dysfunctional system and the creation of conditions for accession of the Republic to NATO. Since Serbia is the central element of the Balkan policy of Western countries and organizations, the question is extremely important. Geopolitical consequences of the aggression we analyzed through the prism of political technologies of political coups tested in Serbia in October 2000 and used later in different regions of the world. The study is preceded by a short historiographical review of the latest literature on the topic. The conducted multilevel analysis of the consequences of the NATO aggression in 1999 gives an opportunity to formulate fundamentally new conceptual foreign policy approaches of modern Russia foreign policy.

Key words: the Balkans, the Federal Republic of Yugoslavia, 1999 NATO aggression, international-legal, military strategic and geopolitical consequences of the aggression, world politics

References

1. Vishnyakov YA.V. Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala HKH veka [Military factor and state development of Serbia in the early twentieth century]. Moscow, MGIMO-University, 2016. 529 p. (in Russian).
2. Vishnyakov YA.V. Ideologiya serbskoj voennoj ehlity v kontekste osobennostej razvitiya serbskogo gosudarstva v konce XIX-nachale HKH veka. In «Chelovek na Balkanah. Opyt vzaimodejstviya (konec XIX – nachalo HKH vv.)» [Ideology of the Serbian military elite in the context of the development of the Serbian state in the late XIX-early XX century. In «People in the Balkans. The experience of the interaction (the end of XIX – beginning of XX centuries)»]. Sankt-Petersburg, Aletejya, 2009. pp. 86-107. (in Russian).
3. Vrziħ N. Vikiliks: Tajne beogradskih depesha [WikiLeaks: secrets of the Belgrade dispatch]. Belgrad, Found of Slobodan Jovanovic, 2011.138 p. (in Serbian)
4. Gus'kova E. Agressiya NATO protiv Yugoslavii v 1999 godu i process mirnogo uregulirovaniya [NATO aggression against Yugoslavia in 1999 and the peace process]. Moscow, Indrik, 2013. 312 p. (in Russian).
5. Gus'kova E.YU. Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990-2000) [History of the Yugoslav crisis (1990-2000)]. Moscow, Russian law, 2001. 720 p. (in Russian).
6. Dzhilas M. Lico totalitarizma [The Face of totalitarianism.]. Moscow, News, 1992. 539 p. (in Russian).
7. Zvyagel'skaya I.D. Blizhnij Vostok i Central'naya Aziya: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii [Middle East and Central Asia: global trends in regional performance]. Moscow, Aspekt Press, 2018. 224 p. (in Russian).
8. Il'chenkov P. «Express-revolyuciya» v Serbii. In «Oranzhevye seti: ot Belgrada do Bishkeka» ["Express revolution" in Serbia. In «Orange networks: from Belgrade to Bishkek»]. Sankt-Petersburg, Aletejya, 2008. pp. 56-91. (in Russian).
9. Kosovo: mezhdunarodnye aspekty krizisa [Kosovo: international aspects of the crisis]. Eds. D. Trenin & E. Stepanova. Moscow, Gendal'f. 1999. 309 p. (in Russian).
10. Markov G. Balkany i «balkanizaciya». In «Chelovek na Balkanah v ehpohu krizisov i ehtnopoliticheskih stolknovenij XX veka [Balkans and "Balkanization". In «People in the Balkans in the era of crises and ethnopolitical clashes of the twentieth century»]. Sankt-Petersburg, Aletejya, 2002. pp. 24-30. (in Russian).
11. Mezyaev A.B. Process protiv Slobodana Miloshevicha v gaagskom tribunale. Kn. 1 [Trial against Slobodan Milosevic at the Hague Tribunal. Vol. 1]. Kazan, Title-Kazan, 2006. 399 s. (in Russian).
12. Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam / Pod red. M.V. Aleksandrova, O.E. Rodionova [World in the XXI century: forecast of the international situation development by countries and regions. Eds. M. Alexandrov & O. Rodionov]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2018. 768 p. (in Russian).
13. Narochnickaya N. Predislovie k russkomu izdaniyu. In «Terzich S. Staraya Serbiya (XIX-XX vv.). Drama odnoj evropejskoj civilizacii» [Preface to the Russian edition. In Terzic S. Old Serbia (XIX-XX centuries). The drama of one European civilization]. Moscow, Veche, 2015. pp. 6-13. (in Russian).
14. Ovchinskij V.S. «Nezavisimost'» Kosovo v zerkale tenevoj politiki. Analiticheskij doklad [Kosovo's "independence" is in the mirror of shadow politics. Analytical report.]. Moscow, INFRA-M, 2008. 32 p. (in Russian).
15. Pechurov S.L. «Soyuznicheskaya sila» agressora: osobennosti voennoj akcii protiv Yugoslavii v 1999 godu ["Allied force" of the aggressor: features of the military action against Yugoslavia in 1999]. *Voenno-istoricheskij zhurnal – Military history journal,* 2009, no 3, pp. 15-19. (in Russian).

16. Ponomareva E.G. Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyh Balkan: scenarnyj podhod [The Albanian factor of destabilization of the Western Balkans: Scenario approach]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations,* 2018, no 2 (59), pp. 99-124. DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124 (in Russian).
17. Ponomareva E.G. Da ne budet zabyto! Agressiia NATO protiv Iugoslavii [That shall not be forgotten! NATO aggression against Yugoslavia: causes and effects]. *Obozrevatel'-Observer,* 2014, no 6, pp. 83-100. (in Russian).
18. Ponomareva E.G. Proekt «Kosovo»: mafiya, NATO i bol'shaya politika. In "De Conspiratione" [The project "Kosovo": the mafia, NATO, and big politics. In "De Conspiratione"]. Moscow, Partnership of scientific publications KMK, 2013. pp. 331-522 (in Russian).
19. Ponomareva E.G., Dimitrovska A. Balkanskij uzel mezhdunarodnogo terrorizma [The Balkans junction of international terrorism]. *Obozrevatel'-Observer,* 2018, no 5 (340), pp. 37-51. (in Russian).
20. Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Gosudarstvo-bandit»: Kosovo v mirovoj sisteme [A Gangster State: Kosovo in World Politics]. *Obozrevatel' – Observer,* 2013, no 5, pp. 67-76. (in Russian).
21. Ponomareva E.G., Ryabinin E.V. «Czvetny`e revolyucii» v kontekste strategii upravlyaemogo xaosa ["Color revolutions" in the context of the "managed chaos" strategy] // *Obozrevatel' – Observer,* 2015, no 12 (311), pp. 38-51. (in Russian).
22. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Contemporary international relations]. Eds. A. Torkunov & A. Mal'gin. Moscow, Aspekt Press, 2017. 688 p.
23. Terzich S. Staraya Serbiya (XIX-XX vv.). Drama odnojevropejskoj civilizacii [Old Serbia (XIX-XX centuries). The drama of one European civilization]. Moscow, Veche, 2015. 480 p. (in Russian).
24. Filimonova A.I. Voennoe sotrudnichestvo Serbii s SSHA. In «Mezhdu Moskvoj i Bryusselem» [Military cooperation of Serbia with the USA. In «Between Moscow and Brussels»]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2016. P. 248-267. (in Russian).
25. Frolov A.V. Viktor Chernomyrdin: chelovek, politik, diplomat [Viktor Chernomyrdin: man, politician, diplomat]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – . International life,* 2018, no 5, pp. 137-149. (in Russian).
26. Central'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa: konec XIX – nachalo XXI vv [Central and South-Eastern Europe: end of XX – beginning of XXI centuries]. Moscow, Nestor-History, 2015. 480 p. (in Russian).
27. Elikh G. Serbiia: perevorot 2000 goda – shablon dlia «tsvetnykh revoliutsii». In «Ubiistvo demokratii: operatsii TsRU i Pentagona v postsovetskii period» [Serbia: coup of 2000 – a template for "color revolutions". In «Murder of democracy: CIA and Pentagon operations in the post-Soviet period»]. Moscow, Kuchkovo field, 2014. pp. 79-95. (in Russian).
28. Yugoslaviya na poroge 2000 goda. Dokumenty, fakty, svidetel'stva, mneniya [Yugoslavia is on the threshold of 2000. Documents, facts, evidence, opinions.]. Moscow, RIA Novosti, 1999. 240 p. (in Russian).
29. Dobbs M. U.S. Advice Guided Milosevic Opposition // Washington Post. 2000. December 11.
30. Kravitz D. 2 Men Charged in Loudoun Slaying // Washington Post. April 26, 2009.

About the authors:

Elena Georgievna Ponomareva – Dr. of Science (Political Sci.), Professor of Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. 76 Prospect Vernadskogo, room 3026, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: nastya304@mail.ru.

Alexander Vladimirovich Frolov – Dr. of Science (Political Sci.), Lead Researcher (Group on Peace and Conflict Studies) of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Russia, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997. E-mail: afrolov53@yandex.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 57-85
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85

«ЗНАК КАЧЕСТВА» ИЛИ «ЧЁРНАЯ МЕТКА»? НАТО КАК МАРКЕР СТАТУСА ГОСУДАРСТВ

И.А. Истомин, И.В. Болгова, А.П. Соколов, В.А. Аватков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Московский государственный лингвистический университет
Дипломатическая академия МИД России

Символическое значение участия стран в Североатлантическом альянсе широко признаётся отечественными и зарубежными специалистами. Вместе с тем попыток систематической оценки роли НАТО как маркера политического статуса государств с опорой на сопоставление различных примеров как периода холодной войны, так и последующих десятилетий не предпринималось. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, оценив не только положительные, но и негативные последствия обретения субъектами статусных позиций в результате членства в альянсе. Для того чтобы определить возможные противоречия, выгоды и издержки для государств от участия в НАТО, авторы рассмотрели опыт трёх крупных участников объединения – Германии, Турции и Франции. Он позволяет проследить статусные последствия участия в блоке для субъектов, чьи материальные возможности и общий символический капитал в международной системе претерпевают различные виды изменений. Изучение теоретической литературы и эмпирического опыта государств-членов Североатлантического альянса подтверждает, что в международной системе субъекты конкурируют за крайне дифференцированный символический капитал, воплощающий множество типов признания. Статусные маркеры оказываются сложными социальными конструктами, нагруженными разнообразными смысловыми функциями. В результате, во многих случаях государства не способны контролировать то, какие статусные последствия будет иметь их включение в те или иные институты. Несмотря на то, что они могут быть заинтересованы только в части смыслов, ассоциируемых с некоторым маркером, они вынуждены учитывать наличие у него других политических коннотаций. Для отдельных государств-членов НАТО участие в альянсе имеет принципиально разное значение. Наибольшие сложности возникают, когда несколько смыслов оказываются в равной степени актуальны для одного и того же государства при том, что часть из них оценивается позитивно, а другая – негативно. Кроме того, субъекты могут сталкиваться с противоречием между статусными и практическими последствиями участия в объединении.

Ключевые слова: НАТО, военно-политический союз, символический капитал, статус, международные институты, статусные маркеры, Франция, Германия, Турция.

УДК 327.3
Поступила в редакцию 12.05.2018 г.
Принята к публикации 05.03.2019 г.

Организация Североатлантического договора с момента своего появления претендовала на то, чтобы выступать не только военно-политическим блоком, но и символом единства «свободного мира». Становление этой организации происходило на фоне интенсивного соперничества двух универсалистских идеологий, что нашло отражение в формировании её ценностной матрицы. В этой связи, например, Испания оставалась вне западных структур коллективной обороны вплоть до распада франкистского режима (несмотря на то, что находилась в двустороннем союзе с Соединёнными Штатами) [53].

Отнюдь не все международные объединения характеризуются такой идеологической нагруженностью. Военно-политические союзы европейских государств конца XIX – начала XX вв. формировались исключительно на прагматических основаниях, что не мешало им оставаться относительно устойчивыми [59]. Вместе с тем участие во многих международных институтах порождает не только практические последствия, но также может оказывать влияние на статус субъектов в мировом сообществе. Приобретение таких нематериальных благ порой становится непосредственной целью их политики, а в иных случаях выступает её побочным результатом, но было бы неправильным игнорировать значение символического капитала в международных взаимодействиях.

Символическое значение участия стран в Североатлантическом альянсе широко признаётся отечественными и зарубежными специалистами. Отсылка к статусным соображениям неизменно присутствует при обсуждении опоры США на НАТО в их глобальной стратегии, выхода Франции из военных структур организации в 1970-х или, например, вступления в неё стран Центральной и Восточной Европы в 1990-х – 2000-х гг. Вместе с тем попыток систематической оценки роли НАТО как маркера политического статуса государств с опорой на сопоставление различных примеров как периода холодной войны, так и последующих десятилетий не предпринималось.

Настоящая статья призвана заполнить этот пробел, оценив не только положительные, но и негативные последствия обретения субъектами статусных позиций, в результате членства в Североатлантическом альянсе. Для того чтобы определить возможные противоречия, выгоды и издержки для государств от участия в НАТО, авторы рассмотрели опыт трёх крупных представителей объединения – Германии, Турции и Франции.

Они сознательно отказались от выявления статусных последствий трансатлантического партнёрства для Соединённых Штатов, исходя из того, что США как неоспоримый лидер союза обладают наибольшими возможностями манипулирования институциональными условиями его функционирования. В этой связи они в меньшей степени сталкиваются с дилеммами статусного позиционирования в контексте участия в НАТО. Аналогичным образом из рассмотрения были исключены меньшие государства-члены альянса на том основании, что присоединение к столь влиятельному международному объединению, да ещё и с ограниченным членством, априори представляет большую ценность для них.

В результате, для анализа были отобраны пограничные случаи – относительно крупные игроки, которые, тем не менее, не располагают потенциалом для того, чтобы доминировать в альянсе. Кроме того, опыт Германии, Франции и Турции позволяет проследить различные соотношения статусных последствий участия в НАТО для государств, чьи материальные возможности и общий символический капитал растёт или снижается в международной системе. Вместе с тем прежде, чем перейти к углублённому рассмотрению значения Североатлантического альянса как институционального маркера позиций отдельных стран, в статье осмысляются теоретические основания исследования статуса субъектов международной политики.

Международные институты как статусные маркеры

Международно-политические исследования после холодной войны отмечены ростом интереса к значению символического капитала в межгосударственных взаимодействиях в противовес сугубому материализму трудов времён «зрелой биполярности»[1]. Несмотря на то, что первоначально фокусирование на нематериальных благах ассоциировалось с конструктивистским ответвлением теории [67], к концу 2000-х гг. они стали объектом пристального внимания представителей других исследовательских традиций, в том числе реализма [16, с. 162-163].

Основным проявлением символического капитала в международной политике выступают статусные позиции, связанные с присвоением государствам специфических прав и обязанностей. Таким образом, статус субъекта имеет априори социальную природу – обладание им зависит от признания другими его привилегированного (или наоборот маргинального) положения [49]. В то же время символический капитал находится в диалектических отношениях с материальными возможностями государств. Приобретение высокого статуса в международной политике, нередко обусловлено демонстрацией военных или экономических возможностей субъекта[2]. Тем не менее, статусное позиционирование, основанное только на страхе, не всегда в полной мере удовлетворяет социальные притязания государств – достаточно вспомнить сохраняющееся на протяжении столетий стремление России быть признанной как часть европейского сообщества [47].

В международной политике присутствует и обратная взаимосвязь. Ещё на этапе становления теории международных отношений в 1940-х гг. Г. Моргентау обращал внимание на конвертацию такого нематериального блага как престиж в повышение вероятности сохранения или расширения контроля над территори-

[1] О концепции символического капитала см. [3, с. 219-238]. В связи с текущими трендами в изучении мировой политики П.А. Цыганков указывает на формирование отдельной новой субдисциплины – социологии международных отношений.

[2] В этой связи Р. Гилпин характеризовал престиж как «репутацию относительно силы» [30, с. 30].

ей. Одновременно основатель реализма признавал, что порой государства стремятся к социальному признанию как к самостоятельной ценности [46, с. 55-58].

Серьёзным вызовом исследованию роли символического капитала в международных отношениях остаётся проблема эмпирической верификации. Исследователи сталкиваются со сложностями в определении того, каким образом государства удостоверяются, что обладают теми статусными позициями, на которые рассчитывают? Насколько устойчивым и транзитивным между различными социальными контекстами выступает это признание?

В условиях, когда иерархии государств в международной системе в значительной степени остаются неформализованными, оценка распределения контроля над символическим капиталом связана с высокой неопределённостью. Соответственно, возникает потребность в механизмах подтверждения признания со стороны других государств, то есть в статусных маркерах [35, с. 502]. Наиболее явственным проявлением такого маркирования выступает освещённая традицией система дипломатического представительства и протокола. В ней стремление государств к признанию проявляется рельефно и порой даже гротескно. Чего стоит только обозначение официальных представителей государств как *Чрезвычайных и Полномочных Послов* – наличие «ординарных» послов современной дипломатической практикой фактически не предусмотрено.

Вместе с тем само распространение дипломатических привилегий на всех государственных участников международной системы нивелирует значение протокола как инструмента маркирования[3]. Подобный эффект демонстрирует особенность сигнализирования в сфере символического капитала. Несмотря на то, что устойчивость статусной позиции зависит от максимально широкого признания привилегированного положения со стороны других государств, ценность маркера определяется не только тем, на кого он распространяется, но и тем, насколько большая часть международного сообщества исключается из обладания им.

В этой связи механизмы подтверждения признания должны отвечать частично противоречащим друг другу требованиям. С одной стороны, от них требуется быть достаточно инклюзивными, чтобы аккумулировать легитимность. В случае если за рамками института остаются по-настоящему влиятельные игроки, они способны подорвать его авторитет созданием параллельных структур[4]. С другой – относительно эксклюзивными с тем, чтобы выделять именно тех, кто действительно заслуживает права пользоваться привилегированным положением. Кроме того, как уже было отмечено выше, они должны быть достаточно устойчивы и заметны на общем мирополитическом ландшафте, чтобы обеспечивать успешное различение и фиксирование статусных позиций.

---

[3] В то же время из привилегий, относящихся к системе дипломатическим представительств, показательно исключены негосударственные субъекты.

[4] Такой стратегией, в частности, ответили страны БРИКС на статусную дискриминацию со стороны западных стран [40].

В результате одним из важнейших маркеров в современной международной системе выступают межгосударственные ассоциации, не предполагающие универсальное участие. В этом контексте членство в ООН, а также во многих специализированных глобальных институтах (таких как Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда, Международный союз электросвязи) не несёт в себе существенной символической ценности (кроме как для непризнанных государств и государствоподобных образований). Аналогичным образом, ряд международных экономических организаций (таких как Всемирный банк, МВФ, ГАТТ/ВТО), созданных развитыми странами в годы холодной войны, после распада биполярности утратили значение статусных маркеров в связи со стремительным увеличением их состава. Участие в других организациях содержит ограниченный потенциал социальной дифференциации по причинам их институциональной слабости или остроты противоречий между членами (например, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии или Организация Восточно-карибских государств).

Несмотря на наличие подобных негативных примеров, активно функционирующая, успешно реализующая свой институциональный мандат организация с ограниченным членством выступает едва ли не как самый яркий и устойчивый статусный маркер в условиях анархичной международной среды. Тот факт, что число подобных объединений остаётся ограниченным (в качестве примеров можно привести АСЕАН, ЕС, ОЭСР), ещё более укрепляет их полезность в качестве механизмов закрепления социального признания.

При этом необходимо отметить возможность многозначности статусных маркеров. Большая часть литературы, посвящённой символическому капиталу в международных отношениях, рассматривает его как относительно гомогенное благо[5]. В этой связи политика государств, направленная на приобретение международного признания, представляется в качестве однонаправленного процесса продвижения от более низкого статуса к более высокому. Достижения на этом пути фиксируются приобщением к всё большему числу маркеров.

Между тем статусные позиции государств сами по себе могут быть неоднородны. Они могут включать в себя множество аспектов, предполагающих признание различных привилегий, но также формирующих специфические ожидания, ограничивающих поведение субъекта. В результате закрепление государства в некотором статусе может лишать его других форм символического капитала. Таким образом, субъекты могут сталкиваться с ситуацией, в которой приобщение к некоторому статусному маркеру может предполагать не только повышение статуса, но и утрату некоторых типов социального признания. В этом случае, символический капитал превращается из актива в пассив, от которого нужно избавиться.

[5] См., например [50; 65].

Государство может также предпочесть сохранение доли неопределённости в отношении своих статусных позиций, и в этой связи избегать некоторых маркеров, её проясняющих. В частности, показателен пример Китая, который позиционирует себя одновременно как крупную мировую державу (ответственную державу) и как развивающуюся страну. В этой связи, он стремится избегать ассоциации с рядом центральных институтов западного мира (таких как «группа семи» или ОЭСР), но при этом укрепляет своё положение в тех организациях, которые были созданы развитыми странами, но приобрели глобальный охват (Всемирный банк, ВТО, МВФ). Со временем ему становится всё сложнее балансировать между двумя типами статусных позиций, на которые он претендует [27].

Военно-политические альянсы представляют собой тип института, который может закреплять весомый символический капитал в мировой политике. С одной стороны, формальные, долговременные союзы оказываются относительно устойчивыми и располагают значимым институциональным мандатом (от них зависит выживание государств), что повышает их различительный потенциал в международной среде[6]. С другой, такие объединения выступают достаточно эксклюзивными для того, чтобы избежать размывания статусных привилегий их участников.

В результате способность военно-политических альянсов фиксировать статусные позиции субъектов зависит, в первую очередь, от аккумулируемого его членами совокупного потенциала. От него зависит уровень и характер международного признания, который ассоциируется с таким объединением. Организация североатлантического договора – как формальный союз, включающий в свой состав самую мощную в военном, технологическом и экономическом плане державу, а также ряд других крупных игроков, располагает крайне весомым потенциалом статусного маркирования.

Опыт функционирования НАТО предоставляет богатую эмпирическую практику для изучения динамики использования государствами ассоциируемого с ним символического капитала в определении собственного позиционирования в международной политике. С самого появления этой организации, членство в ней было связано не только с участием в военно-политическом взаимодействии, но и оказывалось нагруженным ценностными смыслами. Североатлантический альянс представлялся как сообщество либеральных, демократических, рыночных стран в противовес советскому лагерю[7]. Он также объединял индустриально развитые страны, обладающие значительной технологической и хозяйственной базой, в отличие от других союзников США.

---

[6] Об определении военно-политических альянсов см. [41, с. 238-240].

[7] Упоминание либерально-демократических ценностей содержится уже в преамбуле Вашингтонского договора, заложившего юридическую основу альянса (см. The North Atlantic Treaty. Washington. 04.04.1949. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (accessed 30.04.2019)). Об истоках НАТО в формировании сообщества демократий см. [52, с. 33]. Критику представления НАТО как организации, основанной на общих ценностях, см. в [58].

После окончания холодной войны ценностный аспект в деятельности НАТО не только не уменьшился, но на фоне исчезновения задач оборонного балансирования стал играть ещё большую роль. Он способствовал сохранению организации и поиску новой миссии для неё [66]. В контексте обострения отношений между Россией и Западом в 2010-х гг. значение НАТО как статусного маркера также сохранилось. Блок вновь позиционирует себя как оплот либерального миропорядка, который пытаются подорвать авторитарные ревизионисты[8].

В то же время особенностью символического капитала НАТО остаётся ассоциация блока с американским лидерством. Подобная увязка в ряде случаев может оказываться неудобной для государств, стремящихся к позиционированию на международной арене в качестве влиятельных самостоятельных игроков. В этой связи в последующих разделах статьи будет рассмотрен практический опыт отдельных стран (Германии, Франции и Турции) по актуализации смыслов, обусловленных принадлежностью к НАТО или дистанцированию от него.

Германия: расширение свободы рук через институциональное связывание

Политика ФРГ в отношении НАТО предстаёт одной из наиболее явственных иллюстраций обращения к Североатлантическому альянсу в качестве институционального маркера, обеспечивающего приобретение страной желаемого статуса. Опора на блок как на краеугольную опору её политики кажется тем более парадоксальной, что одной из первоначальных целей формирования военно-политического союза открыто провозглашалось сохранение контроля над Германией и предотвращение её ревизионизма[9]. Вместе с тем участие в НАТО позволило ФРГ добиться статуса полноправного и добропорядочного члена западного сообщества, разрешив стратегическую дилемму, с которой руководители сменявших друг друга германских государства сталкивались на протяжении предыдущего столетия.

С момента появления объединённой Германии в последней трети XIX в., её положение оставалось противоречивым – она была слишком крупным и мощным государством, провоцируя у соседей опасения относительно своих экспансионистских устремлений (реальных или даже предполагаемых), но при этом недостаточно сильным в материальном плане, чтобы установить устойчивую гегемонию в собственном регионе. В середине XX столетия эта структурная

[8] См., например, документы двух последних саммитов НАТО в Уэльсе и в Варшаве (Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. NATO. 05.09.2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed 30.04.2019); Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw. NATO. 09.07.2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed 30.04.2019)).

[9] Уместно вспомнить известную формулу первого Генерального секретаря НАТО Гастингса Лайонеля Исмея относительно миссии организации: «держать Советский Союз вне [Европы], США – в, Германию под контролем» ("keep the Soviet Union out, the Americans in, and the Germans down"). NATO leaders – Lord Ismay. URL: https://www.nato.int/cps/su/natohq/declassified_137930.htm (accessed 30.04.2019)

проблема была отягощена опытом Первой и Второй мировых войн, инициатором которых в обоих случаях была признана Германия.

На этом фоне активное участие ФРГ в евро-атлантических военно-политических и экономических объединениях после Второй мировой войны предоставило ей возможность для восстановления и развития как относительно самостоятельного государства. Интеграция Бонна в западную систему союзов закрепляла раскол Германии, однако правительство Аденауэра предпочло пожертвовать перспективой восстановления национального единства в обозримой перспективе ради преодоления статуса изгоя в международном сообществе [15, с. 425-428].

Вступление в НАТО в 1955 г. не только определило место Западной Германии в диспозиции холодной войны, но и стало необходимым условием обретения ею положения «нормальной» страны. Благодаря членству в Североатлантическом альянсе Бонну удалось наладить отношения с Францией, которая продолжала испытывать глубокие подозрения в отношении традиционного противника [2]. Одновременно, он получил возможность относительно быстро восстановить оборонный потенциал после ликвидации германских вооружённых сил в 1945 г. К началу 1980-х гг. численность бундесвера составила почти полмиллиона человек[10].

Для того чтобы такое наращивание военного потенциала стало возможно без обвинений в возрождении германского милитаризма, вооружённые силы страны были поставлены под прямой контроль Североатлантического альянса [4]. Это позволяло нивелировать опасения западных соседей ФРГ относительно восстановления германского могущества – формат ремилитаризации увязывался с потребностями НАТО, а не западногерманского правительства. В соответствии с Основным законом ФРГ, бундесвер запрещалось использовать в военных операциях за пределами Германии, что дополнительно закрепляло за ним ограниченный набор оборонительных функций[11].

Институционализация положения Бонна в западном сообществе в результате присоединения к НАТО также усилила его переговорные позиции в отношениях с лидером противоположного блока – Советским Союзом. В результате Москве пришлось форсировать процесс установления отношений с ФРГ, причём в значительной степени на условиях последней. В том числе советскому руководству не удалось добиться от Бонна отказа от политики активного противодействия международному признанию ГДР [10].

Роль НАТО как статусного маркера, подтверждающего миролюбивый характер ФРГ и её принадлежность к западному сообществу, вновь возросла в 1990-х гг. в контексте объединения Германии. Переговоры по этому вопросу,

[10] Armee im Kalten Krieg. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge (accessed 30.04.2019)

[11] Art. 87a. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_87a.html (accessed 30.04.2019)

инициированные в 1990 г., вызвали рост опасений со стороны Франции, Великобритании, Польши. Все они боялись, что мощь объединённого германского государства станет источником дестабилизации устоявшегося европейского баланса [42, с. 32-33].

В соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии преодоление раскола страны сопровождалось практически полным снятием ограничений, которые были наложены на её политику бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Этот документ гарантировал объединённому германскому государству «полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами»[12]. В отношении него сохранялись лишь отдельные ограничения в сфере военного строительства и разработки оружия массового уничтожения, оказавшиеся несущественными в условиях постбиполярного мира.

В то же время для ослабления упомянутых выше опасений соседей относительно возрождения германского экспансионизма для ФРГ принципиально важным стало закрепление статуса объединённой Германии как участницы НАТО. В результате, выдвигавшиеся первоначально идеи нейтрализации страны или даже параллельного роспуска Североатлантического альянса и Организации Варшавского договора так и оказались невостребованными. В переговорах с советским руководством Бонн добился для обновлённой Германии возможности остаться в составе западного блока [54].

Североатлантический альянс сохранился после 1991 г., несмотря на исчезновение противника, для сдерживания которого он создавался, и утверждения в те годы в качестве доминирующего дискурса о построении «целостной, неразделённой Европы». Полезность НАТО для её членов в значительной степени определялась её ролью в качестве институционального механизма поддержания американского присутствия в регионе. Последнее воспринималось западноевропейскими государствами в первую очередь как страховка от перерождения Германии в её прежнюю, агрессивную версию [26, с. 772-778].

Между тем сохранение НАТО и действенное выражение ФРГ лояльности альянсу обеспечило воспроизводство базовых условий, позволявших германскому государству, с одной стороны, поддерживать дружественные отношения с соседями, а с другой – активизировать внешнеполитическую деятельность. Более того, в 1990-х – 2000-х гг. под лозунгами блоковой солидарности Берлин серьёзно нарастил возможности использования своих вооружённых сил в экспедиционных миссиях.

Первоначально этот процесс разворачивался в контексте вовлечения НАТО в конфликты, вызванные распадом Югославии[13]. В 1994 г. Бундестаг одобрил

[12] Vertrag vom 12. September 1990 über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland (Zwei-plus-Vier-Vertrag). URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/243466/2851e102b97772a5772e9fdb8a978663/vertragstextoriginal-data.pdf (accessed 30.04.2019)

[13] Показательно, что ФРГ сыграла инициативную роль в этом процессе, став первой страной, признавшей Словению и Хорватию в качестве независимых государств.

изменения в Основной закон ФРГ, в соответствии с которыми бундесвер получил право участвовать в боевых операциях за пределами Германии[14]. Уже в следующем году германская авиация была задействована в ходе операции НАТО «Обдуманная сила», нанося бомбовые удары по позициям боснийских сербов. В 1999 г. люфтваффе также приняли участие в бомбардировках Югославии, осуществлявшихся Североатлантическим альянсом [14].

Закрепила новый статус ФРГ операция в Афганистане, в которой германские войска принимали участия с 2002 г.[15]. Хотя первоначально их размещение производилось в составе глобальной антитеррористической коалиции, с 2003 г. они действовали в рамках возглавляемых НАТО Международных сил содействия безопасности. В ходе этой миссии крупные сухопутные подразделения бундесвера были развёрнуты на севере страны и вступали в непосредственные боестолкновения с боевиками террористических организаций.

Таким образом, Берлин последовательно расширял сферу своей международной ответственности в рамках союзнических обязательств по НАТО. Подобный курс позволял, с одной стороны, сохранить статус ответственной либеральной западной державы, а с другой – подчёркивал добровольные ограничения, которые брала на себя Германия для минимизации опасений относительно возрождения её ревизионизма.

Серьёзный вызов стратегии Берлина создала война в Ираке 2003 г., в ходе которой наметился раскол в Североатлантическом альянсе. ФРГ приходилось выбирать между лояльностью США и Великобритании, с одной стороны, и Франции – с другой. В результате Германия проявила заметную гибкость: изначальная негативная позиция по вопросу вторжения в Ирак была достаточно быстро скорректирована в пользу попыток восстановления отношений с заокеанским союзником. Берлин предоставил возможность американским войскам использовать своё воздушное пространство для логистических целей [57], а после окончания боевых действий военнослужащие бундесвера вошли в состав военной миссии НАТО в Ираке, обеспечивая обучение новой иракской армии и решая задачи гуманитарного характера.

С точки зрения наращивания символического капитала, представляется возможным рассматривать и немецкие предложения по реформированию организации в середине 2000-х гг. Не приведя к практическим результатам, они, тем не менее, способствовали закреплению за ней статуса активного участника альянса, готового выходить с инициативными идеями по вопросам евроатлантического сотрудничества. В 2005 г. канцлер Герхард Шрёдер выступил с проектом преобразования НАТО, который предполагал усиление политических функций альянса и повышение роли европейских

[14] Deutscher Bundestag (1994) Stenographischer Bericht. 240. Sitzung. Bonn. URL: http://dipbt.bundestag.de/doc/btp/12/12240.pdf (accessed 30.04.2019)

[15] German Soldiers in Afghanistan. URL: http://www.dw.com/en/german-soldiers-in-afghanistan/a-403288 (accessed 30.04.2019)

государств[16]. Попытка сместить направленность альянса на решение политических вопросов соответствовала интересам Германии, т.к. как находилась в логике его развития как сообщества либерально-демократических ценностей, приверженность которым Берлин стремился подчеркнуть.

Основные документы стратегического планирования ФРГ 2010-х гг. (Директива по оборонной политике Германии в редакции 2011 г.[17] и Белая книга бундесвера 2016 г.[18]) подтверждают, что Берлин, как и раньше, не рассматривает свою внешнюю политику вне системы западных альянсов. Вместе с тем в рамках союзнических обязательств он рассчитывает на признание в новом статусе ответственной державы, способной выполнять функцию главного партнёра США на мировой арене или, по крайне мере, в европейском масштабе.

После окончания холодной войны в 1990-х и 2000-х гг. Соединённые Штаты неоднократно демонстрировали стремление переложить большую ответственность за вопросы безопасности в Европе на своих региональных союзников. С приходом к власти Дональда Трампа в 2016 г. эта политика приобрела новый импульс[19]. На этом фоне новую актуальность получил вопрос о собственном потенциале европейских стран в сфере обороны. Его обсуждение порождает вызов для сложившейся модели поведения Германии, опирающейся на трансатлантические институты для поддержания выгодных ей статусных позиций в Европе.

В ответ на него Берлин выступил с инициативами, направленными на сохранение ведущей роли коллективных институтов и многостороннего сотрудничества западных стран. В частности, Ангела Меркель начала подчёркивать необходимость выработки независимой внешней политики ЕС, которая могла бы быть успешна без внешней поддержки, но также позволила бы ограничить национальный партикуляризм[20]. Обновленный дискурс не подразумевает радикального пересмотра статуса ФРГ в НАТО или изменения характера отношений с США. Североатлантический альянс по-прежнему признается фундаментальной опорой безопасности Германии[21].

---

[16] Schröder G. Die Rede im Wortlaut. URL: http://www.handelsblatt.com/politik/international/dokumentation-die-rede-von-gerhard-schroeder-im-wortlaut/2473842.html (accessed 30.04.2019)

[17] Verteidigungspolitische Richtlinien. Berlin: Bundesministerium der Vertedigung, 2011.

[18] Weissbuch zur Sisherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesministerium der Vertedigung, 2016.

[19] "Rückzug der USA hat schwerwiegende Folgen". Außenminister Sigmar Gabriel gegenüber dem Redaktionsnetzwerk Deutschland (07.11.2017). URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/171107-bm-rnd/605562 (accessed 30.04.2019)

[20] Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin bei der 17. Jahreskonferenz des Rates für Nachhaltige Entwicklung am 29. Mai 2017 in Berlin. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-bei-der-17-jahreskonferenz-des-rates-fuer-nachhaltige-entwicklung-am-29-mai-2017-in-berlin-321118 (accessed 30.04.2019); Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin beim Jahrestreffen des World Economic Forum am 24. Januar 2018 in Davos. URL: https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-jahrestreffen-des-world-economic-forum-am-24-januar-2018-in-davos-455460 (accessed 30.04.2019)

[21] Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD (2018) "Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land» 19. Legislaturperiode. URL: http://dynamic.faz.net/download/2018/koalitionsvertrag.pdf (accessed 30.04.2019)

Более того, в развитии новых институтов сотрудничества в рамках ЕС, таких как Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (PESCO), Берлин (в отличие от Парижа) выступает за максимальную инклюзивность даже в ущерб операциональности[22]. Подобная политика подчёркивает значение институционального связывания ФРГ многосторонними обязательствами как необходимого условия её лидерства в Европе. Такого рода ограничивающие механизмы на деле обеспечивают Германии достаточный капитал признания в качестве либерально-демократического и сдержанного государства для проведения более инициативной политики.

Специфика германского примера заключается в первую очередь в сохраняющемся дисбалансе материального потенциала и статуса, основанном на историческом опыте Второй мировой войны и структурных условиях[23]. ФРГ не хочет нести потенциальные издержки, связанные с попыткой установления единоличной региональной гегемонии, особенно в сфере военно-политической безопасности. В этой связи она жёстко и последовательно вписывает претензии на статус в формирующемся мировом порядке в контекст многосторонних альянсов и, прежде всего, НАТО.

Принадлежность к этому объединению остаётся важнейшим институциональным маркером конвенциональности германской политики. На фоне рисков внешнеполитической изоляции в случае альтернативной стратегии, следование в фарватере США как лидера Североатлантического альянса представляется приемлемой ценой за повышение кооперативности непосредственных соседей ФРГ. При этом со временем аккумулированный символический капитал Германии как «добропорядочного» европейского бюргера постепенно расширяет возможность применения имеющегося у неё материального потенциала.

Франция: дилемма независимости и исключённости

Если пример Германии демонстрирует то, как государство способно использовать институциональные сдержки для расширения свободы манёвра в долгосрочной перспективе, опыт Франции иллюстрирует, как участие в военно-политическом альянсе, выступающее статусным маркером, приобретает гораздо более амбивалентный смысл. Для Парижа взаимодействие с НАТО тесно вписано в голлистский контекст поддержания великодержавной идентичности и восстановления соответствующего статуса [5; 11; 20; 22]. Как ни парадоксально, но именно в соответствии с ним можно рассматривать как выход Франции из военной структуры Североатлантического альянса в 1966 г., так и возврат в них в 2009.

[22] Müller P., Reiermann C. The European Motor Sputters to Life. Spiegel. URL: http://www.spiegel.de/international/europe/france-germany-partnership-to-bring-the-eu-forward-a-1157040.html (accessed 30.04.2019)

[23] В соответствии с терминологией, предложенной Томасом Волджи и его коллегами, ФРГ можно обозначить как пример «недополучателя статуса» – страны, чей символический капитал значительно уступает материальному [63].

Официальная позиция Парижа по отношению к НАТО существенно менялась с течением времени. В 1948 г. именно французские представители выступили с инициативой создания военно-политической организации, объединяющей участников только что сформированного Западного союза (в составе Бельгии, Великобритании, Люксембурга, Нидерландов и Франции) и Соединённых Штатов. Несмотря на то, что планы Парижа использовать эту инициативу для закрепления собственного преобладающего статуса в Европе не получили воплощения, они придали импульс заключению Североатлантического договора [6]. Более того, привилегированное положение Франции среди европейских союзников США получило отражение в размещении в 1952 г. штаб-квартиры НАТО на её территории.

Несмотря на этот символический жест, доминирование Вашингтона в альянсе на протяжении 1950-х гг. вызывало растущее недовольство Парижа. Под давлением Соединённых Штатов он был вынужден согласиться на размещение американских сил на своей территории и существенное наращивание военных расходов. Кроме того, предметом споров Парижа и его англосаксонских союзников выступали объёмы и скорость ремилитаризации Германии [24]. С конца 1950-х гг. Франция под руководством президента Ш. де Голля предпринимала неоднократные попытки добиться пересмотра условий своего участия в альянсе, которые были отвергнуты США [6].

Параллельно происходил распад французской колониальной империи, которая ранее обосновывала статус Парижа как глобального, а не только европейского игрока. Парадоксальным образом завершение этого процесса создало предпосылки для большей независимости Франции от Соединённых Штатов. Американская поддержка была важна в контексте борьбы с движениями национального освобождения в колониях [64]. Как показал Суэцкий кризис – в крайнем случае Парижу необходимо было обеспечить невмешательство Вашингтона в «Третьем мире», избегая рисков активного противодействия. После того как борьба была проиграна, потребность Парижа в смягчении разногласий с заокеанским союзником снизилась. Приобретение Францией собственного потенциала ядерного сдерживания после 1960 г. создало дополнительные условия для расширения её стратегической автономии[24].

Таким образом, участие в Североатлантическом альянсе имело совершенно другие последствия для международно-политического статуса Франции, чем для Германии. Оно подкрепляло не её причастность к западному сообществу (последнее не вызывало сомнений), а подчинённое положение в нём. Снижение практической потребности в союзниках позволило Парижу попытаться восстановить свой символический капитал за счёт отказа от института, маркирующего его зависимость от США – с 1965 г. Франция инициировала выход из системы

[24] Вопрос о роли национальных ядерных потенциалов в рамках НАТО собственно и стал одним из последних камней преткновения в отношениях между Францией и США. Подробнее см. [12].

военного планирования НАТО, отказала союзникам в использовании собственной инфраструктуры[25] и потребовала вывода штабных структур альянса со своей территории.

Эти шаги Парижа стали воплощением основных ценностей голлистского видения его международной роли – независимости и самодостаточности [19; 37; 61]. Вместе с тем опыт его дальнейшего взаимодействия с другими представителями западного сообщества продемонстрировал, что выход из системы интегрированного командования НАТО не означал прекращение оборонного сотрудничества. Сразу после него Париж подписал ряд масштабных договорённостей о возможности участия в военных операциях совместно с европейскими союзниками в случае возникновения конфликтов. Таким образом, официальный дискурс дистанцирования от НАТО сопровождался секретными переговорами по налаживанию инструментов практического взаимодействия. В этом контексте показательны соглашения Лемнитцера – Айере и Валентина – Фербера (1966-1967, 1974) между Францией и НАТО, которые детализировали возможности и механизмы участия французского Второго военного корпуса в операциях Центральной группы армий НАТО, а также в совместных военных учениях [43]. К 1980-м гг. наметилась активизация оборонного сотрудничества в двустороннем формате Парижа и с Вашингтоном, а также было интенсифицировано непосредственное взаимодействие французских военных с институтами Североатлантического альянса [6].

В результате решение 1965 г. имело преимущественно символическое значение и выступало скорее выражением политической фронды, чем пересмотром приоритетов в обеспечении национальной безопасности. Частичный отказ от ассоциирования с НАТО, как и другие инициативные шаги Ш. де Голля и его преемников, имел лишь ограниченные следствия, с точки зрения поставленных задач. Франции удалось заработать признание наиболее самостоятельного представителя западного сообщества. Вместе с тем её материального потенциала объективно не хватало для конкуренции за привилегированное положение в международной системе не только с двумя сверхдержавами, но и с центрами силы, стремительно укреплявшими свои позиции в 1970-х – 1980-х гг. (Японии в мировой экономике, Китаем в международной политике)[26].

После распада биполярной системы Франция столкнулась с кардинальным изменением стратегического окружения. Оно было связано не только с исчезновением общей угрозы западному сообществу в лице Советского Союза и социалистического блока, но и с рядом неблагоприятных тенденций для французских статусных амбиций. В том числе с ослаблением угроз военной безопасности уменьшилось и значение самостоятельного потенциала ядерного сдерживания Франции, который долгое время оставался предметом особой гордости Парижа [44].

---

[25] Ограничения в этой области начали вводиться ещё с 1959 г.

[26] В этом отношении показательна оценка динамики изменения положения великих держав, представленная Полом Кеннеди [36].

При этом после исчезновения конкурента укрепился статус Соединённых Штатов как доминирующего игрока в международной системе. Сами французские эксперты и политики с сожалением признавали за США положение «гипердержавы» и тенденцию к однополярности мирового порядка. В результате перед Парижем в 1990-х гг. встала задача поиска новых источников символического капитала, если он планировал сохранять приверженность своим статусным амбициям. С учётом отсутствия адекватного балансира американской мощи и неспособности самой Франции выступать в такой роли, её решение в новых условиях могло состоять в примыкании к Соединённым Штатам, а не в дистанцировании от них.

Между тем противостояние в период распада Югославии продемонстрировало, что НАТО осталось единственной успешной организацией в сфере международной безопасности. В то время как ни ООН, ни СБСЕ не смогли предотвратить или остановить вооружённую борьбу в Боснии, бомбардировки, проведённые Североатлантическим альянсом, воспринимались как эффективный способ силового принуждения. Подобные представления получили дополнительное подкрепление в ходе операции против Югославии, совершённой западными союзниками даже в отсутствии резолюции Совета Безопасности ООН. В этих условиях дистанцирование от НАТО ассоциировалось уже не с большей независимостью, а с исключённостью из института, в котором действительно решаются актуальные вопросы международной безопасности. Таким образом, оно становилось источником потерь, а не приобретений символического капитала.

На этом фоне политическое руководство Франции инициировало процесс дальнейшего восстановления своего участия в альянсе, который наметился ещё с 1980-х гг. [25]. В частности, в 1993-1995 гг. Париж сыграл активную роль в адаптации НАТО к новым задачам, и подталкивал альянс к вовлечению в боснийский конфликт. Он под объединённым командованием принял участие в воздушных операциях, а затем – в имплементации Дейтонских соглашений в составе ИФОР (миротворческого контингента под командованием Североатлантического альянса) [18; 21; 43]. Боснийский кризис стимулировал Францию изменить отношение к мандату альянса и к своей роли в нём, выдвинув на передний план идею о франко-американском сотрудничестве как «наиболее заметном факторе динамичного развития» альянса[27]. Совместные операции франко-англо-голландских сил быстрого реагирования и воздушных сил НАТО летом 1995 г. позиционировались как символ обновлённой трансатлантической солидарности, которая стала возможной благодаря изменениям, привнесённым французским президентом Жаком Шираком [18]. Он же интенсифицировал процесс «добровольного участия» Франции в заседаниях министров обороны участников альянса и его военного комитета [29].

[27] Juppe A. Quel horizon pour pour la politique etrangere de la France? Politique Etrangere. 1995. №1. Pp. 245-259.

Углубление взаимодействия Франции с НАТО сталкивалось с рядом ограничений. В первую очередь, столь существенный поворот в позиционировании страны вызывал острую критику традиционалистов внутри неё. В частности, сам термин «атлантизм» имеет устойчиво негативную коннотацию во французском политическом дискурсе и зачастую используется как инструмент стигматизации политики, расцениваемой как недостаточно суверенная. Этот сюжет важен до такой степени, что обсуждение возвращения Франции в военные структуры НАТО рассматривается в литературе через призму «кризиса национальной идентичности» [23; 32].

В этой связи параллельно с активизацией сотрудничества с Североатлантическим альянсом Париж выступал за развитие институтов сотрудничества по вопросам безопасности и обороны между европейскими странами, которое позволяло избежать упрёков (в том числе внутри страны) в подчинении американской гегемонии. В начале 1990-х гг. он пытался придать новое дыхание Западноевропейскому союзу, а после франко-британского саммита в Сен Мало сделал ставку на формирование Европейской политики безопасности и обороны в рамках ЕС.

Такая политика отражала стремление Франции к сохранению статуса одновременно самостоятельной и влиятельной силы на международной арене. Как подчёркивал бывший министр иностранных дел Ю. Ведрин, лидерство Франции в Европе позволит «оказывать большее влияние на глобальное регулирование с тем, чтобы иметь большее воздействие на трансатлантические отношения и, в итоге, присоединиться к реформированной НАТО, а не вернуться» в старую[28].

Задержка в восстановлении участия Франции в военных структурах Североатлантического альянса была обусловлена не только внутриполитическими причинами, но и двумя дополнительными обстоятельствами. В первую очередь, усиление американского унилатерализма в 2000-х гг. привело к обострению политических противоречий между Парижем и Вашингтоном по принципиальным вопросам международной повестки дня. Из числа всех государств, выступивших против войны в Ираке, Франция занимала самую жёсткую позицию, что вылилось в длительное охлаждение отношений [60]. Кроме того, стремление Парижа использовать возвращение в военные структуры НАТО для аккумулирования дополнительного символического капитала побуждало его к торгу за статусные позиции в их руководстве. Этот вопрос стоял на повестке дня соответствующих дискуссий с 1980-х гг. и продолжал обсуждаться даже после замирения Парижа и Вашингтона во второй половине 2000-х[29].

В результате институциональная реинтеграция Франции в военные структуры Североатлантического альянса произошла лишь в 2009 г., несмотря на актив-

[28] Védrine H. Rapport pour le Président de la République sur la France et la mondialisation. 2007. URL: https://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/074000535.pdf (accessed 30.04.2019)

[29] Cody E. After 43 Years, France to Rejoin NATO as Full Member. The Washington Post. 12th March 2009. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/11/AR2009031100547.html (accessed 30.04.2019)

ную практическую вовлечённость в его деятельность в предшествующие годы. В том числе Париж выступал одним из главных поставщиков войск для операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане, во многом определявшей деятельность НАТО на протяжении 2000-х гг.[30]. Несмотря на такую практическую включённость, свидетельством противоречивых последствий изменения формального статуса Франции в рамках альянса стало подчёркивание президентом страны сомнительного тезиса о том, что восстановление позиций в Североатлантическом альянсе будет способствовать укреплению её суверенитета[31].

При этом даже после 2009 г. Париж не вошёл в группу ядерного планирования и оставил за собой ключевые принципы голлистской внешней политики: ядерную независимость, свободу принятия решений при отсутствии автоматического вовлечения страны в военные операции альянса[32]. Между тем в обмен на новоприобретённую лояльность блоку он получил пост Верховного главнокомандующего по трансформации объединённых вооруженных сил НАТО (формально равного в военной иерархии альянса Верховному главнокомандующему Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе, которым по традиции назначается американский представитель), а также ряд других командных позиций. Более того, в 2011 г. Франция смогла капитализировать свой обновлённый статус в Североатлантическом альянсе, оперевшись на его инфраструктуру для проведения операции в Ливии против Муамара Каддафи [33] (интересно, что Париж не смог использовать площадку Европейского союза для обеспечения поддержки своей политики [51]).

Стратегия Франции в отношении НАТО демонстрирует дилемму приобщения к статусным маркерам. На протяжении десятилетий устойчивой стратегической целью французской внешней политики остаётся обеспечение признания в качестве влиятельной и самодостаточной державы на международной арене. Между тем участие в Североатлантическом альянсе отягощено ассоциацией с американоцентричным порядком, поэтому Париж вынужденно мечется между статусами «исключительного» и «необходимого» союзника. Дистанцирование от блока, который к 1990-м гг. превратился в центральный институт западного сообщества и обладает полезными компетенциями в проведении экспедиционных операций, стало порождать для Парижа риски маргинализации по отношению к ключевым партнёрам.

Изменение структурных условий в период после окончания холодной войны, связанное с временным утверждением преобладания в международной системе западного сообщества, привело к возрастанию символической ценности

[30] Подробнее об участии Франции в операции в Афганистане см. [45; 56; 62].

[31] Sarkozy N. Discours de cloture lors d'un colloque "La France, la Securite Europeenne et l'OTAN au XXIeme siècle". Fondation de la Recherche Strategique. 11 Mars 2009. URL: https://www.frstrategie.org/publications/etudes-debats/web/documents/2010/201001.pdf (accessed 30.04.2019)

[32] Le livre Blanc. Defence et securite nationale. Paris, Odile Jacob. 2008. URL : http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/2008/information/les_dossiers_actualites_19/livre_blanc_sur_defense_875/livre_blanc_1337/livre_blanc_1340/index.html (accessed 30.04.2019)

приобщения к такому институциональному маркеру как НАТО, что повлияло не только на поведение стран Центральной и Восточной Европы, которые активно добивались членства в организации, но и на политику Франции, которая повысила свой статус внутри неё. Проведённый анализ также указывает на то, что выбор Парижа относительно степени участия или дистанцирования от блока на протяжении рассматриваемого периода определялся не только статусными соображениями, но и соотношением практических выгод и издержками.

Турция: от политики приобщения к нормативному противопоставлению

Пример Турции отличается от таких случаев, как Германии, так и Франции. Символическая значимость НАТО для этой страны традиционно определялась возможностью приобщиться к западному сообществу. В этом отношении её стратегия отчасти может быть сопоставлена с политикой ФРГ, хотя она и строилась исходя из других структурных и исторических предпосылок. Как и Париж, после завершения холодной войны Анкара столкнулась с изменением символической ценности участия в альянсе. Только в её случае его значение как статусного маркера не возросло, а снизилось. Подобное положение стало результатом разнонаправленных тенденций в развитии НАТО и самой Турции.

На заре холодной войны ценность геостратегического положения Турции возросла на фоне нарастающего противостояния между Западом и советским блоком. Её вступление в НАТО в 1952 г. было обусловлено стремлением США использовать Анкару в качестве барьера на пути попыток проникновения Советского Союза на Ближний Восток [31]. Кроме того, Турция наряду с Норвегией выступала единственной страной Североатлантического альянса, имеющей непосредственную границу с Советским Союзом. На первых стадиях биполярной конфронтации это позволяло использовать её в качестве площадки размещения американских сил ядерного сдерживания. В частности, страна подписала с Соединёнными Штатами соглашения о совместном использовании авиабазы тяжёлых бомбардировщиков «Инджирлик» и размещении на её территории баллистических ракет средней дальности PGM-19 «Юпитер» [48].

Для Турции членство в НАТО выступало, в первую очередь, подтверждением американских гарантий безопасности. Их актуальность определялась опасениями относительно советских устремлений, обострившихся с 1946 г. под влиянием дипломатического давления Москвы по вопросу совместного управления средиземноморскими проливами (Босфор и Дарданеллы). Ещё в рамках доктрины Трумана в конце 1940-х гг. Вашингтон обещал Анкаре поддержку в противодействии советским претензиям [8; 9, с. 11]. Присоединение к НАТО способствовало дальнейшей институционализации этих обязательств. Кроме того, Турция вступала в Североатлантический альянс параллельно с Грецией. Неучастие в блоке поставило бы Анкару в худшее положение по сравнению с традиционным противником в лице Афин [38].

Наряду с перечисленными практическими позициями присоединение к НАТО представляло также весомую символическую ценность для Турции. В рамках утвердившейся в стране ещё в первой половине XX в. идеологии кемализма осуществлялась активная социальная и культурная вестернизация [13]. Политическими проявлениями прозападной ориентации Анкары после Второй мировой войны стало вступление в Совет Европы в 1949 г. и ассоциация с Европейскими сообществами в 1959 г. В рамках проводимого курса присоединение к Североатлантическому альянсу обеспечивало стране признание в качестве части «свободного мира». Она приобретала его, даже несмотря на сохранение явно антилиберальных и недемократических практик, таких как контроль военных над политической системой страны и ограничение прав курдского населения [17].

Окончание холодной войны негативно сказалось на стратегической ценности Турции в глазах её западных партнёров, т.к. она перестала быть фланговым форпостом сдерживания советской угрозы. Кроме того, её политические практики вступали во всё больший диссонанс с позиционированием НАТО как сообщества либеральных обществ. Хотя на протяжении 1990-х – 2000-х гг. Турция не сталкивалась с существенной дискриминацией в самом Североатлантическом альянсе, отношение к ней со стороны европейских союзников становилось более критическим.

Анкара всё явственней сталкивалась с пределами признания в качестве члена западного сообщества. Наиболее показательным в этом отношении стало затягивание переговоров по вопросу её вступления в Европейский союз, которое для самой Турции оставалось приоритетной целью. Несмотря на то, что она подала заявку членство в интеграционном объединении в 1987 г. – прежде многих стран, которые впоследствии присоединились к группировке, – перспективы её кандидатуры и спустя тридцать лет остаются призрачными [31].

На этом фоне внутри Турции наметились серьёзные социальные и политические преобразования. В турецком обществе усилились позиции консервативных и религиозных кругов. Их выразителем на политической арене стала Партия справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом. После победы на парламентских выборах 2002 г. она начала наступление на позиции военных и к 2010-м гг. добилась их вытеснения из политической жизни. Она также пошла на деконструкцию многих аспектов кемалистской идеологии (прежде всего, подчёркнутой светскости) и внедрение элементов исламистской доктрины [1].

Долговременное доминирование Партии справедливости и развития в турецкой политике привело к закреплению режима личной власти Р. Эрдогана и даже изменениям в конституции, призванным обеспечить сохранение его политической власти[33]. В результате тенденции внутриполитического развития

[33] Эрдоган ратифицировал законопроект о внесении поправок в конституцию. ТАСС, 2017. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4012691 (дата обращения: 30.04.2019)

Турции стали вызывать ещё большую озабоченность её западных партнёров, которые стали обвинять правящую элиту в авторитаризме[34].

Параллельно поддержание высоких темпов экономического роста с 2000-х гг., способствовало возрастанию внешнеполитических амбиций страны[35]. Они нашли воплощение в доктрине неоттоманизма, которая предполагает диверсификацию турецкого курса на международной арене, отход от приоритетной ориентации на Запад и активизацию деятельности в регионах, исторически находившихся под контролем Турции (Ближний и Средний Восток, Балканы, Кавказ). Анкара всё чаще стремится выступать как независимая влиятельная держава, формулирующая собственный курс на международной арене со всё меньшей оглядкой на традиционных партнёров[36].

С учётом тенденций внутриполитического и внешнеполитического развития страны, значение НАТО как статусного маркера принадлежности к западному сообществу стало стремительно девальвироваться в глазах турецкого руководства. Так же, как и Франция в 1950-х – 1960-х гг., Турция в 2010-х всё больше сталкивается со статусными издержками от ассоциации с альянсом, ведомым Соединёнными Штатами. Дефицит символических выгод в случае Анкары дополняется сомнениями в вероятности получения практической помощи от союзников в случае необходимости. Тревожным сигналом для неё стала пассивность Североатлантического альянса в ходе российско-турецкого кризиса в ноябре 2015 г. [7].

Апогеем несоответствия Турции ценностным ожиданиям государства-члена НАТО стал неудавшийся государственный переворот в июле 2016 г., а также его последствия для значительной части политической, военной и интеллектуальной элиты страны. Реджеп Эрдоган инкриминировал США и другим собственным союзникам поддержку заговорщиков, пытавшихся его свергнуть[37]. В свою очередь, в странах Запада широкое распространение получили обвинения турецкого лидера в использовании попытки переворота для проведения массовых чисток в важнейших социальных институтах и укрепления собственной власти[38].

Ещё ранее стремление Анкары к большей независимости в обеспечении собственной безопасности нашло отражение в развитии её оборонной промышленности. В Турции начали разработку собственных образцов вооружений – танк «Алтай», вертолет «Атак», крылатая ракета «Джирит» (CIRIT), а также сверхмалая подводная лодка, собственные корветы и прочие виды военной

[34] Эрдоган: ЕС не вправе учить Турцию демократии. ТАСС, 2014. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1654265 (дата обращения 30.04.2019)

[35] Макроэкономические исследования. URL: http://be5.biz/makroekonomika/profile/tr.html (дата обращения 30.04.2019)

[36] О Турции как «восходящей» державе см. [39].

[37] Эрдоган обвинил Запад в поддержке военного переворота в Турции. РБК, 2016 URL: https://www.rbc.ru/politics/02/08/2016/57a09d8e9a7947413241b639 (дата обращения 30.04.2019)

[38] Весь Евросоюз понял психическую нестабильность Эрдогана – главред журнала Politics First. Звезда, 2016 URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201602231541-3w5t.htm (дата обращения 30.04.2019)

техники. Анкара направила значительное финансирование на проведение разработок за счёт привлечения иностранных специалистов и становления собственной школы военных конструкторов. Расходы на оборону в 2001-2014 гг. увеличились с 8,84 млрд долл. США до 25 млрд[39]. Параллельно она стала рассматривать возможность углубления военно-технического сотрудничества с Россией, которая официально фигурирует в документах Североатлантического альянса в качестве стратегического противника[40].

В результате с середины 2010-х гг. Турция сознательно идёт по пути дистанцирования от НАТО в попытках нарастить статусный капитал за пределами альянса. Вызреванию такой политики способствует и нежелание альянса выступить на стороне Анкары в сирийском конфликте, в том числе отказ по вопросу создания беспилотной зоны на турецко-сирийской границе, и сворачивание военного сотрудничества между членами организации и Турцией. В том числе решение ФРГ о передислокации своих военных и техники в Иорданию и окончательном уходе с военной базы «Инджирлик»[41].

В отношении Турции вопрос о том, до какой степени возможно снижение вовлечённости в союзные обязательства в рамках НАТО остаётся открытым. Даже с учётом уменьшения символической ценности участия в западном альянсе его военно-политический потенциал сохраняет значимость для Анкары с точки зрения обеспечения безопасности в условиях дестабилизации её непосредственного окружения и высокой неопределённости в регионе Ближнего и Среднего Востока в целом.

Тем не менее, этот институт перестал быть тем статусным маркером, каким он являлся в период господства в Турции кемалистской идеологии национальной модернизации через вестернизацию. С точки зрения нынешнего руководства страны, её закрепление в рамках западного сообщества возможно лишь на второстепенных, маргинальных позициях, не соответствующих возросшему материальному потенциалу Анкары и её внешнеполитическим амбициям. Между тем позиционирование НАТО как «сообщества либеральных демократий» противоречит тенденциям консолидации политической власти внутри Турции. Тем самым, её участие в альянсе увеличивает издержки для символического капитала объединения с точки зрения других его участников.

Изучение динамики статусных позиций государств не может исчерпываться их отнесением к кругу великих или региональных держав, средних или малых стран. В современной международной системе субъекты конкурируют за крайне дифференцированный символический капитал, воплощающий различные

[39] Turkey Military Stats. 2014. http://www.nationmaster.com/country-info/profiles/Turkey/Military#2014 (accessed 30.04.2019)

[40] Путин: реализация контракта на поставку в Турцию ЗРС С-400 является приоритетом. ТАСС, 2018. URL: http://tass.ru/politika/5091897 (дата обращения 30.04.2019)

[41] Германия уходит с турецкой базы Инджирлик в Иорданию. Вести, 2017 URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2896711 (дата обращения 30.04.2019)

типы признания. Соответственно, статусные маркеры оказываются сложными социальными конструктами, нагруженными множеством смысловых функций.

Анализ опыта участия Германии, Турции и Франции в НАТО показывает, что во многих случаях государства неспособны контролировать то, какие статусные последствия будет иметь их включение в те или иные институты. Несмотря на то, что они могут быть заинтересованы только в части смыслов, ассоциируемых с некоторым маркером, они вынуждены учитывать наличие у него других политических коннотаций. В результате их политика определяется не стремлением максимально расширить институциональное присутствие, а попытками сбалансировать символические и практические выгоды и издержки от приобретения новых и сохранения прежних статусов.

Её проведение осложняется в том случае, если государства имеют дело со столь нагруженным смысловыми конструктами институтом как Североатлантический альянс. Для различных субъектов участие в нём может иметь принципиально разные значения (признание американской гегемонии, принадлежность к западному сообществу или развитому миру, «нормальность» страны или её причастность к решению ключевых проблем европейской/глобальной безопасности). Наибольшие сложности возникают, когда несколько смыслов оказывается в равной степени актуальны для одного и того же государства при том, что часть из них оценивает позитивно, а другие – негативно. Кроме того, субъекты могут сталкиваться с противоречием между статусными и практическими последствиями членства в объединении.

Государства также вынуждены учитывать, что символический капитал институтов, таких как Североатлантический альянс, со временем может трансформироваться, открывая новые возможности и порождая дополнительные риски. Вместе с тем проведённый анализ (особенно пример Германии) демонстрирует, что обретение статусных маркеров способно существенным образом расширить горизонт стратегических возможностей для страны, даже в тех случаях, когда его непосредственным следствием оказывается усиление институциональных ограничений внешней политики страны.

Список литературы:

1. Аватков В.А., Кочкин М.В. Парламентские выборы в Турции // Свободная мысль. 2015. №4 (1652). С. 8–17.
2. Бирюков С.В. Германия и Франция: к согласию во имя Европы? // Мировая экономика и международные отношения, 2014. №12, С. 82-90.
3. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетея, 2001. 562 с.
4. Кокеев А.М. Новые акценты в евроатлантической политике Германии. М.: ИМЭМО РАН. 2011. 25 с.
5. Колосков И.А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций: 1958-1972. М.: Наука, 1976. 303 с.
6. Малашенко О. А. Военно-политические отношения Франции и НАТО: история и современность. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. №. 4. С. 42-56.
7. Мешков А. Отношений РФ и Турции как раньше – уже не будет // Российский совет по международным делам, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://russiancouncil.ru/

analytics-and-comments/comments/otnosheniy-rf-i-turtsii-kak-ranshe-uzhe-ne-budet (accessed 30.04.2019)
8. Мошкин С.В. Дипломатическая война за Черноморские проливы в 1944-1946 годах. // Дискурс-Пи. 2016. Т. 13. №. 1. С. 112-113.
9. Наринский М.М. Советское руководство: проблема границ и сферы влияния СССР в 1941-1946 годах // Вестник МГИМО-Университета. 2008. №. 3. С. 3-13.
10. Новик Ф.И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ (сентябрь 1955 г.) // Труды Института российской истории РАН. 2009. №. 8. С. 231-251.
11. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози. М.: Аспект пресс, 2012. 381 с.
12. Пилько А.В. Борьба за принятие доктрины «гибкого реагирования» в НАТО (1961-1969) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2013. № 5. С. 72-91.
13. Сотниченко А. Особенности модернизации в Турции // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики / под ред. В. Гельмана и О. Маргания. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 184-224.
14. Трунов Ф.О. Участие ФРГ в международном кризисном регулировании (1991-2012) // Мировая экономика и международные отношения, 2014. №9. С. 34-44.
15. Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М.: АСТ, 2002. 472 с.
16. Уолфорт У. «Российско-западным отношениям недостает реалистского мировосприятия, причем с обеих сторон...» // Международные процессы. 2015. Т. 13. №4 (43). С. 153-165.
17. Шлыков П.В. Военная элита и политическая власть в Турции 2000-х гг.: смена парадигмы? // Ислам на Ближнем и Среднем востоке, ИДВ РАН. 2012. №7. С. 403-418.
18. Andréani G. La France et l'OTAN après la guerre froide // Politique étrangère. 1998. №1. pp. 77-92
19. Bozo F. Deux stratégies pour l'Europe. De Gaulle, les Etats-Unis et l'Alliance atlantique (1958–1969). Paris: Plon, 1996. 287 p.
20. Bozo F. La France et l'Alliance depuis la fin de la guerre froide. Le modèle gaullien en question // Cahiers du Centre d'Etudes d'Histoire de la Défense. 2001. № 17, URL:
21. Bozo F. La France et L'Alliance: Les limites de rapprochement. // Politique Etrangere. 1995. № 4. P. 865-877.
22. Bozo F. La France et l'OTAN. De la guerre froide au nouvel ordre européen. Paris: Masson, 1991. 287 p.
23. Cameron A., Maulny J-P. France's NATO Reintegration: Fresh Views with the Sarkozy Presidency? RUSI Occasional Paper, February 2009. [Электронный ресурс] URL: https://rusi.org/sites/default/files/200902_op_frances_nato_reintegration.pdf (accessed 30.04.2019)
24. Creswell M., Trachtenberg M. (2003) France and the German question, 1945–1955 // Journal of Cold War Studies. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 5-28.
25. David D. France/OTAN: la dernière marche // Politique étrangère. 2008. №2, p. 429-441.
26. Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994. Т. 109. №. 5. P. 763-787.
27. Fish I.S. Is China Still a 'Developing' Country? Foreign Policy. 25.09.2014. [Электронный ресурс] URL: http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country (accessed 30.04.2019)
28. Frank R. Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status. New York: Oxford University Press, 1985. 306 p.
29. Ghez J., Larrabee S. France and NATO // Survival. 2009. No. 2. P. 77–90
30. Gilpin R. War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
31. Gülnur A. The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship // Perceptions. 2012.Vol. XVII. No. 1. P. 19-36.
32. Hofmann S. Party preferences and institutional transformation: revisiting France's relationship with NATO (and the common wisdom on Gaullism) // Journal of Strategic Studies. 2017. Vol. 40. No. 4. P. 505-531.
33. Howorth J. "Operation Harmattan" in Libya: a paradigm shift in French, European and Transatlantic Security Arrangements // Journal of Transatlantic Studies. 2014. Vol. 12, No. 4. P. 405-417.
34. Howorth J. The CESDP and the forging of a European security culture // Politique européenne. 2002. No. 8(4), P. 88-109.
35. Johnston A.I. Treating international institutions as social environments // International Studies Quarterly. 2001. Vol. 45. No. 4. P. 487-515.
36. Kennedy P. The rise and fall of the great powers. N.Y.: Random House, 1987. 677 p.
37. Klein J. France, NATO, and European Security // International Security. 1977 Vol. 1, No. 3, pp. 21-41
38. Krebs R.R. Perverse institutionalism: NATO and the Greco-Turkish conflict // International Organization. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 343-377.
39. Kubicek P., Dal E.P., Oğuzlu H.T. (eds). Turkey's Rise as an Emerging Power. Oxon: Routledge, 2016. 216 p.

40. Larson D.W., Shevchenko A. Managing Rising Powers: the Role of Status Concerns // Status in World Politics / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33-57
41. Leeds B. et al. Alliance treaty obligations and provisions, 1815-1944 //International Interactions. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237-260
42. Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. // International Security. 1990. Vol. 15, No. 1. P. 5-56.
43. Menon A. France, NATO and the Limits of Independence 1981-1997: the Politics of Ambivalence. London: McMillan, 2000. 256 p.
44. Menon A. From Independence to Cooperation: France, NATO and European Security // International Affairs. 1995. Vol. 71, No. 1, pp. 19-34.
45. Morelli V., Belkin P. NATO in Afghanistan: a Test for Transatlantic Alliance. CRS Report for Congress. April 19, 2009. [Электронный ресурс] URL: https://fas.org/sgp/crs/row/RL33627.pdf (accessed 30.04.2019)
46. Morgenthau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
47. Neumann I.B. Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status // Status in World Politics / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 85-113.
48. Oğuz Ş. The future of Europe's defence: NATO or an EU army? // Turkish Policy Quarterly. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 59-68.
49. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and World Order // Status in World Politics / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 3-31.
50. Renshon J.B. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. 304 p.
51. Reykers Y.F. (2016) No Supply without Demand: Explaining the absence of the EU Battlegroups in Libya, Mali and the Central African Republic // European Security. 2016. Vol.25, No. 3, P. 346-365.
52. Risse-Kappen T. Cooperation among democracies: The European influence on US foreign policy. Princeton: Princeton University Press, 1995. 250 p.
53. Sanchez-Gijon A. On Spain, NATO and Democracy // Politics and Security in the Southern Region of the Atlantic Alliance. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 96-116.
54. Sarotte M.E. 1989: the struggle to create post-Cold War Europe. Princeton: Princeton University Press, 2009. 321 p.
55. Schmitt O. The Reluctant Atlanticist: France's Security and Defence Policy in a Transatlantic Context // Journal of Strategic Studies, 2017. Vol. 40, No. 4, P. 463-474.
56. Schmitt, O. French Military Adaptation in the Afghan War: Looking Inward or Outward? // Journal of Strategic Studies, 2017. Vol. 40, No. 4, P. 577-599.
57. Schreer B. A New "Pragmatism": Germany's NATO Policy // International Journal. 2009. Vol. 64, No. 2. P. 383-398.
58. Sjursen H. On the Identity of NATO // International Affairs. 2004. Vol. 80. No. 4. P. 687-703.
59. Snyder G.H. Alliance politics. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 414 p.
60. Terriff, T. Fear and loathing in NATO: The Atlantic Alliance after the Crisis over Iraq // Perspectives on European Politics and Society. 2004. Vol.5, No. 3, P. 419-446.
61. Vaisse M., Bozo F. (eds.). La France et l'OTAN, 1949– 1996. Bruxelles: Bruylant, 1996. 646 p.
62. Valasek T. France, NATO and European Defence. Policy Brief. – Centre for European Reform. – May 12 2008. [Электронный ресурс] URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/policybrief_nato_12may2008-790.pdf (accessed 30.04.2019)
63. Volgy T. Corbetta R., Grant K., Baird R. Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives. N.Y.: Springer, 2011. 242 p.
64. Wall I.M. France, the United States, and the Algerian War. Berkeley: University of California Press, 2001. 335 p.
65. Ward S. Status and the Challenge of Rising Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 277 p.
66. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. Correspondence: NATO and Democracy // International Security. 2002. Vol. 26. No. 3. P. 221-235.
67. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Об авторах:

Игорь Александрович Истомин – к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: iaistomin@gmail.com.

Ирина Вячеславовна Болгова – к.ист.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: irinabolgova@gmail.com.

Артём Павлович Соколов – к.ист.н., старший преподаватель кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр. 1.
E-mail: asokolov@foreignpolicy.ru.

Владимир Алексеевич Аватков – к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, 119021, Москва, Остоженка 53/2 строение 1. E-mail: v.avatkov@gmail.com.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20170).

A «BADGE OF HONOUR» OR A «STAMP OF INFAMY»? NATO AS A MARKER OF STATUS IN INTERNATIONAL POLITICS

I.A. Istomin, I.V. Bolgova, A.P. Sokolov, V.A. Avatkov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Moscow State Linguistic University
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: The symbolic significance of membership in NATO is widely recognized by Russian and foreign experts. However, attempts to systematically assess its role as a marker of the political status has not been made. This article intends to fill this gap, considering not only positive, but also negative consequences of symbolic capital associated with the NATO membership. In order to determine the possible contradictions, benefits and costs for states from participating in the alliance, the authors examined the record of its three participants – France, Germany and Turkey. The comparison of these three cases enables to trace various status consequences of participation in a bloc for players whose material capacities and overall symbolic capital in the international system undergo different transitions. The theoretical literature and empirical record of the selected NATO members confirm that states compete in the international system for highly differentiated symbolic capital embodying various kinds of recognition. Status markers are complex social constructs, combining various political meanings. Meanwhile, states are not always able to control which types of social recognition will be activated by their inclusion in particular institutions. Despite the fact, that they may be interested only in some of the meanings associated with a status marker, they are compelled to take into account its other political connotations. As a result, NATO membership could bear for states a range of various social consequences. This could lead to a situation when several of them are equally relevant for the same actor, but some contain positive value, while others are assessed negatively. In addition, actors could face a contradiction between the status and practical consequences of participation in the alliance.

Key words: NATO; military-political alliance; symbolic capital; status; international institutions; status markers; France; Germany; Turkey.

References

1. Avatkov V.A., Kochkin M.V.. Parlamentskie vybory v Turtsii [Parlamentary Elections in Turkey]. *Svobodnaya mysl'*. 2015, no. 4 (1652). pp. 8–17. (In Russian)
2. Biryukov S.. Germaniya i Franciya: k soglasiyu vo imya Evropy? [Germany and France: for agreement in the name of Europe?]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014, no. 12. pp. 82-90. (In Russian)
3. Bourdier P. *Prakticheskij smysl* [Practical Sense]. Saint Petersburg: Aleteya, 2001. 562 p.
4. Kokeev A. *Novye akcenty v evroatlanticheskoj politike Germanii.* [New accents in the Euro-Atlantic policy of Germany]. Moscow: IMEMO RAN, 2011. 25 p. (In Russian)
5. Koloskov I.A. *Vneshnjaya politika Pyatoy respubliki. Evoljutsija osnovnyh napravlenij i tendencij: 1958-1972.* [Foreign policy of the Fifth Republic. The Evolutoin of Key Trends and Directions: 1958-1972]. Moscow: Nauka, 1976. 303 p. (In Russian)
6. Malashenko O. A. Voenno-politicheskie otnosheniya Frantsii i NATO: istoriya i sovremennost'. [Political and military relations between France and NATO: history and current period] *Vestnik Moskovskogo universiteta.* 2011, Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaja politika, no. 4. pp. 42-56 (In Russian)
7. Meshkov A. *Otnoshenij RF i Turtsii kak ran'she – uzhe ne budet* [Relations between Russian Federation and Turkey as They Previously Were – Will Never Be]. RIAC, 2015. (In Russian) URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/otnosheniy-rf-i-turtsii-kak-ranshe-uzhe-ne-budet (accessed 30.04.2019)
8. Moshkin S.V. Diplomaticheskaya vojna za Tchernomorskie prolivy v 1944-1946 godakh [Diplomatic War for Black Sea Straights in 1944-1946]. *Diskurs-Pi.* 2016, Vol. 13. no. 1. pp. 112-113. (In Russian)
9. Narinskij M.M. Sovetskoe rukovodstvo: problema granits i sfery vliyaniya SSSR v 1941-1946 godakh [Soviet Leadership: the Problem of Borders and Spheres of Influence of the USSR]. *Vestnik MGIMO Universiteta.* 2008, no. 3. pp. 3-13. (In Russian)
10. Novik F.I. Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenij mezhdu SSSR i FRG (sentyabr' 1955 g.) [Establishing of Diplomatic Relations between the USSR and FRG (September 1955)]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN.* 2009, no. 8. pp. 231-251. (In Russian)
11. Obichkina E.O. *Vneshnjaja politika Francii ot de Gollja do Sarkozi.* [Foreign policy of France from de Gaulle to Sarkozy]. Moscow: Aspekt Press, 2012. 381 p. (In Russian)
12. Pil'ko A.V.. Bor'ba za prinyatie doktriny "gibkogo reagirovaniya" v NATO (1961-1969). [Discussions about the recognition of the doctrine of flexible response inside NATO (1961-1969)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* 2013, Ser. 8 "Istoriya", no. 5. pp. 72-91. (In Russian)
13. Sotnichenko A. Osobennosti modenizatsii v Turtsii [Specifics of Modernization in Turkey]. *Puti modernizatsii: traektorii, razvilki i tupiki* [Ways of modernization: trajectories, crossroads and deadlocks]. Saint Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt Peterburge, 2014. pp. 184-224. (In Russian)
14. Trunov F. Uchastie FRG v mezhdunarodnom krizisnom regulirovanii (1991-2012) [Germany's participation in international crisis management (1991-2012)]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2014, no. 9. pp. 34-44. (In Russian)
15. Williams C. 2002. *Adenauehr. Otec novoj Germanii.* [Adenauer. The Father of the new Germany]. Moscow: AST. 472 p. (In Russian)
16. Wohlforth W.C. "Rossijsko-zapadnym otnosheniyam nedostaet realistskogo mirovospriyatiya, prichem s obeikh storon…" [Russian-Western Relations Lack

Realist Worldview from Both Sides]. *Mezhdunarodnye Protsessy.* 2015, Vol. 13, no. 4 (43). pp. 153-165. (In Russian)
17. Shlykov P.V. Voennaya elita i politicheskaya vlast' v Turtsii 2000-kh gg.: smena paradigm? [Military Elite and Political Power in Turkey in the 2000s: the Change of Paradigm?]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke.* IDV RAN. 2012, no. 7. pp. 403-418. (In Russian)
18. Andréani G. La France et l'OTAN après la guerre froide. *Politique étrangère*. 1998, no. 1. p. 77-92 (In French)
19. Bozo F. *Deux stratégies pour l'Europe. De Gaulle, les Etats-Unis et l'Alliance atlantique (1958–1969).* Paris: Plon, 1996. 287 p. (In French)
20. Bozo F. La France et l'Alliance depuis la fin de la guerre froide. Le modèle gaullien en question. *Cahiers du Centre d'Etudes d'Histoire de la Défense.* 2001, no. 17.
21. Bozo F. La France et L'Alliance: Les limites de rapprochement. *Politique Etrangere.* 1995. № 4. – pp. 865-877. (In French)
22. Bozo F. *La France et l'OTAN. De la guerre froide au nouvel ordre européen.* Paris: Masson, 1991. 287 p. (In French)
23. Cameron A., Maulny J-P. France's NATO Reintegration: Fresh Views with the Sarkozy Presidency? *RUSI Occasional Paper.* February 2009. URL: https://rusi.org/sites/default/files/200902_op_frances_nato_reintegration.pdf (accessed 30.04.2019)
24. Creswell M., Trachtenberg M. France and the German question, 1945–1955. *Journal of Cold War Studies.* 2003, Vol. 5. no. 3. pp. 5-28
25. David D. France/OTAN: la dernière marche. *Politique étrangère.* 2008, no. 2 (Eté). pp. 429-441.
26. Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War. *Political Science Quarterly.* 1994. T. 109. №. 5. P. 763-787.
27. Fish I.S. Is China Still a 'Developing' Country? *Foreign Policy.* 25.09.2014. URL: http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country (accessed 30.04.2019)
28. Frank R. *Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status.* N.Y.: Oxford University Press, 1985. 306 p.
29. Ghez J., Larrabee S. France and NATO. *Survival*. 2009, Vol. 51. no. 2. pp. 77–90
30. Gilpin R. *War and change in world politics.* Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
31. Gülnur A. The Evolution of NATO's Three Phases and Turkey's Transatlantic Relationship. *Perceptions. 2012,* Vol. XVII, No. 1. P. 19-36.
32. Hofmann S. Party preferences and institutional transformation: revisiting France's relationship with NATO (and the common wisdom on Gaullism). *Journal of Strategic Studies*. 2017, Vol. 40. no. 4. pp. 505-531.
33. Howorth J. "Operation Harmattan" in Libya: a paradigm shift in French, European and Transatlantic Security Arrangements. *Journal of Transatlantic Studies.* 2014, Vol. 12. no. 4. pp. 405-417.
34. Howorth, J. The CESDP and the forging of a European security culture. *Politique européenne*. 2002, no. 8 (4). pp. 88-109.
35. Johnston A.I. Treating international institutions as social environments. *International Studies Quarterly.* 2001, Vol. 45, no. 4, pp. 487-515.
36. Kennedy P. *The rise and fall of the great powers.* N.Y.: Random House, 1987. 677 p.
37. Klein J.. France, NATO, and European Security. *International Security.* 1997, Vol. 1, no. 3, pp. 21-41.
38. Krebs R.R. Perverse institutionalism: NATO and the Greco-Turkish conflict. *International Organization.* 1999, Vol. 53, no. 2, pp. 343-377.
39. Kubicek P., Dal E.P., Oğuzlu H.T. (eds). *Turkey's Rise as an Emerging Power.* Oxon: Routledge, 2016. 216 p.
40. Larson D.W., Shevchenko A. Managing Rising Powers: the Role of Status Concerns. In Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in World Politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 33-57
41. Leeds B. et al. Alliance treaty obligations and provisions, 1815-1944. *International Interactions.* 2002, Vol. 28. no. 3, pp. 237-260
42. Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security.* 1990, Vol. 15, no. 1, pp. 5-56

43. Menon A. From Independence to Co-operation: France, NATO and European Security. *International Affairs.* 1995, Vol. 71, no. 1, pp. 19-34
44. Menon A. France, NATO and the Limits of Independence 1981-1997: the Politics of Ambivalence. London: McMillan, 2000. 256 p.
45. Morelli V., Belkin P. *NATO in Afghanistan: a Test for Transatlantic Alliance.* CRS Report for Congress. April 19, 2009. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/RL33627.pdf (accessed 30.04.2019)
46. Morgenthau H.J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace.* N.Y.: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
47. Neumann I.B. Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status. In Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in World Politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014. pp. 85-113.
48. Oğuz Ş. The future of Europe's defence: NATO or an EU army? *Turkish Policy Quarterly.* 2017, Vol. 16, no. 1, pp. 59-68.
49. *Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C.* Status and World Order. In Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) Status in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. pp. 3-31.
50. Renshon J.B. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics.* Princeton: Princeton University Press, 2017. 304 p.
51. Reykers Y.F. No Supply without Demand: Explaining the absence of the EU Battlegroups in Libya, Mali and the Central African Republic. *European Security.* 2016, Vol. 25. no. 3, pp. 346-365.
52. Risse-Kappen T. *Cooperation among democracies: The European influence on US foreign policy.* Princeton: Princeton University Press, 1995. 250 p.
53. Sanchez-Gijon A. On Spain, NATO and Democracy. *In Politics and Security in the Southern Region of the Atlantic Alliance.* London: Palgrave Macmillan, 1988. pp. 96-116.
54. Sarotte M.E. *1989: the struggle to create post-Cold War Europe.* Princeton: Princeton University Press, 2009. 321 p.
55. Schmitt O. The Reluctant Atlanticist: France's Security and Defence Policy in a Transatlantic Context. *Journal of Strategic Studies.* 2017, Vol. 40, №4, pp. 463-474
56. Schmitt, O. French Military Adaptation in the Afghan War: Looking Inward or Outward? *Journal of Strategic Studies.* 2017, Vol. 40, no.4, pp. 577-599
57. Schreer B. A New "Pragmatism": Germany's NATO Policy. *International Journal.* 2009, Vol. 64, No. 2. P. 383-398
58. Sjursen H. On the Identity of NATO. *International Affairs.* 2004, Vol. 80, no. 4, pp. 687-703
59. Snyder G.H. *Alliance politics.* Ithaca: Cornell University Press, 1997. 414 p.
60. Terriff, T. Fear and loathing in NATO: The Atlantic Alliance after the Crisis over Iraq. *Perspectives on European Politics and Society.* 2004, Vol.5, no. 3, pp. 419-446.
61. Vaisse M., Bozo F.(eds.) (1996). *La France et l'OTAN,* 1949– 1996, Bruxelles: Bruylant. 646 p.
62. Valasek T. *France, NATO and EUropean Defence.* Policy Brief. Centre for European Reform. May 12, 2008. URL: http://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/policybrief_nato_12may2008-790.pdf (accessed 30.04.2019)
63. Volgy T. Corbetta R., Grant K., Baird R. (2011). *Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives.* N.Y.: Springer, 242 p.
64. Wall I.M. *France, the United States, and the Algerian War.* Berkeley: University of California Press, 2001. 335 p.
65. Ward S. *Status and the Challenge of Rising Powers.* Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 277 p.
66. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. Correspondence: NATO and Democracy. *International Security.* 2002, Vol. 26, no. 3, pp. 221-235.
67. Wendt A. *Social theory of international politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

About the authors:

Igor A. Istomin – Cand. of Sciences (Political Science), Associate Professor at MGIMO-University of the Russian MFA. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76.
E-mail: iaistomin@gmail.com.

Irina V. Bolgova – Cand. of Sciences (Historical Science), Associate Professor at MGIMO-University of the Russian MFA. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76.
E-mail: irinabolgova@gmail.com.

Artem P. Sokolov – Cand. of Sciences (Historical Science), Senior Lecturer at Moscow State Linguistic Institute. Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka street, 38, building 1.
E-mail: asokolov@foreignpolicy.ru.

Vladimir A. Avatkov – Cand. of Sciences (Political Science), Associate Professor at Diplomatic Academy of the Russian MFA. Russia, 119021, Moscow, Ostozhenka street, 53/2 building 1.
E-mail: v.avatkov@gmail.com.

The article is written with the financial support from the Russian Science Foundation (project No. 17-78-20170).

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 86-100
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-86-100

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

НЕЙТРАЛИТЕТ ФИНЛЯНДИИ КАК ЧАСТЬ ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.Ю. Вежливцева

Министерство иностранных дел Российской Федерации

В контексте современных дискуссий о востребованности политики нейтралитета особый интерес представляет Финляндия. Распространено мнение, что её нейтралитет возник в годы холодной войны под воздействием прагматичной оценки возможностей для небольшой страны в контексте биполярной структуры международных отношений того времени. Военное неприсоединение Финляндии расценивается как вынужденное. В связи с этим после окончания холодной войны возникло ожидание неизбежного отказа от политики военного нейтралитета, а также уверенность в том, что принадлежность к западному сообществу является единственным возможным ориентиром. Однако курс Финляндии на военное неприсоединение и самостоятельную оборонную идентичность остаётся неизменным на протяжении уже практически трёх десятилетий. Государственное руководство Финляндии проводит его при полной поддержке большинства населения страны. Сохранение нейтралитета, несмотря на радикальное изменение системы международных отношений свидетельсвует о том, что причины не могут быть объяснены как рациональный политический выбор, а носят более сложный характер.

Ряд финских исследователей рассматривает нейтралитет как часть национальной идентичности финнов. Используя данный подход, автор статьи анализирует формирование политики нейтралитета как части национальной идентичности в контексте исторического развития Финляндии на стыке Запада и Востока. Определяющее влияние на формирование финляндского государства и его внешнеполитический курс оказали Швеция и Россия. Пребывание в составе Швеции сформировало общественно-политическое устройство Финляндии и привило его жителям скандинавскую идентичность. России в свою очередь сыграла ключевую роль в становлении финского государства и предопределила восточный вектор его дальнейшей внешней политики. Благодаря этому сформировались предпосылки прагматичного, взаимовыгодного и добрососедского сосуществования российского и финского народов, взаимодополняемости восточного и западного векторов. В результате Финляндия может претендовать на роль «моста» между Востоком и Западом, что даёт ей дополнительные преимущества в современной ситуации возрождения острой геополитической конкуренции между великими державами.

УДК: 327.57
Поступила в редакцию 07.11.2018 г.
Принята к публикации 19.03.2019 г.

Автор статьи делает вывод о том, что сочетание западного и российского влияния сформировало предпосылки политики нейтралитета, которая, в свою очередь, заложила основу стабильной ориентации на военное неприсоединение Финляндии. Вывод о том, что нейтралитет как часть финской идентичности имеет глубокие исторические корни, позволяет оспорить утверждение о его ненужности в современных условиях.

Ключевые слова: внешнеполитический курс, добрососедские отношения, северное сотрудничество, политика военного неприсоединения, теория «моста».

В настоящее время в научной литературе ведутся дискуссии о том, насколько институт нейтралитета утратил актуальность в современных международных отношениях [7; 14]. В контексте изучения данной проблемы кейс Финляндии представляет особый интерес, поскольку на протяжении длительного времени страна придерживалась нейтралитета. Военный нейтралитет оставался основой внешней политики и политики безопасности Финляндии в течение долгих лет, не претерпев принципиальных изменений в период кардинальной трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны, распада СССР и вступления Финляндии в ЕС.

Существует точка зрения, что в 1990-е гг. финляндская внешняя политика продолжала носить консервативный характер, поскольку изменения в мире происходили быстрее, чем Финляндия была способна на них реагировать, а влияние советской эпохи продолжало сказываться и после её исчезновения [22]. Вступление в ЕС в 1995 г. расценивается рядом исследователей как новая эра в политической истории Финляндии, которая обуславливала в том числе и неизбежный отказ от нейтралитета, проводимого в годы холодной войны в качестве основной линии в политике безопасности [9].

Тем не менее, этого не произошло. Внешнеполитическая линия осталась по своей сути неизменной. Новый курс финской политики безопасности заключался в активизации международного сотрудничества с упором на укрепление европейской безопасности при сохранении военного нейтралитета и самостоятельной оборонной политики.

Устойчивость политики нейтралитета требует осмысления. Среди финских авторов распространено мнение, что причины заключаются в прагматичной оценке мироустройства после 1945 г. [10; 11; 21]: стремление к нейтралитету носило вынужденный характер в условиях биполярного мира.

Ю. Аунеслуома и Й. Райнио-Ниеми полагают, что причины политики неприсоединения гораздо сложнее, чем рациональный политический выбор малого государства в геополитических реалиях того времени [8]. Они рассматривают финский нейтралитет как часть национальной идентичности, формирование которой произошло именно в годы холодной войны.

Однако анализ финляндской внешней политики и политики безопасности, в том числе предпосылок её становления, демонстрирует, что нейтралитет как часть финской идентичности имеет более глубокие исторические корни и начал складываться одновременно с формированием финляндской государственности. Такой подход позволяет выделить некоторые закономерности в общественно-политическом развитии и внешнеполитическом курсе Финляндии. Выявление этих закономерностей позволяет оспорить и аргументы, выдвигаемые рядом финских исследователей, считающих, что западная идентичность является единственно возможной базой для формирования внешней политики и политики безопасности, что требует отказа от всех иных связей, сложившихся у финнов [8].

Методологическую основу статьи составляет структурно-системный подход, позволяющий оценить закономерности функционирования международных отношений, а также историко-описательный метод.

Влияние Швеции на внешнеполитические представления финнов

Влияние Швеции можно рассматривать в двух смыслах: в узком – как скандинавское влияние, сформировавшее североевропейскую идентичность Финляндии, в более широком – как влияние, благодаря которому Финляндия вошла в западную цивилизацию. Процесс этот начался в XII-XIV вв. и, по мнению финского историка Х. Мейнандера, стал «первым переломным моментом в финской истории» [2, с. 57]. Эти две идентичности – североевропейская и западная – сохранились и по настоящее время. В экспертной среде современной Финляндии распространена точка зрения, что пребывание в составе Швеции оказало положительное влияние на формирование государственности и позволило создать отдельную финскую политическую общность [4].

Территория, на которой проживали финны и саамы[1] в XII-XIV вв. постепенно завоевывалась шведами. Шведские короли стали обращать местное население в римско-католическую веру. До установления в Финляндии шведского господства страна не представляла собой единого политического или административного образования. Шведам удалось захватить сначала южную часть Финляндии (Тавастланд), а затем и Западную Карелию. В 1216 г. папа римский передал Финляндию во владение шведскому королю и архиепископу Упсалы [1].

Период ощутимого шведского влияния в Финляндии начался после прихода к власти шведского короля Густава Васы. Необходимо отметить, что религиозный фактор сыграл важную роль с точки зрения формирования единой идентичности. Проведённая шведским королём в 1527 г. реформация церкви превратила всех католиков страны, в состав которой входила и Финляндия,

[1] Название Финляндия появилось только в XV в. [2].

в лютеран. Карелы, придерживавшиеся греко-католической веры, в середине XVII в. большей частью переместились в Россию [4].

Король Густав Васа отдал Финляндию в управление своему старшему сыну в качестве герцогства. Тем не менее, Финляндия не стала автономной единицей: герцогство, как и раньше, оставалось неотъемлемой частью Швеции. Финны получили представительство в риксдаге, служили под шведским началом в административных и военных органах по всей Швеции, призывались в армию. Финляндия не имела никаких отличных от шведских национальных законов или учреждений, несмотря на полученный в 1581 г. титул Великого Княжества, в правовом и административном отношении оставаясь рядовой шведской провинцией. Финны не имели прямых торговых отношений с другими странами, запрет был наложен на торговлю и с Россией [1]. Развитие финской национальной культуры сдерживалось или подавлялось, финский язык считался языком простолюдинов в отличие от шведского – языка власти, науки и культуры. Неотъемлемой частью внутриполитической жизни Финляндии были и этнические шведы, которые имели свои политические формирования, учебные заведения, культурные учреждения и общественные организации, обеспечивали тесные связи со Швецией.

Все эти факторы способствовали формированию в Финляндии общественно-политического уклада, близкого к скандинавскому. Административное, судебное и партийное устройства формировались по шведскому образцу и мало изменились за время пребывания Финляндии в составе России. Министр иностранных дел Финляндии Т. Сойни пишет: «Для Финляндии историческая связь со Швецией существенным образом повлияла на то, как устроена законодательная и административная система. Это, в свою очередь, стало якорем для североевропейских вех развития Финляндии и важной отправной точкой нашей внешнеполитической деятельности»[2].

В качестве примера шведского влияния на современную политическую систему можно привести трёхуровневое административно-территориальное деление Финляндии. До 2010 г. страна была разделена на коммуны, уезды и губернии. В настоящее время вместо губерний функционируют региональные центры с развитой формой местного самоуправления. Конституция Финляндии, действовавшая с 1919 по 2000 гг., многое заимствовала из шведской, в частности, особенности регулирования взаимоотношений главы государства и парламента, формирования парламентского контроля, институт омбудсмана и т.д.

Шведское влияние сказывалось на формировании общественно-политического устройства и в дальнейшем, когда Финляндия стала уже самостоятельным государством. Это отчётливо проявилось в развитии общественных организаций, клубов и ассоциаций, профсоюзного движения на рынке труда, формиро-

[2] Sveriges sak är vår // DN Debatt. January 27, 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.dn.se/debatt/sveriges–sak-ar-var/ (дата обращения: 25.04.2019).

вании партийной системы с высоким удельным весом социал-демократических партий.

Как отмечает шведский исследователь Х. Линдквист, Финляндия под влиянием Швеции[3] стала западной страной, у которой по западному образцу выстроено законодательство, религиозные институты и управление. Таким образом, идентичность финнов, как осознание принадлежности к единой социально-экономической, религиозной и общественно-политической группе, близка к скандинавской. Однако, поскольку в правовом и административном отношении Финляндия была рядовой шведской провинцией [1] – не имела ни национальных законов, ни национальных учреждений, не имела прямых торговых отношений с другими странами, – в ней не могли возникнуть признаки государственности, отличные от Швеции. Они возникли и утвердились позже, когда Финляндии оказалась в составе России.

Говоря об истории Финляндии, историки и политики часто используют выражения «период шведской власти» и «период российской власти». Однако выражение «шведская власть» некорректно, поскольку финские территории являлись неотъемлемой частью Швеции, а по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Швеция передавала России именно пять своих восточных губерний – эти губернии входили в состав Великого герцогства Финляндия [16].

По оценкам ведущих современных финских историков, перспектива обретения финнами государственности в составе Швеции отсутствовала. Как пишет О. Юссила, в составе такого гомогенного государства, как Швеция, движение Финляндии к обретению государственного суверенитета было исключено [4]. Аналогичного мнения придерживается профессор Хельсинкского университета Х. Мейнандер: «Финляндия не стала бы независимым государством, а финский язык остался бы языком меньшинства, если бы Финляндия осталась частью шведского государства две сотни лет тому назад»[4]. Интересную параллель провёл бывший депутат финского парламента от социал-демократической партии Э. Хейнялуома: «Не будь периода нахождения в составе России в XIX в., не оказались бы мы сейчас в такой же ситуации по отношению к Швеции, в какой Каталония находится по отношению к Испании?»[5].

Для будущей внешнеполитической концепции Финляндии большое значение имел опыт многочисленных войн между европейскими великими державами в XVIII в., когда Финляндия входила в состав Швеции. На это указывал в своих мемуарах ещё К.Г. Маннергейм. В условиях пребывания Финляндии в составе Швеции и враждебных отношений последней с Россией, финны осознали, что агрессия шведов против России затронет территорию Финляндии, что противоречит их интересам.

---

[3] Ilta-Sanomat. 15.02.2018.

[4] Miksi vuosi 1809 on Suomelle merkkivuosi? // Yle. [Электронный ресурс] URL: https://yle.fi/aihe/artikkeli/2009/01/20/miksi-vuosi-1809-suomelle-merkkivuosi (дата обращения 24.04.2019).

[5] Ilta-Sanomat. 22.10.2017.

Соперничество Швеции с Россией в первой половине XVIII в. оказало существенное влияние на внешнеполитическую стратегию как самой Швеции, так и Финляндии. Но уроки из него Швеция и Финляндия извлекли разные. Швеция под влиянием своей неудачной великодержавной политики избрала политику нейтралитета [1]. Так как это произошло в начале XIX в., уже после присоединения Финляндии к России, финны не имели возможности позаимствовать у шведов такой опыт.

Эффект великодержавной политики Швеции проявился и в том, что после обретения независимости и революции 1917 г. в России Финляндия продолжила относиться к России как к враждебному государству. Долгое время стремление к нейтралитету у финнов было связано с противостоянием «российскому фактору». Лишь позднее в Финляндии пришли к конструктивному взаимодействию с восточным соседом.

«Шведский фактор» неоднократно давал о себе знать в период нахождения Финляндии в составе России. Во время Крымской войны в скандинавских странах, как и в ряде других, активизировалась антироссийская пропаганда. Идеи «скандинавизма» в тот период приобрели антирусскую направленность, широко тиражировались призывы к солидарности северян перед лицом «русской опасности». Некоторые аналогии просматриваются и с современной ситуацией, когда западные страны призывают Финляндию к более тесному сотрудничеству со Швецией и Европой[6] и вместе противостоять России, которая, по их мнению, является причиной ослабления европейской безопасности после 2014 г.

В годы Крымской войны утверждалось, что интересы Финляндии противоположны российским [3]. Политические круги Швеции стремились вовлечь в антирусскую кампанию не только шведское дворянство Финляндии, но и широкие слои финского населения в надежде добиться отделения региона от России и возвращения его в состав Швеции [1]. Выдвигался тезис о том, что существенные интересы Финляндии находятся в противоречии с направлениями русской политики [3].

Таким образом, можно констатировать значительное влияние «шведского фактора» на формирование системы государственного управления и общественного устройства по шведскому образцу. В дальнейшем это во многом способствовало активизации североевропейского сотрудничества. Благодаря шведскому влиянию Финляндия получила скандинавскую идентичность и стала развиваться в рамках западной цивилизации. Неоднозначную роль в формирования внешнеполитической концепции Финляндии сыграл опыт нахождения в составе Швеции, многократно воевавшей с Россией.

Следует учитывать, что если бы финны остались в составе Швеции, то Финляндия могла бы никогда не обрести самостоятельность. Напротив, пребыва-

[6] DN Debatt. "Sveriges sak är vår" // Dagens Nyheter. January 27, 2018. [Электронный ресурс] URL: https://www.dn.se/debatt/sveriges-sak-ar-var/ (дата обращения: 24.04.2019).

ние в составе Российской империи в итоге привело к становлению и развитию Финляндии как независимого государства.

Россия во внешнеполитической стратегии Финляндии

Роль России особенно ярко проявилась в двух исторических периодах: во время нахождения Финляндии в составе России на правах автономии и после окончания Второй мировой войны. При этом о положительном российском влиянии в эти периоды финские исследователи и политики до последнего времени говорили редко. Поводом к «ревизии» стали две даты – 200-летие вхождения Финляндии в состав Российской империи на правах автономного княжества и 100-летие государственной независимости Финляндии. Юбилейный год 200-летия вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи отмечался в 2009 г. Как отмечала газета «Калева», 1809 г. был «настолько значимым поворотным моментом в истории Финляндии, что представительные мероприятия по случаю юбилейного года были более чем уместны»[7]. Российская тематика неоднократно звучала в положительном контексте в 2017 г. в столетнюю годовщину обретения финнами независимости[8].

В 1809 г. по Фридрихсгамскому мирному договору Финляндия в качестве автономного Великого княжества Финляндского вошла в состав России. Утверждение Александром I Конституции Финляндии на Боргоском сейме (в г. Порвоо) и сохранение основных законов, имевших шведское происхождение, некоторые историки считают «моментом рождения новой нации» [2]. По мнению О. Юссилы, понятие «Швеция-Финляндия» остаётся «встроенным» во все работы по истории, и для того, чтобы с уверенностью избежать возникающих из-за этого искажений, следовало бы историю Финляндии до 1809 г. сравнивать с историей других периферийных областей Швеции, а уже после 1809 г. переходить к освещению политической истории собственно Финляндии [4].

Оценку российскому фактору в годы автономии дал посол России в Финляндии в 2006-2017 гг. академик РАН А.Ю. Румянцев. По его мнению, именно благодаря широкой автономии, предоставленной Финляндии в составе Российской империи, стало возможным формирование существующих до сих пор структур управления [5], прежде всего, сената (прообраза нынешнего правительства) и сейма (впоследствии - парламента).

Тогда же финский язык был уравнен в правах со шведским, началось бурное развитие национальной культуры, окрепла финская экономика: развивалась промышленность, появились мануфактуры. Автономное княжество получило свою национальную валюту – финскую марку, право полностью использовать налоги для своего внутреннего развития; таможенные сборы также шли в мест-

[7] Kaleva, 06.09.2009.

[8] Valtioneuvosto juhlii Turussa // Yle. Электронный ресурс] URL: Porvoo palaa 200 vuoden takaisiin tunnelmiin (accessed 24.04.1019).

ную казну. Был учреждён Финляндский банк, почтовое ведомство, появилась сеть железнодорожного сообщения. Как отмечает академик П. Томмила, финны не занимались вопросами внешней и оборонной политики, но все остальные дела решались в Финляндии[9].

В.В. Похлёбкин показал, что к началу XX в. Финляндия, формально находившаяся в составе Российской империи, фактически обладала всеми атрибутами и правами государства, состоявшего в личной унии, ибо общим с империей оставались лишь глава государства – российский император и великий князь в Финляндии, а также внешняя политика, при этом с фактическими изъятиями [3]. Отсутствие у Финляндии самостоятельной внешней политики в тот период в связи с пребыванием в составе России и слабым развитием общественно-политических отношений в самой Финляндии породило представление о том, что «внешнеполитический союз с Россией означал будто бы лишение Финляндии внешнеполитической линии вообще и национальной самостоятельной внешней политики в особенности» [3, с. 96]. В связи с этим, отстаивание собственных внешнеполитических действий, национальной внешнеполитической самостоятельности в конце концов оборачивались и перерастали во враждебность по отношению к России. На этом фоне и стали развиваться различные концепции внешней политики Финляндии как во второй половине XIX в., так и значительно позднее.

За годы автономии в составе России Финляндия сформировала структуры, фактически создавшие институциональную основу самостоятельного государства, что в дальнейшем во многом способствовало становлению суверенной страны [5]. Важно отметить, что широкая автономия была выгодна как Финляндии в контексте дальнейшего развития государства, так и России, поскольку среди финнов доминировали настроения политической благонадёжности по отношению к России, что, в свою очередь, позволяло исключить использование финской территории иностранными державами во враждебных России целях.

Финская и российская историография едины во мнении, что в целом период автономии в составе России был благоприятным временем для развития финского общества. Большинство финских исследователей негативно оценивают периоды поздней автономии (1899-1905 и 1909-1917 гг.), называя их русификацией или «годами угнетения». Более того, иногда весь российский период пытаются ассоциировать с русификацией. В последние годы, однако, некоторые финские исследователи дают более сдержанные оценки[10], которые заключаются в том, что политика русификации была обусловлена политическим кризисом

[9] Hurmuri-keisari saapui Porvooseen 200 vuotta sitten // Yle. [Электронный ресурс] URL: https://yle.fi/uutiset/3-5737653 (accessed 24.04.1019).

[10] Независимая Финляндия возникла не на пустом месте – основа для новой государственности создавалась в годы автономии // Yle. [Электронный ресурс] URL: http://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/nezavisimaya_finlyandiya_voznikla_ne_na_pustom_meste__osnova_dlya_novoi_gosudarstvennosti_sozdavalas_v_gody_avtonomii/9436646 (дата обращения: 24.04.2019).

того времени, вызванным совокупностью внутриполитических и внешних факторов.

Российская трактовка состоит в том, что политика России в отношении Финляндии после её вхождения в состав Российской империи диктовалась стремлением обеспечить надёжное прикрытие новой столицы территориями, населёнными лояльно относящимся к России населением, а не желанием российских властей превратить её в обычную провинцию страны и провести «русификацию» финской жизни. Одним из средств обеспечения такой лояльности стала поддержка развития финской национальной культуры и языка, учёт интересов и настроений населения Финляндии, в том числе её шведского сегмента, создание льготного режима в торговле и т.п.

Исходя из того, что широкая автономия в составе России была выгодна как финнам, так и русским, можно заключить, что уже в то время возникли первые предпосылки взаимовыгодного, прагматичного сосуществования двух народов.

Подводя итоги на рассмотренном историческом этапе, отметим положительное воздействие России на развитие Финляндии, причём не как противовес шведскому вектору, а скорее в дополнение к нему. Исторический опыт пребывания в составе Российской империи на правах автономии показывает, что взаимодействие России и Финляндии не противоречит западной идентичности финнов, но обогащает её, оказывает благоприятное влияние как на Россию, так и на Финляндию. Восточный вектор не был навязан Финляндии и не носил исключительно негативный характер. Эта тенденция получила развитие и в дальнейшем [19].

И шведский, и российский факторы существенно повлияли на формирование внешнеполитической стратегии современной Финляндии. Шведский фактор предопределил главным образом скандинавскую/западную идентичность. На более позднем этапе это проявилось в развитии североевропейского сотрудничества, во вступлении Финляндии в ЕС. Как отмечала бывшая долгие годы министром иностранных дел и президентом Финляндии Т. Халонен, «страны Северной Европы относятся к обществу, в значительной мере базирующемуся на ценностной основе, поэтому вполне естественно, что и внешняя политика безопасности базируется на ценностях»[11].

Российский фактор заложил предпосылки прагматичного, взаимовыгодного сосуществования, а в дальнейшем – сотрудничества России и Финляндии. Российский фактор предоставил финнам на международной арене преимущества, которыми располагают далеко не все малые страны. По мнению доктора исторических наук Л.С. Воронкова, дружественные, доверительные отношения с восточным соседом неизменно приносили Финляндии и безопасность, и бла-

[11] Uutiset. 15.01.2009. Presidentti Halosen puhe Ruotsin Ulkopoliittisessa Instituutissa 15.01.2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.finland.se/public/default.aspx?contentid=154427&nodeid=46723&contentlan=1&culture=fi-FI (accessed 24.04.1019).

гополучие, и многочисленные экономические выгоды, повышая её значимость как международного игрока. Исключение возможности использования территории страны во враждебных России целях составляло базовый принцип политики безопасности Финляндии в течение длительного времени[12].

Финляндия как «мост» между Востоком и Западом

В настоящее время споры о роли России и Запада в истории Финляндии приобретают особую актуальность. Масштаб антироссийской риторики в Финляндии бьёт все рекорды. Как отмечает президент Финляндии С. Ниинистё: «Сложно представить, что ещё осталось несказанным. Победа в состязании «кто скажет о России хуже» требует изобретательности»[13]. Подобным образом, культивируя образ России как врага, финской общественности пытаются навязать мнение о том, что в сфере внешней политики и политики безопасности нужно полностью ориентироваться на западную парадигму [24], отказавшись и от политики военного неприсоединения, и от восточного вектора, оказавшихся в современной ситуации якобы неактуальными.

В современной общественно-политическом дискурсе сотрудничество Европы и США часто пытаются увязать с принадлежностью к единой западной общности. Как отмечал в одном из своих выступлений Т. Сойни, важно укреплять понимание общих интересов и общей системы ценностей Евросоюза и США[14]. Профессор университета Тампере Т. Форсберг считает, что именно западная идентичность, или соотношение с определённой референс-группой, важны для финнов при выработке отношения к возможному вступлению в НАТО [12]. Сторонники вступления в Североатлантический Альянс указывают, что принадлежность к НАТО укрепила бы идентичность Финляндии как части Запада.

Не подвергая сомнению западную идентичность, следует помнить и о том, что у Финляндии есть и «нейтральная идентичность». Не целесообразно отбрасывать те существенные преимущества, которые есть у финнов. Финляндия – это не просто «часть Запада», но и страна не только с отрицательным, но и уникальным положительным опытом сосуществования и взаимодействия с «восточным соседом».

Одним из примеров симбиоза шведского и российского факторов стало зарождение в Финляндии политики нейтралитета и отчасти связанная с этим теория «моста», или посредничества нейтральной Финляндии между Скандинавией и Россией, Западом и Востоком.

---

[12] Свободные от военных союзов Швеция и Финляндия и НАТО // Международная жизнь. 17.03.2017. [Электронный ресурс] URL: https://interaffairs.ru/news/show/17125 (дата обращения: 24.04.2019).

[13] Кто скажет о России хуже? // ИНОСМИ.РУ. 13.10.2017. [Электронный ресурс] URL: http://inosmi.ru/social/20171013/240513776.html (дата обращения: 24.04.2019).

[14] Ulkoministeri Timo Soinin puhe Yhdysvaltojen globaalia roolia koskevan raportin julkaisutilaisuudessa // formin.fi. [Электронный ресурс] URL: http://formin.finland.fi/Public/default.aspx?contentid=371509&contentlan=1&culture=f (accessed 24.04.1019).

После польского восстания 1863 г., когда возникла опасность войны между Россией и западноевропейскими странами, финские политические деятели были обеспокоены перспективой вовлечения в войну за российские интересы и превращения Финляндии в театр военных действий. В тот период в финском обществе возникли идеи о нейтральной позиции [1; 3]. Идея провозглашения нейтралитета, пропагандируемая шведоманскими кругами, фактически означала бы разрыв с Россией. Ряд политических деятелей Финляндии того времени, однако, осознавали утопичность и беспочвенность идеи «нейтралитета», которая привела бы к утрате самостоятельного положения Финляндии. Один из известнейших финских идеологов Й. Снельман писал, что только в полной дружбе с Россией Финляндия может жить и создавать предпосылки для своей самостоятельности [3, с. 100].

В.В. Похлёбкин выделял шесть вариантов развития внешнеполитического курса Финляндии в конце XIX в., включая нейтралитет, внешнеполитический союз с Россией или со Швецией. Вариант превращения Финляндии в «мост» между Скандинавией и Россией, Западом и Востоком, заслуживает особого внимания. Некоторые представители финских общественно-политических кругов того времени полагали, что Финляндия способна играть роль нейтрального посредника в отношениях между Россией и Скандинавией, поскольку она имеет много общего и с той, и с другой стороной. Смысл посредничества состоит в стремлении оказывать как на Россию, так и на Запад смягчающее влияние, что позволит избежать открытых столкновений между ними. Это позволит самой Финляндии не быть втянутой в потенциальный вооруженный конфликт.

Со своей стороны, противники идеи «моста» и сторонники идеи «нейтралитета» Финляндии с «европейскими гарантиями» – прозападно настроенные финские общественно-политические круги – активно развивали идею, что у финнов нет общих интересов с русскими и пытались найти предлог для европейского вмешательства во взаимоотношения России и Финляндии. Они рассчитывали на «заступничество» великих европейских держав (прежде всего, Германии и Англии), которые могли бы «отнять» Финляндию у России, создать независимое государство и гарантировать его нейтралитет [3]. Однако широкого распространения эти идеи тогда не получили, как и не оказалось государств, стремившихся выступить в такой роли и располагавших бы для этого достаточными ресурсами.

Идея «моста», подразумевающая посредничество Финляндии между Россией и Западом, неоднократно возникала во внешнеполитической повестке дня страны второй половины XX столетия [3]. Один из успешных примеров её реализации – проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписание Хельсинкского заключительного акта в 1975 г. Как отметил в одном из своих интервью посол России в Финляндии П.М. Кузнецов: «Финляндия, проводящая политику неучастия в военных блоках, традиционно играла видную роль в качестве площадки для крупных международных событий <…>

В финской столице прошёл и саммит ОБСЕ в 1992-м, и ряд встреч между лидерами СССР, а затем России и США. В 1990 г. здесь встречались Михаил Горбачёв и Джордж Буш-старший, в 1997 г. – Борис Ельцин и Билл Клинтон. Так что у Финляндии имеются давние традиции организации важных международных форумов, включая встречи на высшем уровне лидеров России и США»[15].

Идея «моста» остается на повестке дня и в начале XXI в. Именно в Хельсинки состоялся российско-американский саммит 16 июля 2018 г. Многие финские экспертные оценки сходятся в том, что выбор именно Хельсинки для переговоров В.В. Путина и Д. Трампа свидетельствует о высоком доверии к «месту переговоров таких высокопоставленных лидеров»[16]. Саммит стал «важной внешнеполитической победой» для Финляндии, заслуженным признанием её хороших отношений как с Россией, так и с Америкой[17]. Финские СМИ отмечают, что подобное мероприятие вряд ли могло бы состояться в Швеции[18].

Положительно оценили саммит и финские политики. Как написал в своем блоге премьер-министр Финляндии Ю. Сипиля, «саммит в Хельсинки стал, прежде всего, признанием энергичности и чёткости линии финской внешней политики и политики безопасности». По словам Ю. Сипили, «для Финляндии важно, что президенты В.В. Путин и Д. Трамп встретились именно в финской столице»[19]. Депутат парламента М. Савола (Партия «Финляндский центр») подчеркнул: «Организация встречи лидеров Запада и Востока – уже не первый опыт для Финляндии. Стабильная и последовательная внешняя политика – сильная сторона финнов, которой надо придерживаться»[20].

В формировании как самого финляндского государства, так и его внешнеполитической стратегии российское и западное воздействие имели ключевое значение. Влияние России предопределило «восточный вектор» финской политики, Швеции – принадлежность к западной цивилизации и скандинавизм. Их комплексное сочетание создало предпосылки для политики нейтралитета, которая, в свою очередь, способствовала формированию в современных условиях стабильной уникальной линии военного неприсоединения, позволяющей не только эффективно обеспечивать собственные национальные интересы, но и расширить возможности влияния малого североевропейского государства на международные отношения.

Данные закономерности, как представляется, могут быть востребованы для оценки финляндской внешней политики в годы холодной войны, которая до сих пор вызывает много споров. Появляются и дополнительные аргументы в дискуссии о востребованности института нейтралитета в настоящее время.

---

[15] Посол РФ в Финляндии: планируем замену высланного из Хельсинки дипломата. [Электронный ресурс] URL: http://tass.ru/opinions/interviews/5383504 (дата обращения: 24.04.2019).
[16] Kymen Sanomat. 30.06.2018.
[17] Iltalehti. 06.07.2018.
[18] Suomen kuvalehti. 2018. № 29.
[19] Suomi edistää vuoropuhelua sanoin ja teoin. [Электронный ресурс] URL: https://www.juhasi.fi/blogi/suomi-edistaa-vuoropuhelua-sanoin-ja-teoin/ (accessed 24.04.2019).
[20] Iltalehti. 6.7.2018.

Список литературы:

1. Воронков Л.С. «Северное сотрудничество» и особенности североевропейской интеграции. М.: МГИМО-Университет, 2016. 340 с.
2. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь мир, 2008. 256 с.
3. Похлёбкин В.В. СССР-Финляндия. 260 лет отношений 1713-1973. М.: Международные отношения, 1975. 410 с.
4. Юссила О. Великие мифы финляндской истории [перевод с финского]. СПб: Издательство «Европейский дом», 2013. 336 с.
5. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809-1917 [перевод с финского]. Хельсинки: Ruslania books Oy, 2009. 844 с.
6. Aaltola M. Agile Small State Agency: Heuristic Plays and Flexible National Identity Markers in Finnish Foreign Policy // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2011. Vol. 39. No. 2. Pp. 257-276. DOI: 10.1080/00905992.2010.549469
7. Arter D. Finland: From Neutrality to NATO? // European Security. 1996. Vol. 5. No. 4. Pp. 614-632.
8. Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18. No. 4. Pp. 51-78. DOI:10.1162/JCWS_a_00680
9. Blombergs F. (edit.) Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia. Tampere: National Defence University, 2016. 581 p.
10. Bloomberg J. Vakauden kaipuu, kylman sodan loppu ja Suomi. Helsinki: WSOY, 2011. 696 p.
11. Erkka R., Laamanen V. Suomi muuttuvassa maailmassa: Ulkosuhteiden ja kansallisen itseymmärryksen historiaa. Helsinki: Edita, 2010. 452 p. (in Finnish)
12. Forsberg T. Nato-kirja. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY., 2002. 327 p.
13. Forsberg, T., Pesu, M. The "Finlandisation" of Finland: The Ideal Type, the Historical Model, and the Lessons Learnt // Diplomacy & Statecraft. 2016. Vol. 27. No. 3. Pp. 473-495. DOI: 10.1080/09592296.2016.1196069
14. Forsberg, T., Vaahtoranta T. Inside the EU, Outside NATO: Paradoxes of Finland`s and Sweden`s Post-Neutrality // European Security. 2001. Vol. 10. No. 1. Pp. 68-93. DOI: 10.1080/09662830108407483
15. Heikka H. Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective // Cooperation and Conflict. 2015. Vol. 40. No. 1. Pp. 91-119. DOI: 10.1177/0010836705049736
16. Iloniemi J. Maantieteelle emme mahda mitään. Docendo, 2015. 198 p.
17. McNamara E., Nordenman M., Salonius-Pasternak Ch. Nordic-Baltic Security and US Foreign Policy. FIIA Report 87. The Finnish Institute for International Affairs, 2015. 26 p.
18. Mouritsen H. Pohjoinen dilemma // Ulkopolitiikka. 2018. No. 1. Pp. 68-73.
19. Mouritzen H. Small States and Finlandisation in the Age of Trump // Survival. 2017. No. 59:2. Pp. 67-84. DOI: 10.1080/00396338.2017.1302191
20. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO. How Similar are Finland and Sweden within NATO Cooperation? FIIA Report 48. The Finnish Institute for International Affairs, 2016. 136 p.
21. Tarkka J. Karhun kainalossa: Suomen kylmä sota 1947-1990. Helsinki: Otava, 2012. 495 p.
22. Tarkka J. Koskenlaskun lyhyt historia // Puolustusmunusteriönjulkaisuja. 2017. № 2.
23. Vanhanen M. Ulkopolitiikka. Omakustanne, 2016. 116 p.
24. Wahlroos B. Miksi liittyä Natoon? // Ulkopolitiikka. 2017. № 3. Pp.74-77.

Об авторе:

Наталья Юрьевна Вежливцева – советник, Министерство иностранных дел Российской Федерации. 119200 Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

HISTORICAL ROOTS OF FINLAND'S NEUTRALITY AS PART OF NATIONAL IDENTITY

N.Yu. Vezhlivtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-86-100

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The article examines Finland's case within the framework of current discussions on the relevance of neutrality policy. It is widely believed that Finland's neutrality arose during the cold war as a result of a pragmatic assessment of the general world order at that time. The military non-alignment is regarded from this perspective as a rational and necessary policy for a small state in the bipolar world. After the cold war some politicians and researches argued that under the new conditions the policy of military neutrality is not relevant anymore and that belonging to the Western community is the only choice. However, Finland's military non-alignment policy and reliance on self-defense have remained unchanged for almost three decades. Finnish authorities have consistently pursued this line with a strong support of the majority of population. The reasons for that cannot be explained only as a rational political choice of a small state in certain geopolitical realities, the issue is more complex. Some Finnish researchers consider neutrality as part of the Finnish national identity. Using this approach, the author examines the genesis and development of neutrality policy as part of its national identity, which evolved at the junction of East and West. The article examines the influence of Sweden and Russia on the development of Finland's statehood and its foreign policy. Sweden determined the political structures and inculcated Finns with the Scandinavian identity. The role of Russia in the beginning of Finnish statehood was crucial. It formed the subsequent Eastern vector of Finland's foreign policy. The symbiosis of Western (Swedish) and Eastern (Russian) vectors gives Finland additional advantages, allowing a small state to claim the role of a «bridge-builder» between East and West. The author concludes that this complex combination has created the prerequisites for neutrality expressed in the policy of military non-alignment. Neutrality as a part of Finnish national identity has deep historical roots. It was born together with the Finnish statehood and has been staying with it despite all the changes in international environment.

Key words: Russia, Finland, Sweden, foreign policy, good neighborly relations, Northern cooperation, non-alignment, bridge-building.

References

1. Voronkov L.S. *«Severnoe sotrudnichestvo» i osobennosti severoevropejskoj integracii* [«Northern Cooperation» and Features of the North European Integration]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 340 p. (In Russian)
2. Meinander H. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnyye moment* [History of Finland. Lines, Structures, Turning Points]. Moscow: Ves' mir, 2008. 256 p. (In Russian)
3. Pohljobkin V.V. *SSSR-Finljandija. 260 let otnoshenij 1713-1973* [USSR-Finland. 260 Years of Relationships 1713-1973]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 410 p. (In Russian).
4. Jussila O. *Suomen historian suuret myytit.* WSOY, 2007. (In Finnish)
5. Jussila O. *Suomen Suuriruhtinaskunta 1809-1917.* WSOY, 2004. 832 p. (In Finnish)
6. Aaltola M., Agile Small State Agency:

Heuristic Plays and Flexible National Identity Markers in Finnish Foreign Policy. Nationalities Papers. *The Journal of Nationalism and Ethnicity.* 2011, vol. 39, no. 2, pp. 257-276 DOI: 10.1080/00905992.2010.549469.
7. Arter D. Finland: From Neutrality to NATO? *European Security.* 1996, vol. 5, no. 4, pp. 614-632.
8. Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War. *Journal of Cold War Studies,* 2016, vol. 18, no. 4, pp. 51-78. DOI:10.1162/JCWS_a_00680
9. Blombergs F. (edit.) *Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia.* Tampere: National Defence University, 2016. 581 p. (In Finnish).
10. Bloomberg J. *Vakauden kaipuu, kylman sodan loppu ja Suomi.* Helsinki: WSOY 2011. 696 p. (In Finnish).
11. Erkka R., Laamanen V. *Suomi muuttuvassa maailmassa: Ulkosuhteiden ja kansallisen itseymmärryksen historiaa.* Helsinki: Edita, 2010. 452 p. (In Finnish).
12. Forsberg T. *Nato-kirja.* Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY., 2002. 327 p.
13. Forsberg, T., Pesu, M. The "Finlandisation" of Finland: The Ideal Type, the Historical Model, and the Lessons Learnt. *Diplomacy & Statecraft.* 2016, vol. 27, no. 3, pp. 473-495. DOI: 10.1080/09592296.2016.1196069.
14. Forsberg, T., Vaahtoranta T. Inside the EU, Outside NATO: Paradoxes of Finland`s and Sweden`s Post-Neutrality. *European Security.* 2001, vol.10, no.1, pp. 68-93. DOI: 10.1080/09662830108407483
15. Heikka H. Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective. *Cooperation and Conflict.* 2015, vol. 40, no. 1, pp. 91-119. DOI: 10.1177/0010836705049736
16. Iloniemi J. *Maantieteelle emme mahda mitään.* Docendo, 2015. 198 p. (In Finnish)
17. McNamara E., Nordenman M., Salonius-Pasternak Ch. *Nordic-Baltic Security and US Foreign Policy.* FIIA Report 87. The Finnish Institute for International Affairs, 2015. 26 p.
18. Mouritsen H. Pohjoinen dilemma. *Ulkopolitiikka,* 2018, no. 1, pp. 68-73.
19. Mouritzen H. Small States and Finlandisation in the Age of Trump. *Survival,* 2017, vol. 59, no.2, pp. 67-84. DOI: 10.1080/00396338.2017.1302191.
20. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO. *How Similar are Finland and Sweden within NATO Cooperation?* FIIA Report 48. The Finnish Institute for International Affairs, 2016. 136 p.
21. Tarkka J. *Karhun kainalossa: Suomen kylmä sota 1947-1990.* Helsinki: Otava, 2012. 495 p. (In Finnish)
22. Tarkka J. Koskenlaskun lyhyt historia. *Puolustusmunusteriönjulkaisuja.* 2017, no. 2. (In Finnish)
23. Vanhanen M. *Ulkopolitiikka.* Omakustanne, 2016. 116 p. (In Finnish)
24. Wahlroos B. Miksi liittyä Natoon? *Ulkopolitiikka.* 2017, no. 3, pp.74-77. (In Finnish).

About the author:

Natalia Y. Vezhlivtseva – counsellor, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 119200 Moscow, Smolenskaya-Sennaya Sq. 32/34. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 101-135
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ: «ЖЁЛТЫЕ ЖИЛЕТЫ» И ЗАВЕРШЕНИЕ «ПЕРВОЙ ФАЗЫ» ПРАВЛЕНИЯ Э. МАКРОНА

Е.О. Обичкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируются проявления современного социально-политического кризиса во Франции, наиболее ярким из которых стала волна протестов «жёлтых жилетов». Нынешний кризис отчасти является следствием затянувшегося кризиса идентичности на обоих полюсах французской политической жизни, порождённого длительным периодом сравнительно бесконфликтного чередования у власти лево- и правоцентристских партий в условиях относительно благоприятной экономической конъюнктуры, сопутствующей прогрессу общества потребления и обеспечивающей развитие социального государства. Эта модель, которую можно назвать «потребительской демократией», дала сбой с наступлением мирового экономического кризиса. Неолиберальные рецепты его преодоления наталкиваются на стойкое сопротивление «пасынков» современного капитализма, привыкших полагаться на гарантии со стороны «государства-хранителя» (*Etat-Providence*). Небывалая по размаху волна протестов «жёлтых жилетов» представляется производной от специфической ситуации, сложившейся в ходе президентских выборов 2017 г., с начала «эры Макрона», задумавшего структурную перестройку французского общества и экономики. Главной её особенностью стала дискредитация и одновременный крах обеих системообразующих партий, прежде деливших политический Олимп, в момент смены власти. Сторонники Макрона получили абсолютное парламентское большинство, не имея сколько-нибудь симметричной системной оппозиции, способной оппонировать президенту, что обеспечило высокие темпы проведения реформ, но болезненно воспринимается обществом как нарушение обратной связи между избирателями и законодателями. Недовольные, не надеясь быть услышанными, пополнили ряды массового стихийного движения «жёлтых жилетов», толчком к которому стало введение т.н. «экологического» налога. Явление это можно рассматривать в разных плоскостях: привычный социально-политический анализ может быть дополнен сопоставлением из области исторической антропологии, поскольку его стихийный характер позволяет увидеть в нём реинкарнацию антиналоговых восстаний XVII-XVIII вв. С философской точки зрения, помещённое в современный глобальный контекст, оно представляется реакцией аутсайдеров на глубокие общественные трансформации, связанные с пауперизацией средних слоёв, глобализацией, миграционными волнами и цифро-

УДК: 329.71
Поступила в редакцию 10.04.2019 г.
Принята к публикации 20.04.2019 г.

вой революцией. Ответные меры правительства (отзыв закона, послужившего непосредственной причиной протестов, запуск «больших национальных дебатов») привели к относительному спаду активности «жёлтых жилетов», но главная причина снижения активности его участников видится в подготовке к европейским выборам, которые могут стать для протестующих референдумом против президента, вернув гражданскую оппозицию в электоральное русло. «Жёлтым жилетам» вряд ли уготовано политическое будущее, но его опыт, социальный потенциал и методы могут воплотиться в различного рода протестные движения, поскольку не исчерпана его главная повестка дня – гармонизация политики эффективного экономического развития с запросами неблагополучной части общества.

Ключевые слова: Франция, кризис политической модели, стиль управления Эммануэля Макрона, технократия у власти, «жёлтые жилеты», большие национальные дебаты, критика налоговой системы.

Движение «жёлтых жилетов», возникшее в ноябре 2018 г. и по сей день задающее тон массовой, несистемной оппозиции политике президента Э. Макрона, находится сегодня в фокусе общественного внимания. Его характер, социальный состав, тактика и побудительные мотивы не типичны для страны с устоявшимися парламентскими традициями и являются своеобразным вызовом политическому классу, порождая оживлённую дискуссию в обществе и в экспертных кругах. Анализ этого явления вписан в общий контекст развития кризиса французской социально-политической модели, отягощённого социальными последствиями затянувшегося мирового экономического кризиса. Важно также отметить, что кризис модели либеральной демократии во Франции выходит за национальные рамки. С одной стороны, он является отражением кризиса «социального государства» в условиях слабого роста или падения экономики. С другой стороны, он отражает серьёзные изменения в повестке дня внутренней и внешней политики европейских государств, реакцию на новые вызовы и угрозы, связанные с глобализацией, кризисом европейской идентичности, миграционным кризисом и информационной революцией, которые серьёзно изменили не только социальные условия и стиль жизни, но и рамки сложившегося общественного консенсуса, что определяет новые линии раскола между правящей элитой, склоняющейся к неолиберальной политике, и массовым электоратом, который с трудом приспосабливается к связанному с этим курсом сворачиванию социального государства.

Фигура нынешнего президента Франции на этом общем фоне представляет особый интерес. Обстоятельства его прихода к власти нетипичны для электоральных обычаев пятой республики, президенты которой неизменно опирались на одну из системообразующих политических партий, способных возглавить широкое объединение право- или левоцентристского толка и на солидный базовый электорат. Между тем победе Макрона сопутствовал уход с авансцены

политической борьбы двух главных партий (республиканцев и социалистов), лидеры которых сменяли друг друга у власти начиная с 1981 г. На президентских выборах 2017 г. их кандидаты выпали из президентской гонки уже в первом туре, что придало особый драматизм избирательной кампании, поскольку одним из победителей этого тура второй раз в истории пятой республики стала лидер крайне правых, глава Национального фронта Марин Ле Пэн. В этих условиях Э. Макрон, менее чем за год до начала президентской кампании создавший и возглавивший новорождённое движение «прогрессистов» «*En Marche!*» («Вперёд!»)[1], буквально на ходу формируя свою программу, сумел подхватить «осиротевший» центристский электорат и существенную часть депутатского корпуса. Победу Э. Макрона на президентских выборах, таким образом, можно расценить как проявление политического кризиса, пришедшегося на смену власти, и в то же время как оригинальное решение для преодоления его острой фазы, поскольку она позволила «несистемному» кандидату спасти систему. Политический центризм во Франции удержался у власти, в отличие от Италии, Испании или Греции, в которых правые и/или левые популисты добились значительно больших успехов, но французская демократическая модель обрела кардинально новые черты. Прежде всего, это обрушение сложившейся системы партий. Республиканцы и социалисты не просто проиграли выборы и кардинально снизили своё присутствие в Национальном собрании, они и спустя два года не смогли оправиться от поражения и восстановить свой авторитет даже у базового электората, что создало беспрецедентную ситуацию во взаимоотношениях нового президента и законодательного корпуса.

Следует отметить, что изменения эти назревали давно и были предсказаны, в том числе и российскими экспертами, ещё до выборов 2017 г. Так, анализируя развитие политической ситуации в период праймериз в конце 2016 г., Ю.И. Рубинский не исключал перспективы расколов в обеих системообразующих партиях и формирования «новых лево- и правоцентристских блоков с выведением крайних флангов за рамки политического поля» [9, с. 95]. В то же время, непререкаемое преобладание нового пропрезидентского большинства, позволив Э. Макрону реализовать смелый реформаторский курс, нарушило обратную связь между избирателями и законодателями, что стихийно привело к рождению оригинального типа протестного движения «жёлтых жилетов». Притом, что обстоятельства победы, личность и политика президента Макрона нашла достаточно широкое освещение в исследованиях отечественных специалистов [1; 5; 6; 8], феномен «жёлтых жилетов» является в основном темой новостных выпусков и не исследован в научной литературе, и данная статья является попыткой анализа причин и особенностей этого нового явления.

[1] И.М. Бунин [1, с. 87] предложил свой перевод названия этого движения: «В путь!», однако, думается, в свете последующей смены этого названия-призыва на «*La République, en marche!*», его перевод «Вперёд, Республика!» более созвучен идее прогресса, которой руководствуется его лидер президент Э. Макрон.

Анализ текущих общественно-политических процессов, особенно когда речь идёт о стихийном протестном движении, не оформленном политически, предполагает расширение источниковой и историографической базы исследования за пределы «кабинетной» науки, требует обращения к информационному полю, поскольку следить за развитием ситуации приходится по текущей информации СМИ, прежде всего, по телевизионным информационным каналам, видеокадрам репортажей с места событий, интервью с их безымянными участниками. Преимуществом для исследователя является возможность сопоставить данные источников и суждения экспертов с собственными «полевыми» наблюдениями, быть свидетелем и зрителем происходящего, синтезируя текущие впечатления и размышления аналитика, отслеживающего трансформации французской политики и общества в течение трёх последних десятилетий.

Фаза реформ на фоне кризиса политической модели: особенности французской политики в новом президентском цикле

С начала очередного политического цикла во Франции, измеряемого пятилетним сроком правления президента, прошло менее половины, и его результатом стало стремительное падение рейтинга Э. Макрона с первоначальных 62% до 23%[2]. В пятой республике первая фаза президентства всегда является периодом активного реформирования, когда новый хозяин Елисейского дворца занимается выполнением предвыборных обещаний, чтобы затем, с поправкой на общественный резонанс и экономическую конъюнктуру, скорректировать, а иногда и поменять свой курс и прийти к следующим выборам с положительным результатом. Парадоксальным является тот факт, что французские граждане разочарованы правлением президента, который самым энергичным образом взялся за преобразования, намеченные в его предвыборной программе, и значительно преуспел в её выполнении. По заявлениям Елисейского дворца, за это время из 138 пунктов преобразований, намеченных в предвыборной программе, 53 уже реализованы, 73 находятся в стадии реализации, а 12 остаётся выполнить[3] [14, p. 29]. Если первые шаги Макрона свидетельствовали в пользу того, что решительные технократические реформы, при всей их непопулярности, в перспективе служат восстановлению экономического роста, то дальнейшее движение по избранному пути, видимо, перешло за рамки приемлемого для самых широких слоёв. Главным объяснением этого парадокса является то обстоятельство, что, несмотря на внушительную поддержку избирателей, Макрон одержал победу не потому, что его программа соответствовала интересам громадного большинства французов, а в силу сложения ряда обстоятельств,

[2] BFMTV. 29.01.19.
[3] Lhaik C. Pourquoi il ne changera pas // L'Express. 23.01.2019. P. 29.

прежде всего, коррупционного скандала, скомпрометировавшего лидера президентской гонки, республиканца Ф. Фийона[4].

Не последнюю роль в нарастающем кризисе системы партий сыграла и новая для Франции практика расширенных праймериз, скопированная с американской системы и направленная на раннюю политическую мобилизацию и расширение электората за счёт сочувствующих, но приведшая к обратному результату. Мобилизация состоялась, но она нарушила дух обеих центристских партий – объединений, основанных на широком консенсусе не только внутри двух лагерей избирателей, но и между ними – в главных общенациональных вопросах. Праймериз 2016-2017 гг. отстранили кандидатов, способных синтезировать интересы базового электората каждой из партий. В обоих лагерях победили сторонники внятной идентичности, затушёванной долгими годами правления: неолибералы из правого центра «Республиканцы» выдвинули поборника социального консерватизма Ф. Фийона, а реформисты из левоцентристской социалистической партии – Б. Амона, предложившего явно идеалистический проект леворадикального толка.

Между тем фигура президента в политической системе пятой республики является олицетворением консенсуса – арбитром, способным примирить социальные конфликты. Именно результаты праймериз у социал-демократов (выдвижение Б. Амона) помешали перемещению неопределившихся избирателей центра от « Республиканцев» к ФСП (второй партии власти), помешав ей воспользоваться редким шансом – обрушением репутации лидера президентской гонки – Ф. Фийона. Макрон подхватил «осиротевший» центристский электорат из обоих лагерей, выдвинув требование моральной политики. В результате ко второму туру его соперницей стала Марин Ле Пэн – лидер крайне правого Национального фронта, а потому априорно непроходной кандидат.

При кажущейся случайности такого политического расклада, он стал одновременно и порождением, и демонстрацией глубокого системного кризиса, поразившего французскую социально-политическую модель в целом. И в череде его проявлений макронизм, возможно, является временным, переходным решением, предложенным технократическим истеблишментом и устроившим многочисленных центристов – сторонников стабильности. Э. Макрон провозгласил себя «ни правым, ни левым», кандидатом всех прогрессистов – поборников позитивных перемен, нацеленных в будущее. Но образ успешного реформатора был опрокинут в последней декаде ноября 2018 г., когда очередные априорно непопулярные меры – введение так называемого «экологического» сбора с продажи горючего и ужесточение требований техосмотра – вызвали мощные протестные выступления, начавшиеся с обсуждения и призывов в социальных сетях и вылившиеся в рождение оригинального гражданского движения. Его самоназвание и символ – «жёлтые жилеты» – обязательный атрибут автомобилиста.

[4] Анализ поведения избирателей на выборах 2017 г. см.: [7, с. 31-34.]

Общенациональный и первоначально стихийный характер движения, широкий размах и радикализм действий стали достаточно внятным негативным ответом как духу и содержанию, так и методам управления, предложенным Макроном.

Кризис многослоен и не исчерпывается социально-политическим конфликтом правительства и протестующих. В социальном плане его глубинной причиной является несоответствие антикризисной политики Макрона, призванной перезапустить экономический рост, исправив несовершенства и падающую эффективность французской социально-экономической модели, общему состоянию общества, отмеченного глубоким внутренним расколом. Ожидание необходимых реформ наталкивается на приверженность социальному государству, особенно востребованному в эпоху экономических потрясений. А.К. Кудрявцев справедливо заметил в этой связи, что «в отличие от экспертных кругов, во французском обществе в целом, по-видимому, не укоренилось представление о безальтернативности глубоких перемен» [4, с. 19].

В политическом плане, причины следует искать как в особых обстоятельствах прихода Макрона к власти, так и в ряде новых черт французской политической жизни, проявившихся в его правление. И те, и другие являются результатом социально-политических трансформаций нескольких последних десятилетий [4, с. 72]. К первым следует отнести саморазрушение сложившейся в стране в последние четыре десятилетия политической модели, которая, волей руководителей страны, направлялась в сторону англо-саксонской двухпартийности (по-французски – *alternance*), предполагающей общенациональный консенсус, а значит – сильный и стабильный пул избирателей-центристов. В основе разрушительного кризиса партий лежат глубокие общественные трансформации последних десятилетий, породившие настоящий кризис идентичности главных политических сил и, в более общем плане, французской социально-политической модели «государства-хранителя» (*Etat-Providence*). Со времени избирательной кампании 1995 г., в которой победил правоцентрист, неоголлист Ж. Ширак, не только левые, но и правые во Франции нацелены на активное использование инструментов социального государства для преодоления общественного раскола. В свою очередь, левые (ФСП), заняв Елисейский дворец, превратились в управляющих рыночной экономикой, теряя идентичность партии, защищающей интересы трудящихся перед лицом капиталистического государства [3, с.142].

Новые вызовы носят структурный характер, они приобрели европейское и глобальное измерение, и для их отражения недостаточно простой актуализации партийных установок или смены названия (как это неоднократно происходило с правоцентристами-республиканцами)[5]. Попытка мобилизовать и расширить

[5] Голлистское Объединение французского народа (RPF), сменив несколько названий, в 2002 г. переименовано и реорганизовано в «Союз президентского большинства», а сразу после победы его лидера Ж. Ширака на выборах – в «Союз народного большинства», сохранив аббревиатуру UMP (фр.). Незадолго до выборов 2017 г. Н. Саркози переименовал свою партию, назвав её на американский манер «Республиканцы» («Les Républicains » – LR).

базовый электорат к выборам 2017 г. путём вовлечения массы сочувствующих в процесс определения партийного кандидата в президенты (праймериз, по-американски) для обеих партий обернулась катастрофой. С введением праймериз и у «Республиканцев», и у социалистов кардинальное решение о кандидатуре претендента на президентский пост, к которому прежде были допущены опытные профессионалы – партократы, способные тщательно взвесить шансы кандидатов, стало результатом мало предсказуемой игры. Он больше зависел от эмоций и настроений активного, большей частью протестного электората, чем от рационального выбора. Второстепенные, хотя и злободневные проблемы, вроде споров вокруг гомосексуальных браков, во многом определили исход праймериз у «Республиканцев», позволив Ф. Фийону сплотить вокруг себя массовый консервативный электорат, главным образом, голлистов из католических кругов. Однако в разгар избирательной кампании эти вопросы были оттеснены на второй план «пенелопгейтом» – коррупционным скандалом вокруг фиктивных трудовых контрактов его жены Пенелопы Фийон, а также их детей. Разоблачения обрушили шансы главного кандидата в президенты от умеренного правого лагеря.

Схожее отклонение от основной повестки дня произошло в результате праймериз у социалистов (ФСП+). Радикальный утопизм программы победителя – представителя левого крыла партии Б. Амона расходился с настроем умеренного базового электората партии, не говоря уже о партийном руководстве, которое возложило на кандидата главную вину за катастрофическое поражение на выборах, на которых претендент от одной из двух ведущих партий Франции набрал всего 6,8% голосов.

Вторая группа причин – новые факторы политической жизни – являются частными проявлениями этого кризиса партийной системы, и на них хочется остановиться особо. Если первоначально макронизм можно было считать, прежде всего, успешным электоральным продуктом, своего рода «*start up*» политического маркетинга, то сегодня очевидно, что формула его успеха не является случайным результатом цепи благоприятно сложившихся обстоятельств. Макрон был необычным кандидатом и стал необычным президентом. Он является новым, молодым для своего поста, но вовсе не случайным человеком в национальной политике, обладая и внешней презентабельностью, и опытом управления на общенациональном и международном уровнях. В нём соединились интеллект, энергетика, личная романтическая история (женитьба на своей школьной учительнице), принадлежность к управленческой элите (экономика — банки – высшая администрация). Электоральный проект Макрона был востребован, пусть за неимением лучшего (главный мотив голосования за него во втором туре), но в момент, когда обнаружилось, что предложения, которые десятилетиями вырабатывали две ведущие политические партии страны, не отвечают общественным запросам. В свете драматических коллизий избирательной кампании 2017 г. его «электоральный продукт» был адресован

широкому спектру избирателей-потребителей – от правого до левого центра. В предыдущие несколько десятилетий (после 1981 г., когда социалист Ф. Миттеран впервые занял Елисейский дворец) повторяющаяся смена у власти левых и правых, которые устало лавировали в узких рамках неизбежного выбора между экономической эффективностью либерализма и социальным государством, породила явление, названное «электоральным рынком»[6], в условиях которого избиратель ведёт себя уже не как убеждённый член определённой социально-политической группы, а подобно покупателю, который всякий раз выбирает из гаммы однотипного товара тот, который больше подходит ему в данных обстоятельствах и подан в понравившейся упаковке. Можно сказать, что в обществе потребления была отлажена модель «потребительской демократии». На фоне драматических коллизий выборов 2017 г. следующим шагом избирателей стал выбор в пользу нового электорального продукта Э. Макрона, который предложил объединительный «прогрессизм» и серьёзное обновление политического персонала республики взамен двум стёршимся, а потому казавшимся ложными идентичностям. Его предвыборная книга-манифест называлась «Революция», и он действительно больше подходит под определение президента-революционера, нежели президентов-оппортунистов, которые наследовали де Голлю.

Таким образом, победа Макрона на выборах, так же как и избранный им метод правления явились одновременно и показателями глубокого партийно-политического кризиса, и способом преодоления этого кризиса, феноменальным для французской политической системы. Без преувеличения его можно расценивать как кризис представительной демократии – одной из основных характеристик и способов существования французской политической модели и любой либеральной демократии. Результаты парламентских выборов 2017 г., которые определили нынешний состав Национального собрания, были двойственными. На первый взгляд, они благоприятствуют президенту, поскольку он заручился поддержкой убедительного правящего большинства, основу которого составляют депутаты из списка созданного им движения «Вперёд, Республика!» (*La République en Marche – LRM*). С другой стороны, природа и мотивация его электоральной базы изначально вызывали сомнения в прочности поддержки того курса, который намерен проводить Макрон, поскольку она далека от модели «ядерного электората», интересы которого лежат в основе политики нынешнего президента. Они, скорее, не соответствуют заявленной Макроном программе. Об этом свидетельствует анализ итогов парламентских выборов 2017 г. В подавляющем большинстве округов, где одержал победу на президентских выборах Меланшон, представители макронистов опередили кандидатов от его движения «Непокорённая Франция» (*LFI – La France Insoumise*). Из 67-ти округов

[6] Термин «электоральный рынок» для характеристики поведения избирателей в отсутствие внятной идейно-социальной идентичности главных партий французской политической системы был предложен ещё в конце 1990-х гг. : [11, p. 221]. Термин «потребительская демократия» или «демократия потребления» является оригинальным и предложен автором данной статьи.

в 53-х победили макронисты, в четырёх – сторонники Меланшона[7], из чего следует, что ни победа Макрона на президентских, ни победа его движения «Вперёд, Республика!» на парламентских выборах 2017 г. в текущем электоральном цикле не отражают адекватных интересов избирателей, но являются, скорее, отражением их разочарования в сложившейся политической элите. Макрон стал ко второму туру кандидатом за неимением лучшего. В то же время, именно это обстоятельство дало ему серьёзное преимущество перед любым из предшествующих президентов, начинавших свой срок с выполнения предвыборных обещаний, адресованных базовому электорату. Э. Макрон такими обещаниями не связан и выполняет программу, не навязанную избирателями, а разработанную собственной командой. Однако, это начальное преимущество, освобождающее Макрона от необходимости популистского следования за электоратом, является камнем преткновения в реализации его программы. Прогрессизм – идея, предложенная им обществу, но реализуемая чередой, пусть назревших, но непопулярных реформ, не может найти массовой гражданской поддержки, поскольку экономическая эффективность для правящей команды имеет явный приоритет перед интересами затронутых ими социальных групп.

Пусть первые шаги Э. Макрона, связанные с реализацией его лозунга «моральной политики» и нацеленные на очищение политического класса от кумовства и коррупции и действительно серьёзно обновившие депутатский корпус были хорошо встречены обществом, но эти успехи не могут преломить последствий крайне непопулярной социальной и фискальной политики. Результатом стало падение рейтинга президента, что, казалось бы, давало неплохие шансы оппозиции, в первую очередь, критикам слева.

Однако проблема состоит в том, что политический пейзаж страны претерпел после выборов кардинальные изменения. Во Франции сложилась уникальная ситуация: в демократической стране сегодня нет влиятельной политической оппозиции – общенациональной силы, способной предоставить внятную альтернативу правительственному курсу. Затянувшийся экономический кризис и связанная с ним неблагоприятная конъюнктура, казалось, увеличивают шансы радикальных правых и левых объединений, за которыми идёт протестный электорат. Однако сторонники ультраправого Национального фронта были разобщены и разочарованы провалом своего лидера Марин Ле Пэн во втором туре президентских выборов 2017 г. Набрав в первом туре 21,3% голосов, она всего на 2,8% отстала от Э. Макрона (24,1%), но вдвое уступила ему во втором туре (33,94% против 66,01%). Поражение больно ударило по партии и по авторитету лидера, расколов руководство и ядерный электорат. В настоящий момент М. Ле Пэн находится в поисках новой идентичности и расширенной социальной базы. Она нацелена на завоевание «осиротевших» голлистов, отказываясь от имиджа «ультра». Смена воинственного названия партии «Национальный

[7] Résultats des législatives 2017 : les candidats de La République en marche en tête du 1-er tour. *Le Monde*. 12.06.17

фронт» (*Front National – FN*) на «Национальное объединение» (*Rassemblement national – RN*) вызывает прямые ассоциации с основанным Ш. де Голлем в 1947 г. «Объединением французского народа» (*RPF – Rassemblement du peuple français*). Ещё до выборов Ле Пэн активно апеллировала к идеям де Голля, притом что её право наследования идей основателя пятой республики более чем сомнительно: она вышла из политической семьи, восходящей к П. Пужаду – ярому противнику де Голля.

На крайнем левом фланге у Э. Макрона, как казалось после выборов, появился серьёзный оппонент с большим электоральным потенциалом – Ж.-Л. Меланшон. Феномен Меланшона – небывалый электоральный успех создателя леворадикального движения «Непокорённая Франция» (*La France Insoumise – LFI*) на фоне распада двух прежних системообразующих партий левого фланга – социалистической (ФСП) и коммунистической (ФКП) также является беспрецедентным явлением французской политической жизни, по крайней мере, в столетней перспективе. В начале президентства Э. Макрона он находился на пике политического успеха. Он аккумулировал недовольство базового электората леворадикального лагеря и набрал в первом туре беспрецедентное для «леваков» число голосов – 19,6%, в то время как главный кандидат левых (ФСП+) Б. Амон набрал всего 6,8%. Меланшон занял и расширил нишу, которую до него, со второй половины 1970-х гг., т.е. на протяжении почти 50 лет занимали коммунисты – младшие, но главные партнёры широкой левой коалиции во главе с ФСП. Последствия экономического кризиса: падение уровня жизни и покупательной способности широких средних слоёв, длительное, на протяжении последних 10 лет, сохранение высокого уровня безработицы (около 10%)[8] могли бы сделать этого критика современного капитализма и его «Непокорённую Францию» центром притяжения всех пасынков рыночной глобализации. Однако, в отличие от коммунистов, её лидер не склонен к созданию широкой коалиции с левоцентристами, опасаясь разделить судьбу ФКП, которая в 1972 г. пошла на заключение предвыборного союза левых сил с ФСП Ф. Миттерана, что позволило этому непревзойдённому политику на долгие годы перетянуть на свою сторону гораздо более многочисленный в те годы коммунистический электорат. Парадоксальным образом, непримиримость и сектантство Меланшона в особой обстановке выборов 2017 г. дали неожиданно хороший результат: обстоятельства способствовали обострённому стремлению протестного электората к обретению внятной идентичности. Характерные для «Непокорённой Франции» антикапитализм, антиглобализм, неприятие единой «Европы монополий» воскрешали классическую парадигму классового противостояния мира труда и мира капитала. Но электоральные рамки такого проекта в современной Франции весьма ограничены, и партия Меланшона в настоящих условиях не может составить сколько-нибудь симметричной президентскому

[8] На начало 2019 г. во Франции зарегистрировано 3 676 000 безработных, т.е. 9% населения. BFMTV. 25.01.19.

большинству парламентской оппозиции, способной блокировать или серьёзно корректировать политику Э. Макрона.

Такой оппозиции в настоящий момент не существует, и это является одной из уникальных черт французской политики в текущем электоральном цикле. Обе прежние системообразующие партии пятой республики переживают затянувшийся кризис, от которого они не смогли оправиться и через два года после выборов. И ФСП (социалисты – левый центр) и «Республиканцы» (правый центр) практически разрушены и оказались вне властного поля, хотя и сохранили места в парламенте. Между тем их чередование у власти в условиях общественного консенсуса по главным вопросам национальной повестки дня было основой политической стабильности на протяжении последних сорока лет, от Ф. Миттерана к Ж. Шираку и от Н. Саркози к Ф. Олланду, за каждым из которых стояли: массовый («ядерный») электорат и мощный партийный аппарат. Э. Макрон и созданное им движение «Вперёд!» (переименованное после его победы в «Республика, вперёд!») изначально были лишены и того, и другого, но именно макронисты сегодня являются правящей силой.

Во Франции остались голлистские настроения, но нет авторитетного лидера-голлиста. Если бывший президент Н. Саркози активно привлекается Э. Макроном для консультаций, другой видный неоголлист и бывший премьер-министр А. Жюппе, сосредоточил свои усилия на решении проблем г. Бордо, мэром которого является долгие годы. Председателя партии «Республиканцев» (*Les Républicains – LR*) Л. Вокье трудно назвать непререкаемым лидером, политической фигурой, способной актуализировать партийные установки и на равных конкурировать с Э. Макроном. К ближайшим выборам в Европарламент партия пока не предложила никаких новых идей, сохранив повестку дня двухлетней давности. Её предвыборный список поручено возглавить последователю линии Ф. Фийона – молодому консерватору, защитнику «традиционных ценностей» Ф.-К. Белами (*Bellamy*). Между тем центр общественного интереса кардинальным образом сместился, и предложенная им повестка дня не очень востребована. Кроме того, внутри депутатского корпуса «Республиканцев» сильна линия, нацеленная на конструктивное сотрудничество с Макроном, который проводит близкую им неолиберальную бюджетную политику. Согласно опросам общественного мнения, рейтинг партии за три месяца до выборов в Европарламент составлял всего 12%, что почти вдвое меньше 20%, завоёванных Фийоном в первом туре президентских выборов 2017 г.[9].

В стране явно наметилась поляризация и радикализация, полевение электората, обострилось чувство социальной несправедливости. Это – следствие непопулярных реформ Макрона, направленных на сжатие социального государства, но авторитет системной левой партии – ФСП разрушен, прежде всего, последними годами правления их лидера Ф. Олланда, обратившегося к неоли-

[9] BFMTV. 03.02.19

беральным рецептам. Таким образом, состояние политического класса и состояние оппозиции не отвечают социальному запросу, ставя под вопрос систему представительной демократии. Не надеясь транслировать свои претензии к власти через парламентскую дискуссию, недовольные вышли на улицы.

Технократическое реформирование и угроза разрыва с избирателями

Выпадение из парламентской и общественной дискуссии действенной оппозиции только первое время казалось благоприятным для правительственного курса. Открытым остаётся вопрос, насколько макронизм как политическое явление и способ управления является конструктивным решением, указывающим выход из кризиса французской модели. Появление кандидата, отказавшегося принять идентичность в привычной парадигме соперничества правых и левых и предлагающего взамен объединиться всем «прогрессистам», могло быть расценено как спасение либерально-демократической модели, поскольку главным оппонентом всех голосовавших за Макрона был ксенофобский и националистический Национальный фронт. Э. Макрон изначально не имел ни массовой опоры в лице «ядерного» электората, ни близких по уровню опытных политических сторонников и, на первый взгляд, перенёс в Елисейский дворец управленческий стиль эффективного менеджера высшего звена, принимающего кардинальные решения в тесном окружении верной команды. Его принято называть технократом, хотя бы уже потому, что его образование (ЭНА – *ENA – Ecole nationale de l'Administration*) и послужной список определяют принадлежность к корпусу финансистов-администраторов, управленцев высшего звена, привыкших руководствоваться критериями административной и экономической эффективности. Между тем, сам он стремится преодолеть этот стереотип, подчёркивая философскую основу своего метода исполнения власти – образ президента – Юпитера. Эта, философская, черта нового президента многое говорит об истоках его идеи управления, но пока мало убеждает общественное мнение, возможно потому, что слишком стремительным было его восхождение к вершине власти, отчего ни экспертное сообщество, ни общество не успели к нему приглядеться. В то же время, она заинтересовала И.М. Бунина – автора первой в отечественной политологии, к большому сожалению, вышедшей уже после его безвременной кончины, монографии, посвящённой Э. Макрону. Бунин видел сходство Макрона с де Голлем, поскольку нынешний президент, так же как основатель пятой республики, «верит в вертикальную систему управления» [1, с. 148]. Далее следует: «Макрон доверяет не столько системе сдержек и противовесов, которые должны обеспечить демократический порядок, сколько воле государства и персонифицированной ею личности» [1, с. 149]. Вдохновителем Э. Макрона, является современный философ П. Рикёр, сотрудником которого он работал в юности, и Бунин обратил внимание на то, что нынешний президент вслед за Рикёром высказывается против технократических подходов,

считая важным «повысить значимость политической идеологии, которая дала бы возможность действовать». Бунин отметил: «главное, что заимствовал Макрон у Рикёра, – это отношение к власти», цитируя фразу философа: «Опираясь на власть, человек творит историю» [1, с. 151]. Думается, последнее скорее пока отличает Макрона от де Голля, для которого важно было, прежде всего, убедить французов в правильности избранного им курса. Руководствуясь философскими идеями А. Бергсона об интуитивном характере действий успешного лидера, при всём своём волюнтаризме Ш. де Голль считал обязательным условием своего правления совпадение действий главы государства с общественным запросом, полагая, что диссонанс между властью и обществом способен заблокировать позитивные перемены. Неоднократно в своей политической карьере он поверял свои действия общенациональным референдумом, ставя победу предложенного им решения обязательным условием пребывания у власти. Открытым остаётся вопрос, насколько гармонично и убедительно Э. Макрону удастся синтезировать две стороны своего правления: явную технократическую природу своего окружения и образа действий и внутреннюю философскую связность политического замысла, на которую он претендует.

Анализ результатов первого года правления Э. Макрона дал основания утверждать, что во Франции произошла «реставрация государственного строя через его частичное обновление, дальнейшая “президенциализация режима”» [9, с.10]. Следует согласиться с автором высказывания Ю.И. Рубинским, что сложившаяся после выборов 2017 г. ситуация отсылает к замыслу и первым годам существования пятой республики, когда авторитет её основателя Ш. де Голля, за которым безоговорочно следовало правящее парламентское большинство (Союз за новую республику – *UNR*), позволил президенту поставить под свой контроль законодательную деятельность Национального собрания. В то же время правление Макрона имеет особый характер, принципиально отличающий его и от харизматичного «спасителя Франции» Ш. де Голля, и от политиков-партократов, занимавших президентское кресло в недавнем прошлом. В политику нынешний президент пришёл из мира финансов, и способ управления Макрона, как и следовало ожидать от президента-технократа, соответствует его личному стилю. Но что управление страной кардинально расходится с привычной для него практикой руководства банком, предприятием и даже – на национальном уровне – министерством. Там господствуют вертикальные связи, и не так востребован диалог между высшим начальством и исполнителями внизу. Однако добиться доверия общества к своим реформам – это не то же, что отдать поручения сотрудникам. Макрон недаром заявил в одном из своих интервью в январе 2019 г., что последние 20 месяцев на посту президента его многому научили[10]. Между тем он по-прежнему опирается на тесный круг молодых технократов, и вот уже политические журналисты противопоставляют Макрона-политика

[10] BFMTV. 30.01.2019

его технократическому окружению, задаваясь вопросом: «Кто же главный?»[11]. Задолго до «жёлтых жилетов» среди министров и депутатов правящего большинства было принято во всех бедах винить этих «технократов», далёких от реальной жизни и одержимых бюджетной дисциплиной. Два наиболее заметных и подходящих под это определение – Алексис Колер, генеральный секретарь Елисейского дворца – шеф президентской администрации и Бенуа Рибадо-Дюма – директор кабинета премьер-министра. Среда, которая наиболее близка президенту – чиновники Министерства экономики и финансов, расположенного на набережной Берси, настолько идентичны этому определению, что название набережной стало нарицательным («люди из Берси»). Макрон – бывший руководитель этого министерства, в самом деле – один из подобных технократов. Его программа исходит из идей, которые всегда защищала его корпорация: уважение к европейским бюджетным правилам (маастрихтским критериям), сдерживание роста государственных расходов, повышение инвестиционного рейтинга страны. Главным приоритетом является для правящей команды критерий экономической эффективности. Разрабатывая проект бюджета, на набережной Берси принято намеренно сгущать краски, завышая ожидаемый дефицит в случае продолжения прежней «расточительности», чтобы оправдать меры экономии, прежде всего, на социальных расходах, но не только: под нож попадают и расходы на оборону, и на содержание полиции. Было бы наивно ожидать от технократов сочувствия к тем, кто еле сводит концы с концами, получая минимальную зарплату (их во Франции называют «смикар»), т.е получающие СМИК (*SMIC*)[12]. Имея блестящие дипломы лучших учебных заведений, с самого начала своей карьеры они зарабатывали почти в 10 раз больше: средняя начальная зарплата этих «золотых мальчиков» составляет 10 тыс. евро. Министры и их ближайшее окружение также в большинстве своём принадлежат слою крупных бюрократов: выходцы из привилегированных вузов, прошедшие через Национальную школу администрации (ЭНА – *ENA* – фр.), чтобы занять высокие и хорошо оплачиваемые посты в высшей администрации или банках. Диалог с обществом – не их конёк. Этот тип социального восхождения сильно отличает команду Макрона от прежнего политического корпуса, члены которого были видными представителями правящих партий, имевшими за плечами долгое политическое восхождение, которым они обязаны своим избирателям – от муниципального советника до депутата и министра, и прочная обратная связь с электоратом для них являлась гарантией политического долголетия.

Социальная ограниченность технократов из ЭНА, их оторванность от реальной жизни, является предметом множества анекдотов, но она нарушает эффективность власти, если технократы меняют амплуа, превращаясь из высоко-

[11] Вопрос вынесен на обложку номера: [12, p. 29].

[12] *SMIC – Salaire minimum interprofessionnel de croissance* – гарантированный индексированный (с поправкой на инфляцию) минимум заработной платы. Введён во Франции с 1970 г.

классных экспертов-исполнителей в руководителей страны. Это несоответствие не замедлило сказаться, явившись одним из последствий реформ Макрона. Президент осуществил обещанную административную реформу, резко сократив бюрократию. В частности, каждому из министров требовалось ограничиться составом кабинета, не превышающим 10 человек. В первую очередь, люди Макрона пожертвовали, как и следовало ожидать, не профильными специалистами-профессионалами, а пресс-секретарями и политическими советниками. Между тем последние призваны просчитывать социальные и репутационные последствия предлагаемых реформ.

При новом президенте внутренняя мотивация правящей команды в корне расходится с интересами массы избирателей. Несмотря на то, что в 2017 г. благодаря непредвиденному экономическому росту Франция добилась снижения дефицита до 2,6% ВВП вместо допустимых 3%, правительство продолжает генерировать меры строгой экономии, больно сказывающиеся на повседневной жизни нижней категории среднего класса. Так, в 2018 г. была проведена крайне непопулярная мера, принесшая казне несколько сотен млн. евро, но стоившая Макрону падения рейтинга среди молодёжи. В целях экономии социальных фондов были снижены на 5 евро в месяц жилищные субсидии в помощь малоимущим студентам, вынужденным считать каждый сантим [12, p. 31]. Череда правительственных мер, направленных на снижение финансового дефицита, способствовала неуклонному росту общественного недовольства. В большинстве своём они особенно болезненно ощущались нижней категорией налогоплательщиков, для которой любое повышение налогового бремени означает качественное снижение уровня жизни, отказ от её маленьких радостей, столь ценимых французами. Именно этот разнородный слой людей со скромными доходами составил социальную базу «жёлтых жилетов».

Массовому избирателю трудно увидеть свои интересы в технократических рецептах Макрона. Но пропрезидентское движение является центром правящей коалиции, поддержанной и правоцентристским Демократическим движением (МоДем) Ф. Байру, и экологистами, к которым добавились «перебежчики» – министры и депутаты – из обеих бывших партий власти, как социалистов, так и «Республиканцев». В первом составе правительства Э. Филиппа, который обязан собственной политической карьерой партии «Республиканцев», во главе ключевых министерств (внутренних дел и экологического и солидарного развития) стояли видные представители левых – социалист Жерар Колон (*Gérard Collomb*), экологист Н. Уло (*Nicolas Hulot*), а Брюно Ле Мэр, который был одним из кандидатов на праймериз «Республиканцев», возглавил Министерство финансов. Правительство и абсолютное парламентское большинство (54% депутатов) обеспечивают высокую скорость принятия и реализации законов. К этому преимуществу добавляется эффект от особой законодательной практики Макрона, который предпочитает проводить кардинальные реформы президентскими декретами, что избавляет президента и правительство

от тормозящей и сковывающей процедуры парламентских обсуждений и обеспечивает скорость проведения реформ – непопулярных, но воспринимаемых правящим классом как необходимые.

В то же время, в отсутствие влиятельных оппонентов в законодательных институтах, президент оказался вне системы сдержек и противовесов, обеспечивающей демократическое обсуждение избранного курса, которое одно способно нарушить одиночество власти, заблаговременно указав ей на приемлемые для общества пределы преобразований. Результатом стало рождение социального протестного движения, уже вошедшего в историю под именем «жёлтых жилетов».

«Жёлтые жилеты» – новейшая реинкарнация антифискальных восстаний нижнего слоя налогоплательщиков

Главный побудительный мотив выступлений «жёлтых жилетов» – неприятие несправедливой налоговой системы, в особенности той тенденции, которая ясно обозначилась в правление Макрона. Во-первых, это сведение бюджета за счёт повышения косвенных налогов (ежедневно уходящих из карманов потребителей). Во-вторых, это бережное, щадящее отношение к имущим предпринимательским категориям для повышения инвестиционной привлекательности страны и экономического роста. В-третьих, это сужение путей перераспределения общественного богатства в пользу нуждающихся. Две основных претензии участников движения к фиску – несправедливое налогообложение и ещё более несправедливое перераспределение собранных налогов. Налоговое бремя во Франции самое тяжёлое во всём Европейском союзе. Обязательные налоговые вычеты достигают 46,2%. Между тем в последние годы количество налогооблагаемых субъектов неуклонно снижалось, главным образом, благодаря различным «фискальным нишам», из-за чего подоходный налог (*IR*) сегодня приносит вдвое меньше, чем НДС (*TVA*) [15, p. 10]. Зато крайне обременительным является вышеупомянутый всеобщий социальный налог (*CSG*), введённый для финансирования социальных фондов в 1991 г., при Ф. Миттеране. Поступления от него на 60% превышают суммы от взимания подоходного налога. Он вызывает особые нарекания, поскольку, в отличие от налога с доходов, который платят по прогрессивной шкале, отчего богатые платят больше (до 45%), социальный налог составляет фиксированные 10% от заработка. Низкооплачиваемые работники считают несправедливым уравнительный принцип социального налога, поскольку эти 10% при их скудном бюджете ощущаются болезненнее, чем теми, кто зарабатывает более миллиона евро в год. Львиную долю налоговых поступлений во французский бюджет дают отчисления, поступающие от рядовых налогоплательщиков со скромным достатком, в том числе, косвенные налоги. Последние предпочли бы заставить богатых платить больше, согласно прогрессивной шкале, которая представляется более справедливой с социальной точки

зрения. 75% французов недовольны отменой введённого Ф. Олландом 75% налога на крупные доходы[13].

При Э. Макроне в фискальную систему был внесён ряд изменений, спровоцировавших общественное недовольство. Выполняя предвыборные обещания, Э. Макрон освободил самых богатых от налога на состояние (*Impot sur la fortune – ISF*), который приносил казне 3,2 млрд евро. Они теперь должны платить лишь налог на крупную недвижимость (*IFI – Impot sur la fortune immobilière*) и налог на доходы с капитала в 30%. По той же уравнительной ставке облагаются и доходы с любых банковских вкладов. Одним из главных поводов к протестному выступлению стало объявление правительства о введении нового «экологического налога» на горючее, затрагивающего, в первую очередь, сельскую Францию, для жителей которой автомобиль является единственным средством транспорта. В тот же момент правительство, между январём и октябрём 2018 г. снизило на 2/3 компенсации низкооплачиваемым категориям (*cotisations salariales*), не дотягивающим до минимума заработной платы. В период избирательной кампании эта компенсация была одним из программных обещаний Макрона, но в её реализации произошёл административный сбой: она не была включена в ежемесячные автоматические выплаты. К концу года для сдерживания инфляции, спровоцированной этими выплатами, министерство финансов предпочло притормозить их перечисление.

В то же время, 60% пенсионеров, совокупный доход которых позволяет фиску отнести их к категории обеспеченных граждан, получили налоговые уведомления, подтверждающие, что с 1 января 2019 г. они должны платить *CSG* (*cautisation sociale générale*) – всеобщий социальный взнос, поскольку новая налоговая реформа Макрона уравняла базу налогообложения. Теперь она не зависит от источника дохода, и фиску безразлично, составляет ли он заслуженную пенсию по старости или любые другие доходы. Реформа предусматривает упрощение взимания многообразного подоходного налога за счёт его преобразования в налог на источник дохода (*prélévement à la source*) [3, с. 21]. Справедливости ради следует сказать, что реформа была предложена прежним президентом Ф. Олландом, но с ней был не согласен тогдашний министр финансов социалист М. Сапэн.

На что тратятся деньги налогоплательщиков? О том, сколько идёт на пособия и другие меры интеграции иммигрантов, во Франции говорить и писать не принято. Это – тема, зарезервированная за Марин Ле Пэн. Между тем недовольные сходятся во мнении, что французская социальная модель государственного перераспределения доходов в связке налоги – социальная помощь является настоящей дырявой бочкой, нуждаясь в кардинальном реформировании. По мнению главы одного из ведущих политических еженедельников *Le Point*, Ф.-О. Жесбера, «Франция бьёт все рекорды государственных расходов

[13] CNews. 25.01.19.

(по-французски – *dépenses publiques* – общественных расходов)» [13, p. 21]. Это 56,6% ВВП. Социальные расходы на душу населения во Франции на 12% выше, чем в соседней Германии. Налоги и социальные вычеты забирают 48,4%, что сковывает французскую экономику, но чего недостаточно для преодоления постоянного дефицита социальных фондов, которые, по всеобщему мнению, являются крайне расточительными. При 100-миллиардном дефиците, злоупотребления в сфере социальных отчислений (работа в чёрную, мошенничество с социальными пособиями и т.д.) оцениваются в 20 млрд евро. Настоящим Клондайком являются суммы, укрываемые от налогов (по самым скромным подсчётам – 20-25 млрд, а, по мнению синдикалистов из Управления по налогам, 80 млрд евро). Государственный долг страны приближается к 100% ВВП, и эта цифра на 40% превышает маастрихтские критерии. Критики нынешнего курса считают, что Макрону следовало бы навести порядок в расходовании общественных средств вместо того, чтобы покрывать издержки неэффективной системы, выдавливая соки из беднеющего среднего класса. Таким образом, в общественном сознании установлена прямая связь между падением покупательной способности и фискальными мерами, предложенными Э. Макроном.

Не случайно фискальная политика нынешнего президента воспринимается широкими слоями налогоплательщиков и пенсионерами как воплощение технократического высокомерия, но она органична для президентства Макрона, приоритетами которого является сведение бюджетного дефицита до 3% ВВП и восстановление инвестиционной привлекательности страны, т.е. создание благоприятных условий для крупного капитала. В то же время, она продиктована приоритетами внешнеполитического курса президента, центром которого является перезапуск европейского строительства. Э. Макрон действует на фоне брэкзита, ослабления влияния своего главного европейского партнёра и союзника А. Меркель, в условиях общего роста националистического популизма в странах ЕС, в частности, лишившись своего итальянского единомышленника М. Ренци, который уступил евроскептикам из «Движения пяти звёзд» и «Лиги Севера». Президент Франции стремится стать отличником зоны евро, но «маленький человек» в его стране не видит положительной связи между своими ежедневными заботами и этими амбициозными задачами. Не надеясь донести до верхов власти свои требования через привычную систему парламентского представительства, люди вышли на улицы, договорившись через социальные сети.

«Жёлтые жилеты» – особый тип массового социального движения. Оно зародилось стихийно. Это горизонтальное движение, не имеющее единого центра и лидера, и оно не спешит оформляться политически. «Жёлтые жилеты» не доверяют институтам представительной демократии (партиям и парламенту) и не ищут политических руководителей. В социальном плане движение поддерживает нижняя категория налогоплательщиков, доходы которой ближе к *SMIC* – узаконенной минимальной оплате труда (1650 евро). Низы среднего класса наи-

более сильно затронуты кризисом. Они несут растущую налоговую нагрузку, но не пользуются плодами перераспределения национального богатства в пользу неимущих. Цепь коррупционных скандалов свидетельствует об успехе борьбы с коррупцией, прогрессе равноправия и правового государства. Но бесконечные финансовые злоупотребления власть имущих народных представителей подорвали доверие к профессиональным политикам и институтам представительной демократии.

В стране, которая считается родиной идеологии Просвещения, политическая жизнь которой с XVIII по конец XX в. была отмечена идеологическим противостоянием консерватизма и либерализма и либерализма/социализма/коммунизма, возникает массовое движение, не ассоциирующееся ни с идеологическими, ни с политическими программами. Движение «жёлтых жилетов» скорее напоминает антифискальные восстания XVII-XVIII вв. – времени наибольшего ужесточения налогового гнёта, когда наиболее многочисленное Третье сословие вынуждено было нести всю налоговую нагрузку в королевстве, не будучи допущенным ни к каким социальным привилегиям. В своё время несправедливость фискальной системы стала одной из главных причин революции 1789 г.: Третье сословие потребовало налогового равенства и участия в принятии фискальных решений. Сегодня во Франции действуют принципиально другие законодательные инструменты представительной демократии, в рамках которых, скорее всего, будет найден приемлемый выход, но партийно-политическая система страны неизбежно претерпит кардинальные изменения.

Изначально особенностью движения «жёлтых жилетов» была его обособленность, даже одиночество, презрительное осуждение со стороны президента и настороженное отношение прогрессивных изданий, пытавшихся дать оценку движению. Э. Макрон пренебрежительно назвал «жёлтые жилеты» «толпой, одержимой ненавистью» (*la foule haineuse* – фр.), намеренно и несправедливо смешивая мирных демонстрантов и криминальные элементы – бесчинствующих громил, замешавшихся в их ряды. Автор одной из публикаций журнала *L'Express* в разделе «мнения» увидел в протестах жёлтых жилетов стихийное сопротивление новым условиям существования, которые подобно настоящему цунами накрыли тот тип французов, который в абсолютно неполиткорректных терминах можно назвать «маленьким Белым человеком» («*les petits Blancs*»). Об этих людях писал Ален Финкелькрот (*Alain Finkielkraut*) – член Французской академии, оригинальный философ, коренным образом расходящийся с образом мыслей современного интеллектуального и общественно-политического истеблишмента. Этот тип по-прежнему составляет основное население французской глубинки, которое боится деклассироваться не будучи в состоянии конкурировать с IT – «новыми белыми воротничками» и ностальгирует по «старой доброй Франции». Его раздражают призывы к толерантности, разговоры о культурном, этническом и религиозном разнообразии обновлённого европейского общества и, в отличие от прогрессивных интеллектуалов, он не испытывает сострадания

к жителям «трудных» (иммигрантских) кварталов, пытаясь привлечь внимание государства к ухудшению собственного положения[14].

В редакторской колонке *Le Point* была дана эмоциональная, но яркая характеристика «жёлтых жилетов». Её автор Ф.-О. Жисбер считает, что эта волна протеста «несёт в себе и худшее, и лучшее», что таит в себе народное сознание. «Лучшее: здоровый протест маленького человека, который рано встаёт, много работает за небольшие деньги и меньше других пользуется социальной помощью, и которого наша распрекрасная *французская-модель-которой-завидует-весь-мир* безжалостно и не стесняясь обгладывает до самой кочерыжки»[15]. Худшее – это некий красно-коричневый оттенок, которые разглядели в движении представители прогрессивных СМИ, особенно в начале его распространения: ползучий народный антисемитизм, навязчивую тему мирового финансового заговора. К этому добавляется ксенофобское неприятие «нашествия» мигрантов, дармоедов, «поглощающих» социальные пособия. В ряды «жёлтых жилетов», пусть и вопреки желанию большинства его участников, замешиваются члены радикальных группировок, сторонники «прямого действия», провоцирующие погромы и столкновения с полицией. Как правило, они одеты в чёрное и скрывают свои лица. «Жёлтые жилеты» протестуют против амальгамы своего мирного гражданского протеста и действующих под их прикрытием погромщиков, считая, что президент и правительство намеренно прибегают к этой ассоциации для дискредитации их движения. Для объективного ответа на вопрос о справедливости подобных суждений требуется провести социологическое исследование, посвящённое голосованию участников движения на предстоящих европейских выборах, в частности, процент проголосовавших за список Марин Ле Пэн. Коричневый пигмент, который скорее подозревают, чем реально видят в «жёлтых жилетах», объясняет один из парадоксов нынешнего социального кризиса: к протестующим официально не присоединились ни профсоюзы, ни «Непокорённая Франция» Меланшона, вообще ни одна из левых партий. В их акциях не участвуют выходцы из иммигрантских сообществ, политкорректно называемые «жителями трудных кварталов» – неблагополучных предместий больших городов.

В свою очередь, «жёлтые жилеты» не стремятся встать под эгиду политически организованной левой оппозиции. Их антиевропейский настрой, в том числе, протест против европейских директив по приёму мигрантов, служат индикаторами принципиального расхождения между «жёлтыми жилетами» и социалистами, которые в этих вопросах ближе к прогрессисту Макрону.

Тактика протестующих не едина, но она отражает их состав. Это люди работающие, поэтому дни всеобщей мобилизации не походили на профсоюзные забастовки: начиная с 17 ноября 2018 г. каждую субботу по призыву из социаль-

[14] Alexandre L. La crise des gilets jaunes va durer cent ans. *L'Express*. N 3525. 23 janvier 2019. P. 24.
[15] Ibid. P. 5.

ных сетей люди в «жёлтых жилетах» собираются на манифестации, в первую очередь, в крупных городах страны, чтобы быть увиденными и услышанными. Центрами массовых протестов помимо Парижа стали Марсель, Тулуза, Бордо, Нант, Лион и ряд других больших городов. Однако мирные шествия, к крайнему неудовольствию большинства их участников, неизменно сопровождаются провокациями радикалов, нацеленных на силовое противостояние с защитниками правопорядка – традиционная тактика ультра, мечтающих о «городской гражданской войне». Они составляют где-то 1% от участников манифестаций. Так, в четвёртом «Акте мобилизации» 7 декабря 2018 г. участвовали 120 тыс. человек и 1200 человек были задержаны полицией за участие в беспорядках[16]. Эти бесчинства не только приводят к большим убыткам, но и вызывают ответные жёсткие действия полицейского спецназа и особых отрядов жандармерии, которым во Франции в крайних случаях разрешено применять не только водомёты, но и резиновые пули и гранаты со слезоточивым газом. Отряды радикалов в ответ вооружаются подручными средствами, поскольку полицейские на дальних подступах к месту сбора отбирают у них все опасные предметы. Они используют очки для плаванья и строительные респираторы как защиту от слезоточивого газа и теннисные ракетки, чтобы отбивать полицейские гранаты. С начала протестов около 1000 человек с обеих сторон стали жертвами насилия, 11 человек погибли[17]. День мобилизации 2 февраля 2019 г. был посвящён протестам против жестокостей сил правопорядка, и с того момента к лозунгам «жёлтых жилетов» добавился протест против полицейского насилия. Поводом стало тяжёлое ранение одного из вожаков «жёлтых жилетов» Жерома Родригеса[18]. Справедливости ради следует заметить, что если первоначально, несмотря на массовые аресты[19], погромщикам в масках порой удавалось уйти от ответственности, то каждое ранение гражданского лица в результате действий полицейских, согласно принятой процедуре, становилось предметом расследования со стороны внутренних полицейских надзорных органов.

В дополнение к крупным общенациональным субботним акциям на протяжении первых недель протеста, на местном уровне «жёлтые жилеты», сменяя друг друга, перекрывали дороги, особенно перекрёстки сельских дорог, проезд по которым организован по принципу кругового движения (*rond-points* – фр.). Эти протесты, буквально парализовав ряд регионов Франции, как правило, вызывали сочувствие автомобилистов, ощущавших солидарность и единство интересов с протестующими.

Возникнув как протест против налогов на горючее (*TPP – Taxes pour les produits pétroliers*), движение постепенно переросло в протест против общей политики президента, причём к требованиям отставки Макрона добавились ло-

[16] BFMTV. 08.12.18.
[17] BFMTV. 17.02.19.
[18] Cnews. Dernière minute. 26.01.19.
[19] На середину февраля 2019 г. было вынесено 1786 приговоров участникам беспорядков. BFMTV. 17.02.19.

зунги более широкого плана. Речёвка, которая звучала рефреном демонстрации 26 января 2019 г. в Ницце, гласила: «Мы не хотим такого общества» («*Nous-ne-voulons-pas/De- cette-société-l*à» – фр.). Протестующие сформулировали ряд общих требований, за которыми, однако, стоят достаточно разнородные интересы: демонтаж реформ Макрона, снижение налогов и повышение покупательной способности низов среднего класса. В политическом плане, они выступают за народное представительство, против профессиональной политики, за пропорциональную избирательную систему и проведение «референдума гражданской инициативы» (RIC) как площадки прямого обсуждения насущных преобразований, с решающим голосом избирателей[20]. Пенсионеры требуют повышения пенсий и отмены социального налога со своих доходов, люди трудоспособного возраста – достойной оплаты труда. В целом они хотят социальной справедливости в смысле справедливого перераспределения богатства, и справедливой системы налогообложения, хотя справедливость для одних всегда оборачивается несправедливостью в понимании других.

«Жёлтые жилеты» ставят правительство перед главной дилеммой последних десятилетий: взаимоисключающим выбором между экономическим ростом и сохранением французской модели социального государства, снижающей инвестиционную привлекательность страны. При всём размахе, движение «жёлтых жилетов» не отражает всего спектра проблем современной Франции, добавляя к ним новые. На 18-й день протеста против «экологического» налога, 16 марта 2019 г., на улицы французских городов вышли 32 тыс. человек в жёлтых жилетах, но в тот же день по всей Франции 350 тыс. собрались на экологическую демонстрацию в защиту окружающей среды, из них только в Париже 65 тыс. человек[21]. Протесты «жёлтых жилетов», пик которых пришёлся на время рождественских продаж 2018 г., больно сказались на французской экономике, снизив доходы в торговле и туристическом секторе городов, ставших центрами субботних выступлений: торговый оборот лавочек и ресторанов там снизился за первые два месяца выступлений на 30-50%: они вынуждены закрываться в «базарные дни», опасаясь погромщиков[22].

Идея «больших национальных дебатов»: вернуть общественную дискуссию в русло представительной демократии

На протяжении двух первых месяцев президент демонстративно игнорировал начавшиеся протесты, предпочитая полагаться на полицейские силы для восстановления порядка. Несмотря на бурные и многочисленные манифестации, он не изменил своего рабочего графика и в начале декабря 2018 г. отправился в Аргентину на саммит Большой двадцатки. Это вызвало углубление

[20] France 24. 05.12.18.
[21] France 24. 17.03.19.
[22] BFMTV. 27.01.19.

кризиса, поскольку протестующие увидели в поведении главы государства высокомерное нежелание «президента богачей» выслушать простого человека.

Высказывания людей, не склонных критиковать Макрона, свидетельствуют об осознании в высших политических эшелонах глубины переживаемого кризиса. Глава французского МИД Ж.-И. Ле Дриан вскоре после первого дня мобилизации «жёлтых жилетов» призвал правительство «услышать страдания» участников протестов[23]. Оказавший поддержку Макрону в ходе выборов лидер центристов Ф. Бейру (МоДем) заявил в интервью *Europe 1:* «Нельзя править против народа»[24]. Между тем, попытка премьер-министра Э. Филиппа завязать диалог с жёлтыми жилетами, пригласив их активистов в Матиньонский дворец[25], показала, что те не имеют и не могут иметь полномочных представителей: их активисты разобщены и не признают друг друга в качестве лидеров. Это обстоятельство обесценивало любые переговоры и не позволяло следовать привычной практике взаимодействия с протестующими, усаживающей за стол переговоров правительство и профсоюзных лидеров.

Общенациональный масштаб и регулярный характер акций, а также вопиющие акты вандализма, учинённые радикалами во время манифестации «жёлтых жилетов», заставили президента предпринять меры к урегулированию кризиса. Обращаясь к депутатам пропрезидентского большинства Национального собрания 4 декабря 2018 г., премьер-министр Э. Филипп назвал происходящее «центральным моментом» пятилетнего срока Э. Макрона[26]. В тот день Э. Макрон прилетел из Буэнос-Айреса, с саммита G20, откуда по телевизору наблюдал кадры субботних (01.12.18) столкновений радикалов с полицией, волны слезоточивого газа, направленные защитниками порядка на разбушевавшихся демонстрантов и осквернённую погромщиками Триумфальную арку над вечным огнём Неизвестному солдату – один из символов Республики на пл. Шарля де Голля. По возвращении Э. Макрон отправился в городок Пюи-ан-Веле – в один из эпицентров субботних протестов, где во время акции протеста «жёлтых жилетов» погромщиками была сожжена префектура. Пожалуй, впервые в своей публичной карьере он, который так любит напрямую отстаивать собственную позицию, уклонился от прямого диалога с протестующими, что не избавило президента от оскорблений демонстрантов, стихийно собравшихся лично выразить ему своё возмущение. Тогда же «жёлтые жилеты» одержали первую крупную победу. Глава кабинета объявил об отсрочке введения экологического налога на горючее (*TPP*), о замораживании цен на газ и электричество на полгода и о сохранении прежнего порядка технического контроля для автомобилистов, ужесточение которого было намечено с января 2019 г. «Никакой налог не стоит разрушенного национального согласия», – заявил Э. Филипп, объяс-

[23] Entretient avec J.-Y. Le Drian. *Europe 1*. 19.12.18.
[24] Entretien avec F. Bayrou. *Europe 1*. 30.12.18
[25] BFMTV. 07.12.19.
[26] BFMTV. 05.12.18.

няя уступки правительства[27]. Пауза, которую взяло правительство, позволила выиграть время, снизить протестную активность и рост стихийного насилия, но предложенные меры не могут служить долгосрочным решением, усугубляя бюджетные проблемы. Компенсировать потери в случае продления моратория на «экологический налог» до конца 2019 г. может снижение государственных расходов, что предполагает повышение планки бюджетного дефицита до 3,5 % ВВП, что уже допустил представитель Франции, еврокомиссар П. Московичи. По словам председателя финансовой комиссии Национального собрания Э. Вёрта (*Eric Woerth*) («Республиканцы»), у правительства нет запасного варианта на этот случай[28]. Оно может снизить расходы, ускорив проведение начатых реформ – сокращение чиновников и пенсионную реформу, но подобные меры требуют широкой общественной поддержки, на которую трудно рассчитывать на фоне массового антиправительственного и антипрезидентского движения «жёлтых жилетов».

За мораторием на введение одиозного нового налога последовал ряд точечных мер, направленных на повышение покупательной способности уязвимых слоёв населения, в частности, повышение СМИКа на 100 евро, освобождение выплат за сверхурочную работу[29] от подоходного налога и невысоких пенсий – от Всеобщего социального налога. Параллельно правительство предложило пакет законов для борьбы с беспорядками. 29 января, после жестоких столкновений минувшей субботы, министр внутренних дел Кристоф Кастанер обратился к молодёжи с призывом не поддерживать действия радикалов и представил проект закона против погромщиков. Он предусматривал материальную и уголовную, а не административную, как прежде, ответственность за испорченное ими частное и муниципальное имущество (сожжённые автомобили и мусорные баки, разрушенные террасы кафе, повреждённые скамейки и ограды). Погромщикам угрожает наказание до пяти лет тюремного заключения и штрафы в возмещение убытков[30]. 30 января Национальное собрание обсуждало т.н. «закон против погромщиков» об ужесточении порядка проведения демонстраций, запрещающий скрывать лицо под маской и отказывающий в праве на участие тем, кто в прошлом задерживался за нарушение порядка[31]. Закон был одобрен Сенатом 12 марта 2019 г.[32]. Однако, уже 18 марта, после ожесточённых уличных столкновений 16 марта, президенту и правительству пришлось вновь вернуться к теме борьбы с беспорядками.

Если с ноября в результате протестов «жёлтых жилетов» рейтинг премьер-министра упал на 10%, до 26%, а рейтинг президента – на 6%, до 23%, то предло-

[27] BFMTV. 07.12.19.
[28] BFMTV. 29.01.19.
[29] Эта мера была введена в правление Н. Саркози в 2007 г., но отменена в правление Ф. Олланда, с 2012 г.
[30] BFMTV. 29.01.19.
[31] BFMTV. 30.01.19.
[32] Quercia Y. Loi « anticasseurs » : la saisie du Conseil constitutionnel par E. Macron divise le Sénat: [электронный ресурс]: http://www.publicsenat.fr (дата обращения 13.03.2019)

женные меры привели к частичному восстановлению доверия к власти: рейтинг Макрона сразу вырос на 4%, а рейтинг премьер-министра, которому выпала объявить об уступках – на 6%. В результате, к концу января 2019 г. они составили соответственно 31% и 36%[33].

Одним из ближайших последствий отступления правительства является перекройка бюджетных планов, и в этом уже можно увидеть доказательство убедительного успеха протестующих. Им удалось перечеркнуть амбициозный план Макрона перевыполнить маастрихтские обязательства в 2019 г., не только сведя государственный дефицит к разрешённым 3% (достижение 2017 г.), но снизить его до 2,8%. В то же время, ожидаемое замедление роста на 2019 г. не даёт надежд на возможность компенсировать потери от моратория на экологический налог и расходы на повышение покупательной способности, составляющие 0,1 ВВП. Ведь весь комплекс экологических налогов на горючее должен был принести уже в первый год казне 4 млрд евро[34]. *Le Monde* назвала этот шаг «первым отступлением» правительства и озвучила цену обещанных уступок: бюджет недополучит минимум 2 млрд евро, а увеличение зарплаты низкооплачиваемых работников на 100 евро в месяц неминуемо приведёт к повышению стоимости труда для предпринимателей[35]. Возможные долгосрочные результаты этого поворота кардинально расходятся с общим направлением курса Э. Макрона, поэтому для правительства речь идёт о мерах временных и частичных, призванных снизить накал социальной напряжённости, но не затрагивающих базового мотива протестов – несогласия большинства французов (на ноябрь 2019 г. – 75%)[36] с общим трендом экономической, в первую очередь, фискальной политики[37]. В их представлении стремление президента вернуть Франции инвестиционную привлекательность благодаря созданию благоприятных налоговых и юридических условий для предпринимателей заставляет его действовать в интересах богатых, перекладывая издержки выхода из кризиса на широкие слои рядовых налогоплательщиков, снизив фискальную нагрузку на крупный капитал.

Требования «жёлтых жилетов» уже не сводятся к отмене экологического налога. К ним добавляются разнообразные меры, направленные на глубокие изменения политической системы страны, отстранение сложившейся политической элиты от законотворчества, в частности, предусматривающие отказ от верхней палаты парламента – Сената и проведение Референдума гражданской инициативы (RIC – *Réferendum d'initiative citoyenne*) – не совсем внятное, но по сути означающее отказ от институтов представительной демократии в пользу практики «прямой» демократии – демократии участия (*démocratie participative*). Требование справедливого налогообложения предусматривает восстановление

[33] Faye O., Lemarié A., Rescan M. Edouard Philippe espère désamorcer la colère et sauver son poste. *Le Monde*. 06.01.19.
[34] Tonnelier A. Le moratoire coûtera 2 milliards d'euros. *Le Monde*. 06.12.2018.
[35] Malingre V. Cette folle semaine où le quinquennat a bosculé. *Le Monde*. 06.12.18
[36] По опросам общественного мнения, 75% выступили за восстановление отменённого Макроном 75% налога на крупные доходы, введённого в правление Ф. Олланда. BFM TV. 06.01.19; *Euronews*. 07.01.19.
[37] Faye O., Lemarié A., Rescan M. Edouard Philippe espère désamorcer la colère et sauver son poste. *Le Monde*. 06.01.19

отменённого Макроном налога на крупные состояния (*ISF*), лозунг социальной справедливости – достойную оплату за труд, в первую очередь, повышение минимальной заработной платы и пенсий. Главную претензию и смысл существования «жёлтых жилетов» каждую субботу можно было слышать в теленовостях, из интервью рядовых участников движения: «мы хотим быть услышанными», «мы хотим жить достойно», «условия в диалоге с властями теперь будем диктовать мы сами». Большинство манифестантов не снимают требования отставки Э. Макрона. Таким образом, частичных уступок оказалось недостаточно, и протесты и акты насилия во время еженедельных «дней общенациональной мобилизации» не прекратились, хотя число протестующих значительно снизилось. В первую же субботу после объявления об отзыве налога на топливо, 8 декабря на демонстрации вышли на 10 тыс. человек меньше, чем 1 декабря (126 тыс. против 136 тыс.). Затем происходило неуклонное резкое падение численности протестующих, как оказалось, связанное, скорее с приближением Рождества и Нового года: 15, 22, 29 декабря их собиралось всё меньше, соответственно 66 тыс. (падение вдвое по сравнению с предыдущей неделей), 38 тыс., 12 тыс. После новогодних праздников график участия снова резко пошёл вверх: 50 тыс. 5 января, по 84 тыс. 12 и 19 января. Правительственные распоряжения по наведению порядка в стране дали результаты: после объявления об ужесточении наказания за вандализм и несанкционированные акции резко снизилось число стихийных и насильственных выступлений вроде перекрытия дорог, и увеличилось число заявленных и разрешённых акций. С конца января 2019 г. кривая участия в днях мобилизации опять плавно падала. 26 января по всей Франции в протестах участвовали 69 тыс.; со 2 по 16 февраля число участников снизилось с соответственно 58 600 до 41 тыс. протестующих, но 23 февраля на улицы вышли около 47 тыс.[38], в первую субботу марта – около 40 тыс.[39], а через неделю – 28 600 человек, что в десять раз меньше, чем в день первого акта мобилизации 17 ноября[40]. Весной 2019 г. график участия колебался. 16 марта «жёлтые жилеты» вывели на улицы 32 тыс. человек, 6 апреля на демонстрации по всей Франции собралось только 22 300 человек, а после небольшого скачка на акции 27 апреля, собравшей 23 600 участников, число демонстрантов серьёзно снизилось: 4 и 11 мая оно достигало, соответственно, 18 900 и 18 600[41].

Только на первых порах для пары Э. Макрон – Э. Филипп самой сложной проблемой взаимодействия с протестующими был горизонтальный характер движения, в котором есть инициаторы, но отсутствует единое руководство. Макрон не раз заявлял, что «жёлтые жилеты» на улицах не могут являться стороной переговоров с правительством, поскольку непонятно, кого они представляют. Во всяком случае, это не вся Франция. И это убедительно доказала

[38] France 24. 24.02.19.
[39] France 24. 03.03.19.
[40] France 24. 10.03.19.
[41] France 24. 28.04.19, BFMTV. 05.05.19, 12.05.19.

воскресная демонстрация 27 января 2019 г., опознавательным знаком участника которой стали красные шарфы (*foulards rouges*), цвет которых отсылал к историческому республиканскому символу – красному фригийскому колпаку. По призыву безвестного инициатора (его имя Лоран Суйе – *Laurent Souillé*), также разосланному через социальные сети, только в Париже собрались 10 500 человек. Они назвали себя «представителями молчаливых французов», требующих прекратить насилие и вернуться к общественному диалогу[42].

Исходя из этого, 25 января 2019 г. Э. Макрон обнародовал найденное решение, пригласив французских граждан к широкому общественному диалогу, одной стороной которого являются власти. Другая, и в этом суть, не идентична «жёлтым жилетам», что не исключает их индивидуального участия. Он выдвинул идею организации «больших национальных дебатов» («*le grand débat national*» – фр.), возложив их проведение на мэрии по всей стране. В этих дебатах в течение месяца могли принять участие все желающие, каждому отводилось одинаковое время на выступление, согласно регламенту собрания, обычно, пара минут. «Большие дебаты» открыли «второй акт» президентства Э. Макрона, в котором он намерен сделать акцент на диалоге с обществом. Эта тема активно продвигается в выступлениях президента после 9 января 2019 г., и для оглашения своей политики он использовал словарь «жёлтых жилетов», которые каждую субботу приступают к новому, очередному, «акту» действия [14, p. 30].

Можно предположить, что умеренная часть «жёлтых жилетов» положительно отреагировала на предложение президента начать широкое общественное обсуждение болезненных проблем, о чём свидетельствовал недолгий спад участия в днях мобилизации. Но по мере его реализации стало понятно, что всеобщие дебаты не устроили активистов движения, которые поняли, что их требования могут раствориться в общенациональной дискуссии. Они сразу заявили, что Макрон «пускает им пыль в глаза»[43], и кривая участия 23 февраля 2019 г., на фоне начала дебатов опять пошла вверх. «Жёлтые жилеты» считают, что Макрон присвоил их идею проведения «референдума гражданской инициативы», выхолостив её суть, чтобы расколоть протестующих, растворив их требования в общенациональной дискуссии с индивидуальным участием и по частным вопросам. В течение апреля 2019 г., в разгар подведения итогов «больших дебатов», число участников манифестаций «жёлтых жилетов» стабилизировалось вокруг 30 000. При этом протестующие не сняли своего изначального требования проведения референдума гражданских инициатив, не удовлетворившись национальной консультацией, проведённой по инициативе президента.

Между тем общественные обсуждения, инициированные Макроном, являются практикой, необычной для французской модели представительной демократии, в которой политические партии разрабатывают и предлагают адресные

[42] BFMTV, 27.01.19.
[43] BFMTV. 30.01.19.

программы, а граждане выбирают из предложенного наиболее близкий им вариант. Здесь же граждане высказывают свои «жалобы и пожелания», которые регистрируются подобно наказам Генеральным штатам в заседаниях, организованных мэриями, что увеличивает историческое сходство с приходскими собраниями к Генеральным штатам 1789 г., на которых каждый приход (матрица религиозно-общественной жизни во Франции при Старом порядке) составлял наказы депутатам. Главы семейств («очагов», которые были тогда податной единицей) были приглашены не только избирать депутатов, но и участвовать в составлении списка «жалоб и пожеланий» (*plaintes et doléances*), которые, как они надеялись, лягут в основу назревших преобразований. Поведение президента также отсылает к далёкому времени сословного неравенства. В ответ на протесты Э. Макрон заявил, что «некоторые французы потеряли ощущение (необходимости) работать», по сути, обвинив протестующих в социальном иждивенчестве. Реакция президента напомнила обозревателям, знакомым с французской историей, знаменитую королевскую фразу времён Людовика XVI – верх высокомерия и непонимания между властью и страдающим народом: «они жалуются, что у них нет хлеба? Пусть едят бриоши (в русском варианте – пирожные)». По их мнению, столь же возмутительные фразы не раз приходилось слышать от Э. Макрона, который стремится переключить внимание общества с преодоления экономического неравенства между богатыми и бедными на преодоление неравенства между успешными и «лузерами», что, по его мнению, требует лишь личных усилий[44] [9]. «Социальное неравенство в нашем обществе не из самых высоких, зато в нём в наибольшей степени присутствует социальный иммобилизм», – так оценил Э. Макрон суть проблемы занятости [14, p. 135]. Именно это он имел в виду, когда в ответ молодому человеку из толпы, который жаловался, что он уже несколько месяцев не может найти работу, сказал: «достаточно перейти через улицу, чтобы найти работу». Но для тех, кто долгое время находится в поисках работы, это были слова выходца из семьи высококвалифицированных врачей, живущего в одном из самых модных и богатых кварталов Парижа (ул. Сен-Доминик), с лучшими дипломами и рекомендациями.

Хотя исторические аналогии напрашиваются сами собой в связи с заметной авторитарной тенденцией нынешнего правления, противостояние власти и участников антиналоговых выступлений наполнено иным содержанием. Макрон призывает своих сограждан к ответственному поведению и хочет вернуть широкую общественную дискуссию в легальное поле, передать инициативу в руки правительства и муниципальных властей. Президент стремится выиграть время, определить главные болевые темы общественного недовольства, убедить электорат в безальтернативности своего курса к европейским выборам 26 мая 2019 г., которые, как он понимают, могут превратиться в референдум против

[44] О «макронизме» как об образе мыслей и способе управления см.: Cayrol R. Le président sur la corde raide. P., Calmann-Levy, 2019.

его политики. Он дальновидно не снял, но отложил вопрос о введении «экологического налога» до лета, т.е. до времени отпусков, когда эти выборы останутся далеко позади. В действительности, аудитория «больших дебатов» намного превосходила масштаб движения «жёлтых жилетов»[45]. Министры и видные депутаты правящего большинства, сам президент, разъезжали по стране, чтобы принять деятельное участие в обсуждении, продемонстрировать, что партия власти стремится к прямому диалогу с гражданами. Исторические параллели впечатляют, но в данном случае они искажают суть избранной Макроном стратегии преодоления кризиса. В общем политическом контексте, в условиях потребительской демократии, можно сравнить президента Макрона с опытным дельцом, который проводит широкую кампанию по изучению рыночного спроса, прежде чем выбросить на него новый избирательный продукт.

Недовольные Э. Макроном обвиняют президента в высокомерном презрении к народу и нежелании прислушаться к общественным запросам. Предложение начать «большие дебаты» было призвано оспорить это впечатление, тем более, что оно не отражает всей гаммы восприятия президента обществом. Через неделю после запуска «больших дебатов» телекомпания *BFMTV* опубликовала результаты опроса на тему «Что вы думаете об Э. Макроне?», сравнив их с результатами опроса, проведённого в декабре 2018 г. 78% – 76% соответственно считают его авторитарным и высокомерным, что на 5% превосходит цифры предпоследнего опроса. В то же время, значительно (на 13 пунктов) вырос процент тех, кто считает президента отважным и динамичным (соответственно 57% и 70%)[46].

«Большие дебаты» дали всем желающим возможность высказаться. На большой пресс-конференции по их итогам, данной президентом 25 апреля, Э. Макрон, отметив, что он услышал участников протестов последних месяцев, заявил о приверженности избранному курсу: «Надо ли остановить то, что сделано за прошедшие два года? Разве мы шли по ложному пути? Я считаю, что нет»[47]. Не было учтено и центральное требование «жёлтых жилетов» о проведении референдума гражданской инициативы. Э. Филипп в своём выступлении перед депутатами 10 апреля с изложением итогов больших дебатов огласил широкую программу «великих строек», намеченных президентом в соответствии с основными пожеланиями граждан, в центре внимания которых оказались проблемы, изначально не относившиеся к проблематике. Закрытие местных школ и больниц интересовало их больше, чем налог на горючее. Премьер-министр заявил, что намеченное было сокращение 120 000 постов в государственном секторе, затрагивающее здравоохранение и образование, больше не является приоритетом его правительства. Оппозиция увидела в представленной программе логическое

[45] Согласно опросам начала декабря, 25% заявили, что они – «жёлтые жилеты» при общественной поддержке от 75% в конце ноября до 68% к 8 декабря. *France 24*. 08.12.18.
[46] BFMTV. 31.01.19.
[47] Franceinfo. 26.04.2019.

продолжение программы Макрона, что справедливо только отчасти[48]. Массовое протестное движение заставило президента заняться отлаживанием механизма обратной связи с избирателями, по возможности избегая острых столкновений с интересами гражданского общества, особенно в виду приближения европейских выборов. Несмотря на то, что на фоне проведения больших национальных дебатов происходил постепенный спад активности «жёлтых жилетов», думается, не стоит приписывать его исключительно успеху консультации, задуманной Макроном в качестве ответа протестному движению.

Уступая в частностях, Э. Макрон не собирается и не может пойти на принципиальные уступки «жёлтым жилетам», потому что отказ от избранного курса для него будет равносилен политическому поражению [2, с. 29; 4, с. 19; 14, p. 29]. К тому же «жёлтые жилеты» не представляют всей Франции, но они представляют активную часть низшего среднего класса, заражённого чувством социального неблагополучия, интересы которой несовместимы с убеждениями либерального прогрессиста Э. Макрона. Президент видит в движении стихийную, консервативную и даже ретроградную оппозицию прогрессу, заявляя, что сегодняшний раскол во Франции и в Европе в целом проходит по линии противостояния прогрессистов и популистов[49]. В реальности популисты способны приручить стихийное гражданское движение, но не являются его базовым элементом, и без анализа результатов партийно-политических предпочтений участников «жёлтых жилетов» на европейских выборах нельзя с уверенностью ассоциировать движение с популистскими течениями.

Сопротивление политике президента слева также достаточно велико, но оно не идентично «жёлтым жилетам». 1 мая на демонстрации под красными знаменами профсоюзов и «Непокорённой Франции», которая призвала «устроить Макрону праздничек» («*faire la fête à Macron*») собрались по разным подсчётам от 150 до 300 тыс. человек, многие из которых пришли в жёлтых жилетах. Однако, доля этой группы протестующих среди участников демонстраций, организованных левыми силами, относительно невелика, что показывает гораздо более скромное число участников XXIV акта их мобилизации, состоявшейся всего через два дня после первомайской демонстрации, а также последующего XXV акта (18 900 – 18 600 чел.). Следует также отметить, что цифры участия в акциях «жёлтых жилетов» весьма приблизительно отражают число его потенциальных сторонников. При всём его размахе, лишь несколько сотен человек по всей стране могли заявить в *Facebook*, что принимали участие во всех его акциях начиная с осени 2018 г.[50].

---

[48] France : l'opposition critique vertement le compte-rendu du Grand Débat: [электронный ресурс]: http://www.m.rfi.fr/france/201904-france-grand-debat-premier-ministre-edouard-philippe-presentation-reaction-opposition (дата обращения: 13.05.19).
[49] France 24. 11.05.19.
[50] Le Monde. 04.05.19.

Задумываясь о причинах спада мобилизации, который пришёлся на конец весны, можно предположить, что он связан с началом активной избирательной кампании к европейским выборам 26 мая 2019 г. Не исключено, что активисты «жёлтых жилетов» надеются, как того опасается правительство, превратить их в референдум против президента, вернув конфликт с властью в русло протестного голосования. Из 33 списков кандидатов от различных политических партий и общественных организаций три заявляют о своей приверженности движению «жёлтых жилетов», что с осторожностью может быть расценено как попытка политической консолидации, поскольку они не представили единого списка. Таким образом, весенний спад активности не означает затухания протестного потенциала. Напротив, в последние месяцы можно констатировать большую солидарность «жёлтых жилетов» с другими протестными группами, прежде всего, с профсоюзами работников общественного транспорта, выступающими, в частности, против приватизации парижского аэропорта «Руасси», и с медперсоналом государственных больниц, требующим увеличения финансирования.

В свою очередь, лидеры общественного мнения отказались от первоначально настороженного отношения к «жёлтым жилетам», от автоматического смешения «жёлтых жилетов» и погромщиков – возмутителей общественного спокойствия, которое навязано правительством. 4 мая в авторитетной газете *Libération* было опубликовано открытое письмо, подписанное 1400 деятелями культуры, среди которых имена известных писателей, художников и актёров, в частности, Жюльет Бинош и Эмманюэль Беар[51]. Отождествляя себя с «жёлтыми жилетами» начальной фразой – «мы – “жёлтые жилеты”», они протестуют против демонизации движения, участников которого правительство хочет представить «антиэкологистами, экстремистами, расистами, громилами», осуждая ужесточение репрессий против участников акций, как нарушение фундаментальных гражданских свобод. Известная романистка, член Французской Академии Даниэль Саленав опубликовала эссе в поддержку движения, осуждая атмосферу «классового презрения» со стороны благополучной части общества, объектом которого стали «жёлтые жилеты»[52].

Несмотря на то, что «жёлтые жилеты», несомненно, войдут в историю Франции и, подобно маю 1968 г., движение может давать ростки в виде многообразных гражданских протестов, ему вряд ли уготовано большое политическое будущее. С организационной точки зрения, «жёлтые жилеты» – оппозиционное движение, нетипичное для современной демократической модели, и в его характере заложено внутреннее противоречие. Несмотря на широкий размах и многомесячные регулярные выступления, ему не удалось выдвинуть единого руководства, единой программы, единого списка кандидатов. Это, на первый взгляд, кажется слабой стороной движения, мешает ему стать матрицей обнов-

[51] Gilets jaunes : nous ne sommes pas dupes! *La libération*. 04.05.19
[52] Sallenave D. Jojo de gilet jaune. Paris, Gallimard, 2019.

лённой оппозиции по типу различных популистских партий и движений «рассерженных граждан» в соседних странах, несмотря на то, что подобная оппозиция была бы крайне востребована в связи с приближением всеобщих выборов в Европарламент и кризисом системных партий. Однако именно эта черта является способом существования «жёлтых жилетов» как воплощения гражданского общества. Секрет массовой поддержки горизонтального, политически неорганизованного движения как раз и состоит в том, что у «жёлтых жилетов» нет чётко сформулированной, связной и положительной программы. По мнению французского политолога Б. Мореля, как только кто-то из «жёлтых жилетов» попытается чётко сформулировать его положительную программу, движение начнёт дробиться, рассыпаться на группы по интересам[53].

В то же время не следует считать движение случайным и преходящим явлением без будущего. В своё время движение зелёных, которое дало толчок к глобальному развороту к защите экологии, тоже стремились представить как противодействие промышленному прогрессу. «Жёлтые жилеты» уже являются своего рода референцией, обозначающей стихийный гражданский протест. Несмотря на первоначальный отказ от политической консолидации, они играют важную роль в налаживании модели взаимодействия граждан с властью в период разложения привычной партийной системы, призванной отстаивать интересы избирателей перед властями. По сути их требования прямой демократии служат горизонтальной альтернативой вертикальной модели власти, предложенной Э. Макроном. Размах движения уже вынудил президента задуматься о поисках формата диалога с гражданским обществом. В то же время представленный «жёлтыми жилетами» пример мощной мобилизации на акции социального протеста, возможной без идейного руководства и организационной структуры, через социальные сети, заставляет задуматься о будущем традиционных партий и профессиональной политики во Франции.

Список литературы:

1. Бунин И.М. Выборы Макрона или выбор Франции: французская политика в 2017-2018 гг./ Науч. ред. Ю.И. Рубинский. М.: Школа гражданского просвещения, 2018. 200 с. ISBN 978-5-93895-122-8
2. Клинова М.В. Приватизация во имя инноваций во Франции // Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 29-38. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
3. Костюк Р.В. Французские левые: время поражений // Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 142- 150. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7
4. Кудрявцев А.К. Социально-экономический курс президента Э. Макрона: между стратегией и тактикой// Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 18-29. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
5. Лапина Н.Ю. Франция 2017: новый формат политического пространства // Франция при

[53] En directe : Entretien avec Benjamin Morel. *France 24*. 12. 01.19.

президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 66-75. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
6. Президентские выборы во Франции – 2017: материалы межинститутского круглого стола / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. DOI: 10.20542/978-5-9535-0498-0.
7. Преображенская А.А. «Республиканцы»: поражения 2017 г. и их политические последствия // Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 101-108. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
8. Рубинский Ю.И. Франция на перепутье // Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века / Отв.ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П.Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С.88-96. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7
9. Рубинский Ю.И. Франция президента Э. Макрона: первые шаги // Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 10. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
10. Cayrol R. Le président sur la corde raide. Paris: Calmann-Levy, 2019. 275 p.
11. Donégani J.- M., Sadoun M. La V-ème République. Naissance et mort. P.: Calman-Lévy, 1998. 320 p.
12. Dupont L., Vignaud M., Bruckert E., Pérou O. Macron face aux technocrates. C'est qui le patron ? // Le Point. N 2421. 24.01.2019. P. 29-35.
13. Giesbert F.- O. La farce française du « trésor caché » // Le Point. N 2421. 24.01.19. P. 5-6.
14. Lhaik C. Pourquoi il ne changera pas // L'Express. 23.01.2019. P. 28-33.
15. Macron par Macron. Sous la coordination de E. Fottorino. P. : Editions de l'Aube, 2017. 137 p.
16. Mathieu B. Et si on rendait l'impot plus juste ? // L'Express. 23.01.19. P. 10.

Об авторе:

Евгения Олеговна Обичкина – д.ист.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: obitchkina@mail.ru.

POLITICAL CRISIS IN FRANCE: «GILETS JAUNES» AND THE END OF THE «FIRST PERIOD» OF THE EMMANUEL MACRON'S GOVERNANCE

E.O. Obichkina
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: The article analyzes the current political crisis in France, the most striking manifestation of which is the «gilets jaunes» (yellow vests) movement. The current crisis is partly a consequence of the protracted identity crisis at both extremes of French political spectrum, resulting from a long period of relatively conflict-free alternation of left and center-right parties in a relatively favorable economic environment that accompanies the development

of a consumer society and a social state. This model, which can be called «consumer democracy», has failed with the onset of the global economic crisis. The «stepsons» of modern capitalism, who are used to relying on social guarantees from the «welfare state» persistently reject the neoliberal recipes favorable among elites for dealing with the crisis. A wave of «gilets jaunes» protests seems to be contingent on the specific situation that emerged in France during the presidential elections of 2017 and the beginning of the era of Emmanuel Macron, who aims at restructuring French society and economy. Its main feature is the growing public disbelieve in and simultaneous collapse of both political parties that occupy and divide the French political Olympus at the time of power transition. Macron's supporters enjoy an absolute majority in the Parliament without any meaningful opposition capable of opposing the president. It allows for a rapid rate of reforms but produces a backlash from society that perceives the situation as a violation of the dialogue between voters and legislators. Dissatisfied people without any hope to be heard join the ranks of the mass spontaneous movement of «gilets jaunes», triggered by the introduction of the so-called «environmental» tax. This movement can be viewed from different perspectives – political analysis can be complemented by historical anthropology, because the spontaneous nature of the protest resembles the anti-tax uprisings of the 17th-18th centuries. From a philosophical point of view, it seems to be a reaction of outsiders to deep social transformations associated with the pauperization of the middle classes, globalization, waves of migration and the digital revolution. The government's response – revocation of the law that triggered the movement and the launch of «big national debates» – led to a relative decline in the activity of «gilets jaunes», but the main reason for the downturn is preparation for the upcoming European elections, which could be used as an opportunity to voice their discontent with the president and to return the civil protest in the electoral channel. The «gilets jaunes» movement hardly has any political future, but its experience, social potential and methods can be used in future protests, since its main agenda has not been exhausted – reconciliation of the neoliberal economic policies with the interests of the disadvantaged part of French society.

Key words: France, crisis of the parliamentarism, the governance methods of Emmanuel Macron, technocracy in power, yellow vests movement, national debate, criticism of the tax system.

References

1. Bunin I.M. *Vibori Macrona ili vibor Franzii: franzuskaia politika v 2017-2018* [Macron's elections or the French choice: French politic in 2017-2018] Ed. By Yu. Rubinskiy. Moscow, Shkola grajdanskogo pravovedenia, 2018, 200 p. (in Russian).
2. Klinova M.V. Privatizatzia vo imia innovatzii vo Franzii [Privatization for Innovation in France]. In *Franzia pri president Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 29-38. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
3. Kostiuk R.V. Franzuskie levie: vremia porageniy [The Leftists in France: Time of Defeat] In *Franzia na poroge peremen. Economika I politika v nachale XXI veka* [France on the Eve of Changes at the Beginning of XXI Century] Ed. by A. Kuznetsov, M. Klinova, A. Kudriavtsev, P. Timofeev, eds. Moscow: IMEMO, 2016, pp. 142-150. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7 (in Russian).
4. Kudriavtsev A.K. Sotzial'niy I economicheskiy kurs presidenta E. Macrona: mejdu strategiey I taktikoy [Social and Economic Course of the President E. Macron: Between Strategy and Tactics] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 18-29. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
5. Lapina N.Yu. Franzia – 2017: noviy format politicheskogo prostranstva [France –

2017: a new format for political space] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 66-75. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).

6. *Presidentskie vibori vo Franzii – materiali meginstitutskogo kruglogo stola* [The French presidential elections – 2017: the materials of the All-Russian scientific conference of experts in France studies] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2017. DOI: 10.20542/978-5-9535-0498-0 (in Russian).
7. Preobrazhenskaya A.A. «Respublikanzi»: porageniya 2017 I ih politicheskie posledstvia [Les Republicains: Defeats of 2017 and Their Political Consequences] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 100-109. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
8. Rubinski Yu I. Franzia na pereputie [Franzia at the middle of the road] In *Franzia na poroge peremen. Economika I politika v nachale XXI veka* [France on the Eve of Changes at the Beginning of XXI Century] Ed. by A. Kuznetsov, M. Klinova, A. Kudriavtsev, P. Timofeev, eds. Moscow: IMEMO, 2016. C.88-96. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7 (in Russian).
9. Rubinski Yu I. Franzia presidenta Macrona: pervie shagi [France under the President E. Macron: First Steps] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 9-18. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
10. Cayrol R. *Le président sur la corde raide.* Paris: Calmann-Levy, 2019. 275 p.
11. Donégani J.- M., Sadoun M. *La V-ème République. Naissance et mort.* Paris: Calman-Lévy, 1998, 320 p.
12. Dupont L., Vignaud M., Bruckert E., Pérou O. Macron face aux technocrates. C'est qui le patron? *Le Point,* no. 2421, 24.01.2019, pp. 29-35.
13. Giesbert F.- O. La farce française du « trésor caché ». *Le Point,* no. 2421, 24.01.19, p. 5-6.
14. Lhaik C. *Pourquoi il ne changera pas.* L'Express, 23.01.2019, pp. 28-33.
15. *Macron par Macron. Sous la coordination de E. Fottorino.* Paris: Editions de l'Aube, 2017. 137 p.
16. Mathieu B. *Et si on rendait l'impot plus juste?* L'Express, 23.01.19, pp. 10.

About the author:

Evgeniia O. Obichkina – Dr. of Science (History), Full Professor, Chair for international relations and foreign policy for Russia, MGIMO-University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: obitchkina@mail.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 136-158
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-136-158

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ: ОПЫТ ПАКИСТАНА

Н.В. Галищева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В настоящей статье на примере Пакистана проанализировано использование средств, поступающих по линии помощи развитию. Автор показывает преимущества и недостатки этого инструмента для развития национальной экономики, выделяет этапы его использования в 1990–2010-е гг. В статье показано, что в силу серьёзной ограниченности объёма национального капитала роль иностранной помощи в стимулировании развития пакистанской экономики всегда была весьма существенной.

Автор рассмотрела эффективность использования помощи в период развития экономики Пакистана по модели импортозамещения и проанализировала масштабы, условия и формы предоставления помощи на современном этапе. Приведены статистические данные по динамике средств, поступивших по каналам иностранной помощи. Автор выявила тенденцию к смещению условий предоставления помощи с грантов на льготные кредиты, что приводит к росту объёма внешней задолженности страны.

Исследование проведено на основе системного подхода к изучению экономики и инвестиционной политики с использованием базовых методов научного познания, таких как индукция и дедукция, анализ и синтез. Влияние иностранной помощи на экономический рост оценено по методике М.А. Рахмана.

Ключевые слова: экономика Пакистана, либеральные реформы, норма валового сбережения и норма валовых капиталовложений в пакистанской экономике, иностранная помощь Пакистану, техническое содействие развитию экономики, самообеспечиваемый и самоподдерживаемый рост, финансовые доноры, гранты, гуманитарная помощь.

Целью настоящего исследования является анализ использования иностранной помощи для стимулирования развития экономики развивающегося государства на примере Пакистана, основных преимуществ и недостатков этого способа аккумулирования средств в национальной экономике. Исходя из этого, автор определяет следующие основные задачи:

УДК: 339.96, JEL: F35
Поступила в редакцию 28.10.2018 г.
Принята к публикации 20.03.2019 г.

– выявить объективные причины привлечения иностранной помощи в пакистанскую экономику в период независимости;

– показать специфику условий привлекаемой в Пакистан иностранной помощи на современном этапе и проанализировать ее роль в деле стимулирования экономического развития Пакистана;

– рассмотреть основных доноров пакистанской экономики.

Исследовательский вопрос заключается в выявлении роли иностранной помощи в деле стимулирования развития экономики современного Пакистана.

Теоретической основой исследования стал синтез концепции помощи как важнейшего фактора, стимулирующего развитие экономики развивающегося государства, и подхода М.А. Рахмана к определению влияния притока иностранной помощи на экономический рост страны. Автор работы изучила ряд трудов по роли иностранной помощи в развивающемся государстве, в т.ч. исследования А.И. Медового [6], Э. Тирлвола [16], М. Тодаро и С. Смита [17], Я. Голдина и К. Райнера [9]. Детальной проработке были подвергнуты работы М.А. Рахмана [14], а также Х.Б. Ченари и А. МакИвенса [8], анализирующие влияние иностранной помощи непосредственно на пакистанскую экономику в период ее развития по модели импортозамещения[1].

Методологической основой исследования являются такие методы научного познания как индукция и дедукция, анализ и синтез. При этом базовым стал системный подход к изучению пакистанской экономики в целом и отдельных аспектов инвестиционной политики, в частности.

В то время как тема представляется весьма актуальной для развивающегося государства, в российской научной литературе она не нашла достаточно широкого и детального освещения. Весьма полезной в плане изучения роли помощи как одного из важнейшего фактора развития пакистанской экономики была монография С.Н. Каменева [4].

Фактор иностранной помощи нашел определенное освещение в трудах пакистанских учёных. Эта проблематика анализируется в работах А. Заиди [19; 20], Ш. Визарат [18], М.А. Кхана и А. Ахмеда [10], М.Х. Кхана [11], М. Лукмана, М. Хака и К.Кхана [12], А. Мумтаза и К. Михаэловой [7].

При написании данного исследования автор использовала ряд собственных, более ранних работ, посвящённых аспектам взаимоотношений Пакистана со своими главными донорами – США, Китаем и странами Персидского залива [1; 2; 3].

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1950-х гг. по 2017 г., т.е. фактически весь этап независимости Пакистана.

[1] В экономической истории независимого Пакистана чётко выделяются два макроэтапа: дореформенный, развитие по модели импортозамещения (1947 – 1988 гг.), и пореформенный, этап либеральных реформ (после 1988 г.).

Роль иностранной помощи как фактора упрочения финансового ресурса в развивающемся государстве

Развитие экономики любого государства связано с использованием целого ряда ресурсов – природных, трудовых, финансовых и научно-технических. Именно масштабы и особенности их применения предопределяют уровень экономического развития национальной экономики. Одним из важнейших ресурсов, особенно для развивающегося государства на начальном этапе его становления, по праву можно считать финансовый.

На протяжении периода независимости Пакистана финансовый ресурс продемонстрировал некоторую тенденцию к укреплению, однако для формирования устойчивой финансовой базы инвестирования в национальную экономику этих средств явно недостаточно. Норма валового сбережения остаётся низкой (см. табл. 1); «исторический максимум» 2004 г. едва превысил 17,6% ВВП. Эти показатели сопоставимы с уровнем наименее развитых стран Африки южнее Сахары и существенно ниже, чем аналогичный показатель в Китае (50–52%), Индии (30–35%) и в новых индустриальных странах второй волны (около 30%).

Табл 1. Норма валового сбережения в экономике Пакистана в 1970–2010-е гг. (% ВВП)[2]

Table 1. The gross savings rate in the economy of Pakistan in the 1970–2010s (% GDP)

Годы	1970-е	1980-е	1990-е	2000–2010	2011–2015	2016/17 ф.г.
Норма валового сбережения	12,8	14,57	14,0	14,1	10,1	13,1
Госсектор	1,36	1,15	1,21	1,23	0,80	5,6
Частный сектор: Компании Домохозяйства	 11,44 0,46 10,98	 3,42 0,52 12,9	 12,79 0,50 12,29	 12,87 0,48 12,39	 9,3 0,45 8,85	 7,5 … …

Источник: Pakistan Economic Survey. Economic Adviser's Wing, Finance Division, Government of Pakistan, Islamabad. Various issues.

Основными источниками сбережений в пакистанской экономике традиционно (за исключением 2016/17 ф.г.) выступают домохозяйства, доля которых в валовом сбережении колеблется от 4/5 до 9/10. Относительно высокие сбережения домохозяйств объясняются, прежде всего, низким уровнем социального обеспечения, что выражается в незначительном участии государства в формировании пенсий, минимальном объёме социальных услуг и др. Вклад частного корпоративного сектора невелик в силу его низкой доходности.

Норма валовых капиталовложений в 1970–2010-е гг. в среднем находилась на уровне 15–17% ВВП, что явно недостаточно для стимулирования ускорения

[2] Финансовый год в Пакистане начинается 1 июля и заканчивается 30 июня следующего календарного года.

экономического роста в развивающейся экономике (см. табл. 2). Как справедливо отмечает профессор В.К. Ломакин [5], капиталовложения играют двойственную роль в национальной экономике. В краткосрочном плане они выступают как компонент совокупного спроса, при увеличении которого стимулируется хозяйство и увеличивается доход. В долгосрочном плане они влияют на предложение, повышая производственный потенциал, тем самым, увеличивая масштабы производства. Кроме того, капиталовложения оказывают серьёзное влияние на эффективность производства за счёт капиталовооружённости и внедрения новой техники. По существующим оценкам, увеличение на один пункт вложений в основной капитал способно увеличить производительность труда в долгосрочном плане на 1,8% [5, с. 58].

Табл. 2. Норма валовых капиталовложений в экономике Пакистана в 1970–2010-е гг. (% ВВП)

Table 2. The gross investment rate in the economy of Pakistan in the 1970–2010s (% GDP)

Годы	1970–е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.	2000–2010 гг.	2011–2015 гг.	2016/17 ф.г.
Норма валового накопления	18,3	18,7	20,4	17,7	13,8	15,8
Госсектор	10,2	10,0	10,2	10,3	8,5	4,3
Частный сектор: Компании Домохозяйства	 8,10 0,66 7,44	 8,70 0,80 7,90	 10,20 0,70 9,50	 7,4 0,65 6,75	 5,3 0,5 4,80	 11,5 1,6 9,9

Источник: Pakistan Economic Survey. Economic Adviser's Wing, Finance Division, Government of Pakistan, Islamabad. Various issues.

На протяжении всего периода независимости ведущим источником инвестиций в пакистанской экономике остаётся госсектор, доля которого (за исключением 2016/17 ф.г.) превышает половину суммарных капиталовложений. Этим Пакистан отличается от других развивающихся стран, где основная часть инвестиций идёт от частного сектора, главным образом, от компаний. Причина данного явления кроется в недостаточности финансовой базы корпоративного сектора, а также в нестабильности экономического развития и, как следствие, в нежелании частного сектора, и прежде всего его корпоративной составляющей, осуществлять масштабные вливания в экономику [19, p. 298].

Как известно, сбережения – это основа будущих капиталовложений, а капиталовложения, в свою очередь, – катализатор экономического роста. В развивающихся странах (за редким исключением) действует закономерность: чем выше норма валового сбережения, тем выше норма валового накопления и темпы экономического роста. Из этого следует, что в пакистанской экономике финансовый ресурс может рассматриваться скорее как ограничитель развития, нежели как катализатор. Ввиду нехватки внутренних средств правительство время от

времени прибегало к практике дефицитного финансирования, что неизбежно приводило к существенному росту инфляции. Периодические заимствования на внутреннем рынке увеличивали объём внутренней составляющей государственного долга [20, p. 87–88].

Соотношение между сбережениями и капиталовложениями в пользу последних свидетельствует, что в своём развитии пакистанская экономика в значительной мере полагалась и полагается на приток капитала извне. В дореформенный период средства направлялись на создание базовых отраслей промышленности, в настоящее время – на цели модернизации. Иностранная помощь стала «спасательным кругом», за который крепко держался Пакистан, особенно в 1951–1980-е гг. Как отмечал в середине 1960-х гг. профессор А.И. Медовой, «помощь является важным элементом в накоплении капитала в развивающихся странах. Она восполняет нехватку капитала и участвует в ломке колониальной структуры экономики. Потребность в ней будет необходима в течение длительного периода времени, пока не будут созданы устойчивые внутренние источники накопления» [6, с. 72]. Нынешнее благополучие экономики Пакистана – ускорение темпов экономического роста в последние два года – 5,3% в 2017 г. и по предварительным оценкам 5,6% в 2018 г.[3], - в значительной мере также поддерживается иностранным капиталом (показатели нормы валового сбережения и валовых капиталовложений составляет 12% ВВП и 16,1% ВВП и 12,1% ВВП и 16,4% ВВП соответственно[4]), и в первую очередь иностранной помощью.

Концептуальные основы иностранной помощи как источника развития национальной экономики

Большинство западных экономистов указывают, что в условиях ограниченности внутренних финансовых ресурсов развивающихся государств иностранная помощь имеет большое значение, прежде всего для решения социальных проблем, включая сокращение масштабов бедности, ликвидацию безграмотности, развитие человеческого потенциала. Так, американские исследователи Я. Голдин и К. Райнер отмечают, что из этого источника финансируются инфраструктурные проекты, совершенствуются национальные системы здравоохранения и образования, обеспечивается доступ населения к современным достижениям науки и техники. Однако объём помощи невелик, стабильность поступлений не гарантирована. Для достижения позитивного эффекта необходимо не только увеличение объёмов помощи, но и усиление контроля за её расходованием, недопущение расхищений и распыления средств [9, p. 125–126].

С другой стороны, результат помощи не всегда оказывается положительным и востребованным. Целый ряд негативных последствий привлечения раз-

[3] World Economic Outlook. April 2018 / International Monetary Fund. - April 2018. P. 245.

[4] Highlights of Economic Survey FY 18. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pakistaneconomist.com/2018/04/30/highlights-economic-survey-fy18/ (accessed 20.03.2019).

вивающимся государством иностранной помощи вскрывают профессор Нью-Йоркского университета М. Тодаро и профессор Университета Дж. Вашингтона Стефан С. Смит. Они считают, что помощь может тормозить экономический рост вследствие того, что зачастую она не столько дополняет национальные сбережения и инвестиции, сколько замещает их, приводя к значительному увеличению объёмов внешнего долга и выплат по нему. Кроме того, помощь чаще предоставляется на развитие современного сектора экономики, что консервирует многоукладность национального хозяйства развивающегося государства, не способствует развитию традиционного сектора и достижению оптимального и рационального сочетания и сопряжения производительных сил, функционирующих в пределах различных укладов [17, p. 738].

По мнению британского экономиста Э. Тирлвола, в отдельных случаях иностранная помощь не только не способствует развитию беднейших стран, а напротив, подрывает его, порождая сильнейшую зависимость от страны-донора [16, p. 447]. В большинстве случаев (до 80%) предоставление помощи оговорено жёсткими условиями, включая обязательства по закупке у донора товаров, цена которых на 20% выше, чем у других продавцов [16, p. 463].

Для оценки влияния иностранной помощи на экономический рост развивающихся стран целесообразно использовать модель Рахмана – пакистанского экономиста, профессора экономики Исламабадского университета. В основе этой модели лежит концепция американских учёных Холлиса Б. Ченери и Артура Мак-Ивена, представленная в работе «Оптимальные образцы роста и помощи: случай Пакистана» [8]. В этой работе на основе данных о притоке иностранного капитала (и его важнейшего компонента – помощи) в 1963–1985 гг. предпринята попытка найти оптимальное соотношение между объёмом иностранной помощи и экономическим ростом в стране-реципиенте. Показывая, как сокращался приток американской помощи по мере укрепления экономики Пакистана, авторы пришли к заключению, что «модель увеличения, а затем сокращения объёмов помощи является логическим следствием высокой потребности на начальном этапе в инвестициях, доходе и сбережениях для будущего роста… Если бы не ограничения на масштабы инвестирования, объёмы помощи в первые годы были бы ещё значительнее» [8, p. 226].

Развивая эти идеи, М.А. Рахман дал подробный анализ влияния иностранного капитала (в том числе и иностранной помощи) на экономическое и социально-политическое развитие Пакистана [14]. Рахман ввёл два важнейших понятия: «самообеспечиваемый рост» (когда развитие национальной экономики не зависит от привлечения иностранного капитала) и «самоподдерживаемый рост» (для выполнения национальных программ развития необходимо привлечь финансовые ресурсы извне). В условиях самообеспечиваемого роста привлечение иностранного капитала возможно, но не необходимо, а в условиях самоподдерживаемого роста доступ в страну иностранного капитала не ограничивается, причём его использование не подлежит контролю со стороны на-

циональных органов страны-реципиента. М.А. Рахман пришёл к заключению, что «для страны-реципиента, привлекающей иностранный капитал, включая и иностранную помощь, намного важнее и разумнее придерживаться модели самообеспечиваемого роста, нежели самоподдерживаемого» [14, p. 5].

Рахман предложил линейную двухсекторную модель, в которой конечные условия могут быть удовлетворены лишь в том случае, если экономика достигает состояния самообеспечения в результате реализации «перспективного плана» продолжительностью в T лет. Первый сектор модели – это традиционный сектор и его продукция с устоявшейся для данного государства номенклатурой товаров идёт как на внутреннее потребление, так и на экспорт. Второй сектор модели – т.н. «антиимпортное» производство, т.е. развитие таких секторов промышленности, которые в перспективе должны заменить импорт. Важнейшим компонентом этой модели, не учтённым предшественниками М.А. Рахмана, стала переменная, отражающая размер долговых обязательств страны-реципиента. В целях упрощения делается допущение, что общий объём долговых обязательств растёт лишь в период действия «перспективного плана». С переходом к самообеспечиваемому росту государственные долги, накопленные ранее, перестанут расти. Итак, к концу планового периода «перспективным планом» должны быть удовлетворены следующие конечные условия:

$Y(t) \gg \tilde{Y}$, т.е. $V1(t) + V2(t) - D(t) \gg \tilde{Y}$

где Y – ВНП; V1 и V2 – соответственно продукция первого и второго секторов; D – объём национальной задолженности плюс прибыли от иностранных инвестиций и t – последний год планового периода.

Как показывает М.А. Рахман, достижение самообеспечиваемого роста не означает прекращения возможности использовать иностранный капитал, но его привлечение будет происходить на более выгодных для страны-реципиента условиях.

Таким образом, теории, которые исходят из признания необходимости привлечения развивающимися странами иностранной помощи, детально анализируют условия предоставления такой помощи, а также возможные социально-политические и экономические последствия её получения. При этом уделяется внимание проблеме роста внешней задолженности и, как следствие, увеличения внешнеторгового и платёжного дефицитов. Ставится вопрос о совместимости требований национальных программ развития с интересами иностранного капитала.

Место иностранной помощи в пакистанской экономике в 1950-1980-е гг.

Активное привлечение помощи в Пакистан началось в 1950-е гг. В 1950–1955 гг. иностранная помощь поступала в основном на двусторонней основе на условиях грантов (до 65% объёма выделяемых средств) и преимущественно в форме проектов развития (до 80–90% объёма выделяемых средств).

В тот период главным донором Пакистана были США. Эффективность помощи, по оценкам пакистанских и западных экспертов, была довольно высока: были профинансированы крупные объекты электроэнергетики и мелиорации. Получение помощи не приводило к аккумулированию значительного объёма внешнего долга.

В годы первого пятилетнего плана (1955–1960 гг.) в связи с укреплением пакистанской экономики условия предоставления помощи ужесточились, и уже около половины её Пакистан получил на условиях льготных кредитов. Как правило, предоставление помощи было увязано с обязательствами по закупкам товаров у страны-донора (преимущественно США и государств Западной Европы), что, по оценкам пакистанских экономистов, повышало стоимость импорта в среднем на 12%, а изделий из стали и металлов – почти в 2 раза. Основной формой предоставления помощи по-прежнему оставались проекты развития.

В дальнейшем список основных доноров расширился за счёт созданного в 1960 г. Консорциума помощи Пакистану (*The Aid-to-Pakistan Consortium*), в состав которого вместе с рядом международных организаций вошли Бельгия, Великобритания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, США, ФРГ, Швеция и Япония. В 1960-е гг. по мере развития национальной экономики уже 70% помощи поступали на условиях льготных кредитов. Это привело к существенному росту платежей по выплате долга и процентов, достигавших к концу десятилетия пятой части экспортной выручки. Произошли определённые подвижки и в форме оказания помощи. Проекты остались основной формой, но их доля сократилась до 70%, что также способствовало общему снижению эффективности помощи. Между тем, ряд экономистов, в том числе и пакистанских, отмечают, что в подавляющем большинстве случаев иностранная помощь в 1960-1970-е гг.

Табл. 3. Иностранная помощь Пакистану и другим странам Южной Азии в 1960 г., 1970 г. и 1980 г

Table 3. Foreign aid to Pakistan and other countries of South Asia in 1960, 1970 and 1980

Страны	1960 г.		1970 г.		1980 г.	
	Иностранная помощь (% ВВП)	Объём иностранной помощи на душу населения (долл.)	Иностранная помощь (% ВВП)	Объём иностранной помощи на душу населения (долл.)	Иностранная помощь (% ВВП)	Объём иностранной помощи на душу населения (долл.)
Пакистан	6,6	5,5	4,2	6,94	4,6	14,27
Индия	2,31	1,7	1,37	1,51	1,20	3,18
Бангладеш	-----	-----	5,21	0,32	7,31	15,66
Шри-Ланка	0,71	1,05	2,18	3,93	9,68	26,24
Непал	1.58	0,81	2,71	1,93	8,17	10,55

Источник: [10, p. 221]

не использовалась на финансирование сколь-либо значимых проектов в социальной сфере или инфраструктуры, а служила, главным образом, интересам политической элиты [10, p. 223]. В целом доля иностранной помощи в пакистанском ВВП выросла с 3% до 6,6% (см. табл. 3), а зависимость пакистанской экономики от неё была примерно в два раза выше, чем в других развивающихся странах, в том числе и в Индии [15, p. 110].

В 1970–1980-е гг. зависимость роста национальной экономики от средств, получаемых по каналам иностранной помощи, стала особенно острой. По расчетам Всемирного банка, Пакистан, находившийся к концу 1970-х гг. на шестом месте среди развивающихся стран по численности населения, занимал четвёртое место в этой группе государств по объёмам получаемой помощи на двусторонней основе и седьмое – на многосторонней. За счёт иностранной помощи было обеспечено более 50% всех инвестиций в ежегодных планах развития, осуществляемых в 1970-е гг. и 49% – в пятом пятилетнем плане (1978-1983 гг.) [4, с. 229-230]. Соотношение между льготными кредитами и грантами достигло 91:9%, что существенно усугубило проблему погашения внешнего долга. По расчётам все того же Всемирного банка, Пакистан занимал девятое место среди развивающихся стран по размерам внешнего долга [4, с. 230]. Список доноров пополнился монархиями Персидского залива и странами социалистического лагеря, прежде всего, СССР, Чехословакией и Югославией.

В целом, в дореформенный период Пакистан получил по государственным каналам более 7 млрд долл. Примечательно, что большая её часть предназначалась Западному Пакистану (т.е. в нынешнему Пакистану). На долю Восточного Пакистана (ныне Народная Республика Бангладеш) по политическим мотивам выделялось не более 1/3 объёма помощи.

Роль иностранной помощи в развитии современного Пакистана

Вследствие постоянной нехватки внутренних финансовых ресурсов значительную роль в экономике Пакистана продолжает играть иностранная помощь. Между тем, справедливости ради, следует отметить, что правящие круги страны, несмотря на объективную ограниченность финансовых ресурсов, в 1990-е гг. стремились снизить зависимость экономического роста от внешней помощи, одновременно принимая меры к росту внутренних источников накопления. Однако эти попытки практически не увенчались успехом [4, с. 237]. Основу иностранной помощи на современном этапе составляют займы, выплачиваемые в долларах (в среднем около 80% всей помощи), а также дары и безвозмездные субсидии [18, p. 263]. Следует особо отметить, что прежде иностранная помощь включала в себя ещё и займы, погашаемые в национальной валюте. Отход от этой практики произошёл по инициативе стран Запада в конце 1970-х гг. и привёл к обострению проблемы внешнего долга и ухудшению финансового положения Пакистана [1, с. 332].

В последние годы в структуре иностранной помощи более 60% приходится на проекты развития, остальное – товарная помощь по широкой номенклатуре, от промышленных узлов и запасных частей до потребительских товаров; менее 2–3% приходится на поставки продовольствия. Приток иностранных грантов и льготных кредитов по государственным каналам в 1990 г. составлял около 1,2 млрд долл., в 2006 г. – 1,8 млрд долл., в 2014 г. – 3,4 млрд долл. По данным пакистанской статистики, объём полученной Пакистаном помощи в 2016/17 ф.г. достиг 7,747 млрд долл.[5] В целом, в 1990-2010-е гг. объём иностранной помощи достигал около трети всего чистого притока в страну иностранного капитала [12, p. 123]. По объёму полученной помощи Пакистан традиционно занимает первое место среди государств Южной Азии (см. табл. 4).

Табл. 4. Иностранная помощь Пакистану в 1980 – 2017 гг.
Table. 4. Foreign assistance to Pakistan in 1980–2017

годы	Объём иностранной помощи (млрд долл.)	Объём иностранной помощи на душу населения (долл.)	Иностранная помощь (% ВВП)
1980 г.	1,130	14,3	4,6
1990 г.	1,152	10,3	2,8
2001 г.	1,938	13,2	3,3
2006 г.	1,749	11	1,4
2007 г.	2,268	14	1,6
2008 г.	2,324	14	1,4
2009 г.	2,768	16	1,5
2014 г.	3,421	18	1,4
2016/17 ф.г.	7,747	-----	-----

Источник: World Development Indicators 2016[6].

Около ¾ иностранной помощи поступает в Пакистан на двусторонней основе, из которой свыше 90% – от членов Комитета содействия развитию [15, p. 196]. По двусторонним каналам помощь поступает от США, Японии, Великобритании, Китая и ряда нефтеэкспортирующих стран Ближнего и Среднего Востока.

Из числа многосторонних доноров важным донором Пакистана по-прежнему остаётся Консорциум помощи Пакистану.

С середины 1980-х гг. займы, предоставляемые Пакистану международными организациями (МВФ, МБРР, АзБР), зачастую связываются определёнными условиями. Так, в 1990-е гг. Пакистан получал кредиты от МВФ на условиях

[5] Pakistan received $7.747b of foreign assistance in FY 2016-17 / Pakistan Today. – 24.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://profit.pakistantoday.com.pk/2017/06/24/pakistan-received-7-747b-of-foreign-assistance-in-fy-2016-17/ (accessed 20.03.2019).

[6] World Development Indicators 2016. / World Bank Groups. P. 131. [Электронный ресурс]. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/805371467990952829/pdf/105051-PUB-ADD-DOI-ISBN-PUBLIC-World-Development-Indicators-2016.pdf (дата обращения: 02.01.2017). Journal South Asian, April – June 2004, p. 33. Pakistan received $7.747b of foreign assistance in FY 2016-17 / Pakistan Today. – 24.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://profit.pakistantoday.com.pk/2017/06/24/pakistan-received-7-747b-of-foreign-assistance-in-fy-2016-17/ (accessed 20.03.2019).

Stand-by Arrangement, от Всемирного Банка в рамках *Structural Adjustment Credit* на сумму 350 млн долл. и Азиатского банка развития на сумму 730 млн долл. для финансирования реформ в юридической сфере и области местных финансов. В марте 2005 г. Пакистан достиг соглашения со Всемирным Банком о предоставлении кредитной линии в размере 1 млрд долл. ежегодно в течение трёх лет на программы, направленные на борьбу с бедностью.

США – ведущий донор пакистанской экономики

Среди стран крупнейший кредитор Пакистана – это США, оказывающие на регулярной основе весьма существенную помощь, значительная часть которой традиционно выделяется по каналам Агентства США по международному развитию (*USAID*). Доля американской помощи в общем объёме помощи, полученной Пакистаном в 1970-2010-е гг., по некоторым оценкам, составляет около 20% [11, p. 68].

Пакистан входит в пятёрку крупнейших реципиентов американской помощи, будучи получателем около 3% всего объёма помощи, предоставляемой США развивающимся странам.

Благодаря финансовой и технической помощи США в 1950–1960-е гг. в Пакистане была заложена основа энергетической отрасли[7]. Общий объём американской помощи в 1953–1961 гг. составил около 2 млрд долл., при этом четверть её предназначалась на военные нужды[8]. Только в 1955 г. США предоставили Пакистану грант на сумму 350 тыс. долл., а в 1960-е гг. пакистанские учёные и инженеры получили возможность пройти обучение в ведущих американских вузах [3].

США внесли заметный вклад в развитие мирной атомной промышленности Пакистана. Так, при поддержке США в середине 1960-х гг. в Пакистане был открыт Пакистанский институт ядерных исследований и технологий (*The Pakistan Institute of Nuclear Science and Technology*). В 1965 г. в Нилор, в 20 км от Исламабада, в рамках программы «Атом ради мира» был возведён исследовательский ядерный реактор *PARP-1* мощностью 5 МВт. Его ввод в строй курировал известный американский инженер Питер Картер. В 1991 г. *PARP-1* был преобразован в реактор мощностью 10 МВт по производству низкообогащённого урана для пакистанских АЭС. В 1965 г. при посредничестве США Пакистан договорился с Канадой о сооружении первого на территории Пакистана промышленного реактора *KANUPP* (*Karachi-1*)[9]. Реактор мощностью 125 МВт был запущен в 1971 г. в 25 км к западу от Карачи. В настоящее время из-за длительного срока эксплуатации он работает на неполную мощность и будет остановлен в 2023 г.

---

[7] В 1950-е гг. и особенно в 1972-1977 гг. значительную помощь Пакистану оказывал СССР.

[8] The Future of Cooperation between the United States and Pakistan. [Электронный ресурс]. URL: http://csis.org/files/publication/131025_Hameed_FutureUSPakistanCoop_WEB.pdf (accessed 20.03.2019).

[9] Строительство АЭС «Канупп-1» (от англ. KANUPP - Karachi Nuclear Power Plant-1) осуществлялось при технической и финансовой помощи Канады с 01.08.1966 по 07.12.1972.

Развитие мирной, а впоследствии и военной ядерных программ Пакистана при поддержке США началось в ответ на разработку Индией мирного атома в 1950-е гг. и атомного оружия в 1960-е гг. Сторонником концепции «Исламской бомбы» был Зульфикар Али Бхутто, в 1971–1973 гг. президент, а в 1973–1977 гг. премьер-министр Пакистана. Ещё будучи министром иностранных дел, в период второй индо-пакистанской войны в августе–сентябре 1965 г. З.А. Бхутто заявил: «Если Индия создаст атомную бомбу, мы будем есть траву и листья в течение тысячи лет, даже будем голодать, но мы создадим свою бомбу. Христиане имеют бомбу, евреи имеют бомбу, теперь ещё и индуисты… Почему бы и мусульманам не обзавестись своей?» [13, p. 98].

В первом десятилетии XXI в. США предоставили Пакистану помощь в размере около 13,2 млрд долл., из них 5,7 млрд – на военные нужды и 7,5 млрд – на гражданские[10]. В октябре 2009 г. Конгресс США одобрил Закон об усилении сотрудничества с Пакистаном (*The Enhanced Partnership with Pakistan Act*)[11], продемонстрировав долгосрочные намерения США укреплять связи с Пакистаном. В 2010–2014 гг. США выделили Пакистану помощь в объёме 4,38 млрд долл. на гражданские нужды, из которых свыше 1 млрд составила гуманитарная помощь[12]. В 2016 г. объём помощи составил 687 млн долл.[13].

Отраслевая структура помощи отражает основные тенденции экономического развития современного Пакистана: энергетика, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и региональное развитие. Перечень этих сфер определяется совместно пакистанской и американской сторонами и регулярно корректируется.

Между Пакистаном и США периодически возникают политические разногласия, оказывающие негативное влияние на экономическое взаимодействие. Так, в октябре 1990 г. президент США Дж. Буш-ст. не подтвердил Конгрессу США информацию об отсутствии у Пакистана ядерного оружия, как того требовала принятая в 1985 г. поправка Пресслера[14]. В результате, на фоне опасений, что Пакистан пытается создать ядерное оружие, были прекращены поставки вооружений (включая уже частично оплаченные Пакистаном самолёты F-16) на сумму 1,3 млрд долл. и американская военная помощь на 1991 г. в размере 564 млн долл. Изменение позиции США произошло после событий 11 сентября 2001 г., когда Пакистан превратился в антитеррористический оплот США в Южной Азии. В течение месяца была снята большая часть ограничений на

[10] US Pakistan Relations Common and Clashing Interests. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldaffairsjournal.org/article/us-pakistan-relations-common-and-clashing-interests (accessed 20.03.2019).

[11] Этот закон часто называют Законом «Керри – Лугара – Бермана» (по фамилиям его основных авторов).

[12] U.S. Relations with Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3453.htm (accessed 20.03.2019).

[13] Top 10 Recipients of United States Foreign Aid. February 9, 2018 [Электронный ресурс]. URL:https://listosaur.com/politics/top-10-recipients-of-united-states-foreign-aid/ (accessed 20.03.2019).

[14] Согласно поправке Пресслера, перед началом каждого нового финансового года президент США должен подтвердить Конгрессу отсутствие у Пакистана ядерного оружия. Только в этом случае могут быть осуществлены поставки вооружений и выделена финансовая помощь на военные и другие нужды.

предоставление помощи Пакистану. Со своей стороны, правительство Пакистана ввело запрет на деятельность в стране пяти экстремистских организаций[15], закрыло несколько сотен их отделений и заморозило банковские счета, арестовало свыше 2 тыс. экстремистов, ввело контроль над деятельностью медресе.

В 2011 г. после проведения на пакистанской территории без ведома правительства Пакистана американской операции по ликвидации Усамы Бен Ладена, руководство Пакистана отменило программу подготовки в США своих кадров и выслало 135 американских советников. В ответ США отказались выделить Пакистану помощь в размере 300 млн долл.[16]. Двусторонние отношения постепенно нормализовались в 2012–2013 гг. Таким образом, некоторые разногласия по отдельным тактическим вопросам в целом не меняют курса двух стран на стратегическое многостороннее взаимодействие.

Очередной этап охлаждения пакистано-американских отношений начался в июле 2017 г. В частности, было объявлено о намерении Пентагона удержать почти половину суммы компенсаций Пакистану за поддержку американских военных операций в Афганистане в 2016 г. ввиду недостаточных, по мнению американской стороны, усилий пакистанского правительства по борьбе с группировкой «Сеть Хаккани». Общая сумма выплат Исламабаду должна была составить 900 млн долл., из которых 550 млн долл. к тому времени уже были перечислены Пакистану[17].

22 декабря 2017 г. госсекретарь США Р. Тиллерсон внёс Пакистан в специальный список наблюдения за грубые нарушения религиозной свободы.

В январе 2018 г. пресс-секретарь Госдепартамента США Х. Науэрт сообщила о решении приостановить военные поставки Пакистану из-за «недостаточных усилий» Исламабада по борьбе с террористическими организациями – исламским движением «Талибан» и группировкой «Сеть Хаккани», ведущими партизанскую войну в Афганистане против правительственных сил и подразделений НАТО. Одновременно было объявлено о приостановке перечисления Пакистану финансовой помощи в размере 225 млн долл. Кроме того, США намерены заморозить финансовую поддержку ИРП на сумму порядка 2 млрд долл., в т.ч. около 1 млрд долл. предназначены на военную поддержку Пакистана (включая 255 млн долл. на операции за его пределами) и около 900 млн долл. в виде вложения в специальный фонд для борьбы с терроризмом[18].

За прекращение военной помощи Пакистану в начале января 2018 г. выступил президент США Д. Трамп, указав, что за последние 15 лет Исламабад

---

[15] «Лашкар-и-Тойба», «Сипах-и-Сахаба», «Техрик-и-Джафрия Пакистан», «Техрик-и-Шариат-и-Мохаммади», «Джаиш-и-Мохаммад».

[16] U.S. Relations with Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3453.htm (accessed 20.03.2019).

[17] Вашингтон пригрозил Пакистану прекращением финансовой помощи из-за поддержки Исламабадом террористов [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/world/02jan2018/pakistanusa.html?utm_source=rambler_rss (дата обращения: 24.06. 2018).

[18] США шантажируют Пакистан прекращением финансовой помощи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://jpgazeta.ru/ssha-shantazhiruet-pakistan-prekrashheniem-finansovoy-pomoshhi/ (дата обращения: 20.03.2019).

получил от Вашингтона более 33 млрд долл. В своём Твиттере Трамп написал: «Они принимали наших президентов за идиотов, предоставляя убежище террористам, за которыми мы охотились в Афганистане»[19].

Прекращение военной помощи со стороны США серьёзно отразится на обороноспособности Пакистана. Если танки и истребители ИРП импортировала в основном из КНР, а стрелковое оружие – из европейских государств, то поставщиками боевых вертолётов, БТР, ствольной артиллерии, транспортных самолётов и противотанковых ракет традиционно выступают американские компании. Прекращение поставок боеприпасов и запчастей негативно отразится на обороноспособности пакистанской армии.

В ответ на решения американской стороны 10 января 2018 г. министр обороны ИРП Хуррам Дастгир Хан заявил, что его страна приостанавливает сотрудничество с США по линии военных и разведывательных служб, а за новыми военными поставками обратится к России, Китаю и Европе.

Примечательно, что США оказывают Пакистану помощь не только на двусторонней основе, но и по каналам Консорциума помощи Пакистану.

По оценке пакистанских экспертов, эффективность американской помощи снижает коррупция в Пакистане, а влияние этой помощи на пакистанскую экономику противоречиво. В частности, выделение ежегодных стипендий 500 наиболее одарённым студентам на обучение в американских вузах по программе Фулбрайта, финансируемой Госдепартаментом США с целью укрепления культурно-академических связей между гражданами США и других государств, приводит к «утечке умов» из Пакистана. Кроме того, помощь предоставляется, главным образом, на условиях грантов и является по своей сути связанной, т.е. предполагает выполнение Пакистаном определённых условий (закупка промышленных товаров и продовольствия на американском рынке, заключение контрактов на выполнение работ американскими специалистами и др.). Поэтому в настоящее время некоторые пакистанские эксперты расценивают помощь как инструмент, заставляющий Пакистан идти в фарватере американской внешней политики, и всё чаще выступают за снижение зависимости от американских грантов.

Китай – «новый донор» пакистанской экономики

Одним из крупных доноров Пакистана выступает Китай. В 2000 – 2014 гг. китайская сторона выделила Пакистану на условиях грантов и льготных кредитов в общей сложности около 2,4 млрд долл., главным образом, для строительства новых и модернизации существующих железных и автомобильных дорог. 4 июля 2018 г. был одобрен очередной льготный кредит на сумму 1 млрд долл.[20]

[19] Прижали к стенке. Зачем Пакистану понадобилось русское оружие [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/defense_safety/20180130/1513554661.html (дата обращения: 20.03.2019).

[20] China Approves 1 billion dollar Aid to Pakistan [Электронный ресурс]. URL: https://www.fresherslive.com/current-affairs/articles/china-approves-1-billion-dollar-aid-to-pakistan-14050 (дата обращения: 20.03.2019).

Китай сыграл важную роль в развитии ядерной энергетики Пакистана, особенно после того, как западные страны приняли жёсткие меры экспортного контроля, чтобы затруднить Пакистану приобретение материалов и оборудования для обогащения урана. Уже начиная с 1960-х гг. Китай оказывал помощь Пакистану в строительстве ядерных реакторов и осуществлял передачу «чувствительных технологий» [2].

Если первый исследовательский ядерный реактор *PARP-1* был построен с помощью США, то строительство в 1974 г. исследовательского реактора *PARP-2* мощностью 30 МВт для производства высокообогащённого оружейного плутония было осуществлено с помощью КНР. Как и *PARP-1*, *PARP-2* расположен в Нилоре. В настоящее время оба исследовательских реактора, как и остальные пакистанские реакторы, работающие на «мирный атом», находятся под контролем МАГАТЭ. Построенные с помощью КНР реакторы в Равалпинди (введён в эксплуатацию в 1981 г.) и в Хушабе, в 200 км к югу от Исламабада (один мощностью 50 МВт работает с 1998 г., а три более мощные – с 2009 г., с 2013 г. и с января 2015 г.), играют ключевую роль в производстве оружейного плутония[21].

Китаю принадлежит особая роль в планах строительства пакистанских АЭС. При содействии китайской стороны в Чашме уже построены 2 энергоблока АЭС «Чашнупп» (*Chashma Nuclear Power Plant*). Строительство первой очереди мощностью 300 МВт осуществлялось с августа 1993 г. по июнь 2000 г., второй очереди мощностью 300 МВт – с декабря 2005 г. по май 2011 г. Стоимость работ составила 860 млн долл., в т.ч. 350 млн долл. – китайские инвестиции[22]. Обогащённый уран Пакистан импортирует из КНР. При этом правительство Пакистана поставило цель производить с 2015 г. ежегодно порядка 350 т (около трети потребностей национальных АЭС) низкообогащённого урана, добываемого в Пенджабе (в районах *Bannu Basin и Suleman Range*) с тем, чтобы снизить зависимость от импорта. Между тем, добиться намеченной цели Пакистану пока не удалось.

Примечательно, что США и ряд других членов Группы ядерных поставщиков (ГЯП) периодически выступают с критикой КНР за сотрудничество с Пакистаном в ядерной сфере. К примеру, в 1996 г. США замораживали экспортные кредиты Китаю из-за подозрений в передаче Пакистану технологии обогащения урана методом центрифужного разделения изотопов. В настоящее время подобная критика имеет весьма зыбкое основание, поскольку ещё в 2008 г. США разрешили своим компаниям тесно сотрудничать с Индией в сфере мирного атома, хотя Индия, как и Пакистан, не подписала Договор о нераспростране-

[21] Переработка урановой руды осуществляется также в Чашме (провинция Пенджаб). Завод по обогащению урановой руды расположен в Чак Джхумре – пригороде Фейсалабада (провинция Пенджаб). Комплексы центрифуг расположены в Кахуте, в 50 км от Исламабада (функционирует с 1984 г., в 1991 г. был модернизирован) и в Гадвале, в 38 км от Исламабада.

[22] China Confirms it is Building Six Nuclear Power Plants in Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailytimes.com.pk/national/09-Feb-2015/china-confirms-it-is-building-six-nuclear-power-plants-in-pakistan (accessed 20.03.2019).

нии ядерного оружия (ДНЯО). В том же 2008 г., после того, как США начали тесное взаимодействие с Индией в сфере атомной энергетики, Пакистан и КНР обнародовали планы строительства в течение восьми лет в районе Карачи ещё двух энергоблоков – «Чашнупп-3» и «Чашнупп-4» мощностью по 320 МВт. Их сооружение началось в мае и декабре 2011 г. соответственно. Согласно подписанному в июне 2010 г. контракту, оценочная стоимость строительства этих энергоблоков составила 2,37 млрд долл.[23], из которых около 1,9 млрд долл. профинансирует КНР тремя льготными кредитами сроком на 20 лет. Кроме того, КНР будет поставлять на них ядерное топливо в течение всего периода эксплуатации (40 лет)[24].

В ноябре 2010 г. пакистанская сторона заявила о подписании соглашения с КНР о строительстве энергоблока АЭС «Чашнупп-5» с реактором нового поколения АСР-1000. В 2013 г. представители КНР заявили, что этот энергоблок, возможно, будет сооружён в другом месте (один из вариантов – Мултан в провинции Пенджаб)[25].

Кроме того, при содействии КНР с 2013 г. в 32 км от Карачи ведётся строительство двух энергоблоков АЭС «Карачи-2» (*Karachi-2*, он же *Karachi Coastal-1*) и «Карачи-3» (*Karachi-3,* он же *Karachi Coastal-2*) с реакторами АСР-1000 общей мощностью 2,12 ГВт и оценочной стоимостью 9,595 млрд долл. После запуска этих энергоблоков («Карачи-2» планируется запустить в эксплуатацию в 2019 г., «Карачи-3» – в 2020 г.) производство электроэнергии в Пакистане увеличится на 15%. Для строительства «Карачи-2» и «Карачи-3» Экспортно-импортный банк Китая (*Export-Import Bank of China*) выделил пакистанской стороне кредит в размере 6,5 млрд долл., что составит 82% расходов на сооружение этих энергоблоков[26].

В настоящее время КНР участвует в строительстве шести ядерных реакторов на АЭС в Пакистане общей мощностью 3,4 ГВт[27]. В феврале 2015 г. китайская сторона подтвердила намерение построить в Пакистане ещё не менее шести ядерных реакторов[28]. Несмотря на критику со стороны ГЯП, пакистано-китайское сотрудничество продолжается. По заявлению китайской стороны,

---

[23] В апреле 2013 г. стоимость работ была несколько увеличена.

[24] China Confirms it is Building Six Nuclear Power Plants in Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailytimes.com.pk/national/09-Feb-2015/china-confirms-it-is-building-six-nuclear-power-plants-in-pakistan (accessed 20.03.2019).

[25] Nuclear Power in Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-O-S/Pakistan/ (accessed 20.03.2019).

[26] Energy Security in Pakistan Could Hydropower Be the Solution [Электронный ресурс]. URL: http://www.hydropower.org/blog/energy-security-in-pakistan-could-hydropower-be-the-solution (accessed 20.03.2019); Alternative Energy Nuclear Power China Builds Nuclear Reactors in Earthquake Prone Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://oilprice.com/Alternative-Energy/Nuclear-Power/China-Builds-Nuclear-Reactors-in-Earthquake-Prone-Pakistan.html (accessed 20.03.2019).

[27] China Confirms it is Building Six Nuclear Power Plants in Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailytimes.com.pk/national/09-Feb-2015/china-confirms-it-is-building-six-nuclear-power-plants-in-pakistan (accessed 20.03.2019).

[28] [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailytimes.com.pk/national/09-Feb-2015/china-confirms-it-is-building-six-nuclear-power-plants-in-pakistan (accessed 20.03.2019)

все строящиеся в Пакистане объекты были согласованы до вступления КНР в ГЯП (2004 г.), поэтому на них не распространяются ограничения, предусмотренные правилами ГЯП[29].

Учитывая безальтернативность китайского участия в строительстве ядерных объектов в Пакистане и растущий взаимный интерес к сотрудничеству, можно ожидать, что КНР продолжит наращивать помощь Пакистану в строительстве АЭС.

Китайские специалисты реализуют в Пакистане проекты гидроэнергетики. В частности, в 2014 г. были запущены ГЭС *Duber Khwar, Jabban* и *Gomal Zam* мощностью соответственно 130 МВт, 22 МВт и 17,4 МВт[30]. В ноябре 2016 г. планировалось начать эксплуатацию ГЭС *Neelum-Jhelum* мощностью 969 МВт на контролируемой Пакистаном территории «Азад Джамму и Кашмир» в 42 км к югу от г. Музаффарабад. Строительство ведётся с 2007 г., и за это время в связи с прокладкой двух участков подземного тоннеля стоимость работ к 2014 г. выросла со 130 млрд рупий (2,14 млрд долл.) до 274,9 млрд рупий (2,72 млрд долл.)[31]. В 2010 г. из-за отказа китайского подрядчика поставить оборудование для строительства подводного тоннеля пакистанской стороне пришлось дополнительно изыскать 47,5 млрд рупий (557,84 млн долл.)[32]. К сентябрю 2014 г. строительство *Neelum-Jhelum* было завершено на 66%. К июлю 2015 г. общая стоимость строительства поднялась до 4,21 млрд долл.[33]. Несмотря на описанные трудности с финансированием, первая очередь *Neelum-Jhelum* мощностью 242,25 МВт была запущена в эксплуатацию в апреле 2018 г.

Строительство ГЭС *Neelum-Jhelum* задержал и спор между Пакистаном и Индией о разделе вод реки Джелум (на индийской территории река называется Кишанганга). Индия строит на этой реке ГЭС *Kishanganga Hydroelectric Plant* мощностью 330 МВт, и могла после запуска ГЭС отбирать значительную часть речной воды для своих нужд. Хотя все спорные вопросы раздела вод бассейна

---

[29] Energy Security in Pakistan Could Hydropower Be the Solution [Электронный ресурс]. URL: http://www.hydropower.org/blog/energy-security-in-pakistan-could-hydropower-be-the-solution (accessed 20.03.2019); Alternative Energy Nuclear Power China Builds Nuclear Reactors in Earthquake Prone Pakistan [Электронный ресурс]. URL: http://oilprice.com/Alternative-Energy/Nuclear-Power/China-Builds-Nuclear-Reactors-in-Earthquake-Prone-Pakistan.html (accessed 20.03.2019).

[30] Energy Security in Pakistan Could Hydropower Be the Solution. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hydropower.org/blog/energy-security-in-pakistan-could-hydropower-be-the-solution (accessed 20.03.2019).

[31] Среднегодовой курс пакистанской рупии к доллару США в 2007 г. составил: 60,68 рупий за 1 долл. [Электронный ресурс]. URL: http://www.x-rates.com/average/?from=PKR&to=USD&amount=1&year=2007 (дата обращения: 20.03.2019); Среднегодовой курс пакистанской рупии к доллару США в 2014 г. составил: 101,03 рупий за 1 долл. [Электронный ресурс]. URL: http://www.x-rates.com/average/?from=PKR&to=USD&amount=1&year=2014 (дата доступа: 17.10.2017); Pakistan's Energy Crisis Could Topple Government Warns Expert [Электронный ресурс]. URL: http://www.thethirdpole.net/pakistans-energy-crisis-could-topple-government-warns-expert/ (accessed 20.03.2019).

[32] Pakistan's Energy Crisis Could Topple Government Warns Expert [Электронный ресурс]. URL: http://www.thethirdpole.net/pakistans-energy-crisis-could-topple-government-warns-expert/ (дата доступа: 17.10.2017). Neelum-Jhelum project facing financial problems [Электронный ресурс]. URL: http://www.dawn.com/news/1129742 (accessed 20.03.2019). Среднегодовой курс пакистанской рупии к доллару США в 2010 г. составил: 85,15 рупий за 1 долл. [Электронный ресурс]. URL: http://www.x-rates.com/average/?from=PKR&to=USD&amount=1&year=2010 (accessed 20.03.2019).

[33] Neelum Jhelum Project Deadline After Deadline pm Wants to Know Final Completion Date [Электронный ресурс]. URL: http://tribune.com.pk/story/924726/neelum-jhelum-project-deadline-after-deadline-pm-wants-to-know-final-completion-date/ (accessed 20.03.2019).

Инда (к которому принадлежит Джелум/Кишанганг) решаются в рамках Постоянной комиссии по Инду, в мае 2010 г. Пакистан обратился в Постоянную палату третейского суда в Гааге для разрешения возникшего спора о разделе вод. В июне 2011 г. представители арбитража посетили обе ГЭС и на индийской, и на пакистанской территории, и после разбирательства в феврале 2013 г. международный арбитражный суд принял решение о том, чтобы Индия уменьшила забор воды в сравнении с запланированным (ранее Индия снизила высоту плотины с 98 до 37 м)[34].

Напомним, что Постоянная комиссия по Инду была учреждена согласно пакистано-индийскому Договору о водах Инда от 1960 г., подписанному при посредничестве Международного банка реконструкции и развития. Заседания Комиссии созываются не реже одного раза в год поочередно в Индии и Пакистане. Договор о водах Инда снял опасения Пакистана относительно возможного ограничения индийской стороной притока на пакистанскую территорию воды рек бассейна Инда, поскольку их истоки находятся в Индии. Сокращение притока воды могло бы вызвать в Пакистане засуху и голод. Отметим, что после заключения Договора Индия строго соблюдает его положения.

Споры из-за сооружения ГЭС в Кашмире происходят регулярно. Так, в сентябре 2013 г. Пакистан выступил против строительства индийских ГЭС на реке Чинаб (ГЭС *Ratle* мощностью 850 МВт, ГЭС *Miyar* – 120 МВт, ГЭС *Lower Kalnai* – 48 МВт) и реке Марусаадар (ГЭС *Pakal Dul* – 1 ГВт), опасаясь снижения уровня воды в этих реках на пакистанской стороне[35]. Следует отметить, что Индия пока отказалась от реализации своих планов.

С помощью КНР Пакистан активно развивает свои энергетические мощности. Так, в ходе визита в КНР тогдашнего премьер-министра Пакистана Н. Шарифа 7–9 ноября 2014 г. были подписаны 19 соглашений в сфере энергетики, в т.ч.: о строительстве ТЭС на угле мощностью 330 МВт в Тхаре; ТЭС в Музаффаргархе и Кадирабаде мощностью по 660 МВт; ГЭС в Сукикинари; ветроустановок мощностью 99 МВт в провинции Синд; о наращивании с 0,1 до 1 ГВт мощности солнечного парка *Quaid-e-Azam* в Бахавальпуре.

Китай оказывает Пакистану содействие и в развитии транспортной инфраструктуры. В частности, в марте 2007 г. специалистами из КНР завершено сооружение глубоководного морского порта Гвадар (провинция Белуджистан).

Таким образом, эффективность китайской помощи Пакистану весьма высока, а её влияние на пакистанскую экономику трудно переоценить.

---

[34] India Can Divert Only Minimum Water from Kishanganga Tribuna [Электронный ресурс]. URL: http://www.dawn.com/news/786983/india-can-divert-only-minimum-water-from-kishanganga-tribunal/?view=print (accessed 20.03.2019).

[35] Pakistan to Raise Objections over four Indian Power Projects in Kashmir [Электронный ресурс]. URL: http://tribune.com.pk/story/607451/pakistan-to-raise-objections-over-four-indian-power-projects-in-kashmir/ (accessed 20.03.2019).

Финансовая помощь от арабских стран Персидского залива

Ещё один важный источник финансовой помощи Пакистану – арабские страны Персидского залива. Примечательно, что диаспора в данном случае не играет сколь-либо существенной роли, т.к. представлена в регионе в подавляющем большинстве низкоквалифицированной рабочей силой. Главным образом, эта практика уходит своими корнями в 1970-е гг., когда З.А. Бхутто установил эти взаимовыгодные связи с государствами данного региона. У них есть избыток капитала, который они готовы предоставить «родственным» странам. Среди стран этого региона крупнейшим донором Исламской Республики Пакистан являются ОАЭ, оказывающие финансирование как социальных проектов (в сфере образования, здравоохранения, решение проблем домашних хозяйств, например, очистки воды), так и инфраструктурных (строительство дорог, шоссе, мостов и проч.). К примеру, в 2010–2013 гг. ОАЭ выделили 1 млрд дирхам (около 270 млн долл.) на развитие пакистанской инфраструктуры и её восстановление после наводнений, реализацию 60 проектов в сфере образования, а также строительство медицинских учреждений и закупку для них современного оборудования[36]. В 2018 г. ОАЭ предоставили Пакистану гуманитарную помощь на 200 млн долл.[37]. Кроме того, ОАЭ периодически выделяют средства на ликвидацию дефицитов пакистанского бюджета.

Крупным донором Пакистана с 1970-х гг. выступает Саудовская Аравия, предоставляющая как гуманитарную помощь после природных катаклизмов, так и помощь на развитие экономики. Так, в 2005 г. после землетрясения в Кашмире Пакистан получил от Саудовской Аравии 3,3 млрд долл. В 2010 г. после разрушительного наводнения правительство Саудовской Аравии предоставило более 1,05 млрд долл. (13,3% объёма помощи, которую Пакистан получил от мирового сообщества). Сверх этого Саудовская Аравия направила в Пакистан 30 грузовых самолётов с товарами первой необходимости; наземный конвой из 1 тыс. грузовиков с пшеницей, палатками для беженцев и проч.; два полевых госпиталя, оснащённых медицинским оборудованием и укомплектованных медицинским персоналом. Помощь оказали лично король Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд, предоставивший 300 млн реалов, кронпринц Султан ибн Абдул-Азиз Аль Сауд[38] – 10 млн реалов, министр внутренних дел принц Мухаммад ибн Наиф Аль Сауд – 5 млн реалов[39].

---

[36] UAE Aid to Pakistan Tops dh1 bn in three Years [Электронный ресурс]. URL: http://www.thenational.ae/uae/uae-aid-to-pakistan-tops-dh1bn-in-three-years (accessed 20.03.2019).

[37] UAE announces $200 million in humanitarian aid to Pakistan [Электронный ресурс]. URL: https://defence.pk/pdf/threads/uae-announces-200-million-in-humanitarian-aid-to-pakistan.557411/ (accessed 20.03.2019).

[38] С 23 января 2015 г. после смерти своего единокровного брата короля Абдаллы Султан ибн Абдул-Азиз Аль Сауд стал королём Саудовской Аравии.

[39] Pakistan-Saudi Arabia Relations [Электронный ресурс]. URL: http://pakembassyksa.com/PakSRel.aspx (accessed 20.03.2019).

Стоит упомянуть грант на сумму 1,5 млрд долл., полученный от Саудовской Аравии в феврале 2014 г. для поддержки экономики, в том числе для стабилизации курса пакистанской рупии и решения долговых проблем[40], а также грант в размере 122 млн долл., полученный в марте 2016 г.[41]. На выделенные в 2015 г. Саудовской Аравией средства в объёме 10 млн долл. в Пакистане построено здание Международного исламского университета[42]. Помощь развитию, как правило, предоставляется под осуществление определённых закупок (например, в 2010 г. Саудовская Аравия выделила Пакистану 200 млн долл. на закупку мочевины) или реализацию проектов (80 млн долл. на сооружение ГЭС)[43]. В целом за период 2007-2017 гг. Пакистан получил от Саудовской Аравии помощь в объёме 521,9 млн долл. на реализацию 108 проектов[44].

Большую помощь Пакистану предоставляет и Кувейт, который в 2005 г. одним из первых пришёл на помощь Пакистану при ликвидации последствий землетрясения, предоставив 100 млн долл. В 2006 г. председатель Кувейтского отделения Международного Комитета Красного Креста предложил пакистанскому правительству построить в разрушенных землетрясением районах два медицинских госпиталя[45]. В 2010 г. после разрушительного наводнения в Пакистане правительство Кувейта предоставило около 25 млн долл.[46].

Выводы

Хотя иностранная помощь Пакистану уменьшается в объёме, она попрежнему оказывает весьма существенное влияние на развитие национальной экономики, прежде всего в силу ограниченности национальных финансовых и научно-технических ресурсов. При этом существенные ограничения на приток помощи отсутствуют, что свидетельствует о том, что на современном этапе Пакистан скорее придерживается модели «самоподдерживаемого», нежели «самообеспеченного роста». Есть все основания предполагать, что в среднесрочной перспективе смены модели развития не произойдёт.

---

[40] Saudi Arabia loaned Pakistan $1.5bn to shore up economy [Электронный ресурс]. URL: http://www.dawn.com/news/1092913 (accessed 20.03.2019).

[41] Saudi extends $122 million economic aid to Pakistan [Электронный ресурс]. URL: https://www.almasdarnews.com/article/saudi-extends-122-million-economic-aid-pakistan/ (accessed 20.03.2019).

[42] Pakistan-Saudi Arabia Relations [Электронный ресурс]. URL: http://pakembassyksa.com/PakSRel.aspx (accessed 20.03.2019).

[43] Ibid.

[44] Malik Al Ash-Shaykh. Top 10 recipients of foreign aid from Saudi Arabia [Электронный ресурс]. URL: https://stepfeed.com/top-10-recipients-of-foreign-aid-from-saudi-arabia-1685 (accessed 20.03.2019).

[45] Khurram A. Pakistan's Relations with Gulf States [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipripak.org/pakistans-relations-with-gulf-states/ (accessed 20.03.2019).

[46] Javaid A. The Pakistan-Kuwait relations // Kuwait Times. - 10.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://news.kuwaittimes.net/website/the-pakistan-kuwait-relations/ (accessed 20.03.2019).

Список литературы:

1. Галищева Н.В. Экономика стран Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивы, Бутан). Москва: Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2009. 768 с.
2. Галищева Н.В. Экономические отношения Пакистана и Китая // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 4(35). С. 2-5.
3. Галищева Н.В. Экономическое сотрудничество Пакистана и США // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 2(37). С. 2-5.
4. Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана (1947-2012): макроэкономический анализ /Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 384 с.
5. Ломакин В.К. Британия в мировой экономике. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 407 с.
6. Медовой А.И. Иностранный капитал в Индии. М.: Международные отношения, 1966. 136 с.
7. Anwar Mumtaz, Michaelowa Katharina. The Political Economy of US Air to Pakistan // Review of Development Economics. 2006. 10(2). P.195-209.
8. Chenary H.B. and MacEwan A. Optimal Patterns of Growth and Aid: the Case of Pakistan // Pakistan Development Review. Vol. 6 (2). Summer 1966. P. 220–240.
9. Goldin Ian, Reinert Kenneth. Globalization for Development. Meeting New Callenges. NY: Oxford University Press, 2012. 337 p.
10. Khan Muhammad A., Ahmed Ayaz. Foreign Aid – Blessing or Curse: Evidence from Pakistan // The Pakistan Development Review. Autumn 2007. 46(3). P. 215-240.
11. Khan Mushtaq H. Aid and Governance in Vulnerable States: Bangladesh and Pakistan since 1971 // The Annals of the American Academy. November 2014. – 656. P.59-78.
12. Luqman Muhammad, Haq Mirajul, Khan Karim. The Role of Politiacal Regimes in the Macroeconomic Effectiveness of Foreign Aid in Pakistan // South Asian Journal of Macroeconomics and Public Finance. 2015. 4(1). P.118-137.
13. Pakistan Almanac: 2002 – 2003, Essential Data on Pakistan. Royal Book Company, Karachi, Pakistan, 2003. 568 p.
14. Rahman M.A. Perspective Planning for Self-Assured Growth: An Approach to Foreign Capital from Recipient's Point of View // The Pakistan Development Review. Spring 1968. P. 5–25.
15. SAARC / Edited by Imtiaz Alam. Pakistan, Lahore: SAPANA, 2006. 499 p.
16. Thirlwall A.P. Economics of Development. Theory and Evidence (Ninth Edition). Palgrave Macmillan, 2011. 678 p.
17. Todaro M., Smith S.C. Economic Development (Tenth Edition). Addison-Wesley, 2009. 861 p.
18. Wizarat S. Fighting Imperialism. Liberating Pakistan. Najam Printing Press. Karachi, 2011. 360 p.
19. Zaidi A.S. Issues in Pakistan's Economy. Oxford University Press. Karachi, 2014. 530 p.
20. Zaidi A.S. Pakistan's Economic and Social Development: the Domestic, Regional and Global Context. Rupa.Co in Association with Observer Research Foundation. New Delhi, 2004. 109 p.

Об авторе:

Наталья Валерьевна Галищева – д.э.н., заведующая кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России. E-mail: galistcheva@yandex.ru.

FOREIGN AID AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF ECONOMY OF THE DEVELOPING STATE: THE EXPERIENCE OF PAKISTAN

N.V. Galistcheva
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-136-158

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The aim of this study is to analyze the use of foreign aid for stimulating economic development using the case of Pakistan and to find out advantages and disadvantages of raising national financial resources through foreign aid. The article analyzes the evolution of the policy of attracting financial resources through this channel, as well as the main Pakistani donors and their conditions.

The author uses the most representative theories which consider the consequences of attracting foreign assistance to the national economy making the theoretical basis of the study a synthesis of the concept of aid as the most important factor to stimulate development and M.A. Rahman's approach to determining an impact of foreign aid inflows on economic growth.

The article emphasizes that foreign aid has always been very significant in stimulating the development of the Pakistani economy due to the serious limitation of the volume of national capital since its independence.

The author considers the effectiveness of assistance provided to Pakistan during the import substitution period of its economic policy. The construction of large objects of heavy industries and infrastructure in various regions of the country was financed from external resources.

The article also analyzes the current volume, conditions and forms of foreign assistance provided to Pakistan. The author considers the main donors of the Pakistani economy in the 1990s and 2010s and reveals the tendency of shifting the terms of aid's allocation from grants to concessional loans, which inevitably leads to an increase in the volume of the country's external debt.

Key words: the economy of Pakistan, the liberal reforms, the rate of gross savings and the rate of gross capital formation in Pakistani economy, the foreign aid to Pakistan, the main donors of Pakistan, the technical assistance in the Pakistani economy, Pakistan as a recipient of the foreign aid, the self-assured and self-sustained growth, the Arab countries of the Persian Gulf as the financial donor of Pakistan, China as the new financial donor of Pakistan, grants in the Pakistani economy, the humanitarian assistance to Pakistan.

References

1. Galishcheva N.V. *Ekonomika stran Yuzhnoi Azii* [The Economy of South Asian countries]. Moscow, MGIMO University Publ., 2009. 768 p. (In Russian).
2. Galishcheva N.V. Ekonomicheskie otnosheniya Pakistana i Kitaya [The economic relations between Pakistan and China]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo.* 2015, no. 4(35), pp. 2-5. (In Russian).
3. Galishcheva N.V. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Pakistana i SSHA [The economic cooperation between Pakistan and the USA]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo.* 2016, no. 2(37), pp. 2-5. (In Russian).
4. Kamenev S.N. *Ekonomicheskoe razvitie Pakistana (1947-2012): makroekonomicheskij analiz* [The economic development of Pakistan: macroeconomic analysis]. Moscow, IV RAN; The Centre of strategic conjuncture, 2014. 384 p. (In Russian).
5. Lomakin V.K. *Britaniya v mirovoj ehkonomike* [Britain in the world economy]. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2010. 407 p. (In Russian).
6. Medovoj A.I. *Inostrannyj kapital v Indii* [Foreign capital in India]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1966. 136 p.
7. Mumtaz A., Michaelowa K. The Political Economy of US Air to Pakistan. *Review of Development Economics.* 2006, vol. 10, no. 2, pp. 195-209.
8. Chenary H.B. and MacEwan A. Optimal Patterns of Growth and Aid: the Case of Pakistan. *Pakistan Development Review.* Summer 1966, vol.6, no. 2, pp. 220– 240.

9. Goldin I., Reinert K. *Globalization for Development. Meeting New Challenges.* NY: Oxford University Press, 2012. 337 p.
10. Khan M. A., Ayaz A. Foreign Aid – Blessing or Curse: Evidence from Pakistan. *The Pakistan Development Review.* Autumn 2007, vol. 46, no. 3, pp. 215-240.
11. Khan M.H. Aid and Governance in Vulnerable States: Bangladesh and Pakistan since 1971. *The Annals of the American Academy.* November 2014, no. 656, pp.59-78.
12. Luqman M., Haq M., Khan K. The Role of Political Regimes in the Macroeconomic Effectiveness of Foreign Aid in Pakistan. *South Asian Journal of Macroeconomics and Public Finance.* 2015, vol. 4, no.1, pp.118-137.
13. *Pakistan Almanac: 2002-2003, Essential Data on Pakistan.* Royal Book Company, Karachi, Pakistan, 2003. 568 p.
14. Rahman M.A. Perspective Planning for Self-Assured Growth: An Approach to Foreign Capital from Recipient's Point of View. *Pakistan Development Review.* Spring 1968, vol. 8, no. 1, pp. 1–22.
15. Imtiaz A. *SAARC.* Pakistan, Lahore: SAPANA, 2006. 499 p.
16. Thirlwall A.P. *Economics of Development. Theory and Evidence.* 9th edition. Palgrave Macmillan, 2011. – 678 p.
17. Todaro M., Smith S.C. *Economic Development.* 10th edition. Addison-Wesley, 2009. 861 p.
18. Wizarat S. *Fighting Imperialism. Liberating Pakistan.* Najam Printing Press. Karachi, 2011. 360 p.
19. Zaidi A.S. *Issues in Pakistan's Economy.* Oxford University Press. 2014. 530 p.
20. Zaidi A.S. *Pakistan's Economic and Social Development: the Domestic, Regional and Global Context.* Rupa.Co in Association with Observer Research Foundation. New Delhi, 2004. 109 p.

About the author:

Natalia V. Galistcheva – Doctor of Science in Economics (Dr. Sc. oec. habil.), the head of the department of the World Economy, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: galistcheva@yandex.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 159-175
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175

ЕВРАЗИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ НЕОФУНКЦИОНАЛЬНОГО «ПЕРЕТЕКАНИЯ»

В.М. Фатыхова

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Становление глобальной экономики знаний требует интенсификации научно-технического и образовательного сотрудничества в целях обеспечения конкурентоспособности, трансфера технологий и повышения качества жизни населения. Особую актуальность эта задача приобретает в интеграционных объединениях, Европейский союз за последние 20 лет доказал эффективность научно-производственной и образовательной кооперации в интересах экономической интеграции. Евразийский экономический союз находится только в начале этого перспективного пути и сталкивается с рядом трудностей.

Цель статьи – проанализировать состояние и перспективы сотрудничества государств-участников ЕАЭС в области науки и высшего образования. Основной тезис автора заключается в том, что запуск процесса единого евразийского образовательного пространства повысит результативность достижения целей Договора о Союзе, улучшая качественные и повышая количественные показатели экономического роста. Пилотные проекты Евразийских технологических платформ, особенно в космической области, не только служат примерами успешного взаимодействия смешанных научных коллективов, но и дают политический сигнал о готовности стран к согласованию своих национальных интересов с долгосрочными интеграционными планами. Сотрудничество в области высшего образования закладывает фундамент единого рынка квалифицированных трудовых ресурсов, способствует формированию кадрового потенциала объединения, развитию связей между молодёжью государств «евразийской пятёрки», взаимопроникновению общих ценностей и идей.

Важный импульс развитию научно-образовательного сотрудничества на пространстве ЕАЭС придаёт политическая и финансовая поддержка России. Однако многие проекты пробуксовывают, что связано с недостаточной популяризацией идеологии евразийства и укоренившейся в странах-партнёрах России националистической риторикой. Решение этих проблем видится в принятии совместных мер по укреплению связей в треугольнике «комплексная информационная под-

УДК: 327.7
Поступила в редакцию 15.03.2019 г.
Принята к публикации 22.04.2019 г.

держка евразийской идеи – научно-образовательное сотрудничество – лояльность населения интеграционному проекту». Если экстраполировать неофункционалистский принцип «перетекания» на научно-образовательную составляющую интеграционных процессов, то при эффективной реализации таких мер в случае успеха эта стратегия приведёт к формированию общественного запроса на углубление интеграционного взаимодействия, включая область науки и образования, что, в свою очередь, принесёт выгоды экономической интеграции и укрепит международную конкурентоспособность ЕАЭС.

Ключевые слова: наука, образование, ЕАЭС, интеграция, научно-образовательное сотрудничество, евразийство, евразийские технологические платформы, общий рынок, академическая мобильность.

В данной статье анализируются состояние и перспективы научно-образовательного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эти вопросы приобрели особую актуальность в свете стремления Союза наращивать экономические связи с быстроразвивающимися экономиками мира и создавать новые пространства международной кооперации[1]. С другой стороны, поставленная в Договоре о создании ЕАЭС цель формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов[2] требует коллективных действий по выработке единых образовательных стандартов, обеспечению условий для развития инновационного бизнеса, устранению барьеров на пути коммерциализации результатов научных исследований и др.

Цель статьи – исследовать проблемы и перспективы научно-образовательного сотрудничества в Евразийском экономическом союзе. Главный тезис статьи заключается в том, что региональное сотрудничество в сфере науки и образования в рамках интеграционных проектов является стимулом для развития конкурентоспособного инновационного производства, повышения качества человеческого капитала, но что более важно – является эффективным механизмом конструирования общерегиональной идентичности, необходимой для углубления интеграции. Данный тезис проверяется на опыте ЕС и предлагается в качестве возможной меры для развития ЕАЭС. Статья состоит из трёх частей: в первой части рассматриваются научно-технические связи и проекты, во второй – образовательная кооперация, в третьей анализируются общие проблемы научно-образовательного сотрудничества и пути их преодоления.

В изучении исследовательской проблемы автор опиралась на оценки экспертов стран ЕАЭС. При рассмотрении деятельности Сетевого университета

[1] Путин призвал создать Евразийское партнёрство // Вести. Экономика. [Электронный ресурс] URL: http://www.vestifinance.ru/articles/71988 (дата обращения: 12.04.2019)

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе // Консультант-Плюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 12.04.2019)

ЕАЭС и евразийских технологических платформ, а также других евразийских образовательных проектов был применён метод кейс-стади.

Анализ научной литературы, посвящённой текущему состоянию интеграционных процессов в ЕАЭС, выявляет три направления исследовательской мысли. Во-первых, выделяется характерная для большинства сфер интеграционного сотрудничества проблема: отсутствие либо закреплённых в нормативно-правовой базе, либо согласованных и устоявшихся в ходе практического взаимодействия механизмов реализации договорённостей и способов учёта интересов других государств-участников. Речь идёт о том, что в евразийских институтах не развиты прозрачные и проработанные инструменты проведения в жизнь решений, принятых на высшем уровне, что связано не столько с институциональной или нормативно-правовой незрелостью, сколько с неготовностью стран-членов как принимать на себя юридические обязательства, так и нести имиджевые издержки при срыве «джентельменских договорённостей». Этот недостаток не только ведёт к замедлению темпов интеграции, но и создаёт угрозу вмешательства внерегиональных игроков, направленного на эрозию евразийской интеграции. [3, с. 176]

Во-вторых, рассматриваются экстенсивные пути развития евразийской интеграции. Так, Д. Ковалева, Л. Сухова, З. Кочкарова, М. Русецкий и В. Быкова полагают, что включение в состав ЕАЭС других постсоветских стран (в частности, Таджикистана и Узбекистана) способно создать синергетический эффект, так как интеграционное сотрудничество в рамках ЕАЭС даёт каждой стране-участнице более существенный объём финансовых преимуществ, чем она бы получила в одиночку [11].

Третья группа исследователей останавливает внимание на ценностно-идеологическом и информационном компоненте евразийского пространства, поддержке населения и конструировании общей евразийской идентичности. И. Андронова, И. Белова, М. Ганеева и Ю. Мосейкин залогом успеха совместных проектов видят усиление одобрения обществом интеграционных проектов, чему должно способствовать научно-техническое сотрудничество, которое приводит к повышению уровня и качества жизни и благоприятно воздействует на формирование системы евразийских ценностей [1, с. 117-130]. Развитие евразийской идеи наравне с укреплением социально-гуманитарной составляющей интеграционных процессов на основе общего культурно-исторического наследия и улучшения социологических показателей ведёт и к росту электоральной поддержки сил, выступающих за интенсификацию интеграционного сотрудничества.

Научная новизна данной работы заключается в анализе научно-образовательной составляющей интеграции через призму неофункционалистской теории с её базовым принципом «перетекания» [9] как межсекторального, так и межуровневого характера. Развитие подхода Э. Хааса в межсекторальном направлении показывает, что сотрудничество в области науки и высшего образования в

формате реализации совместных проектов (от крупных межгосударственных планов до малого инновационного бизнеса) и межвузовских образовательных программ, укрепляет экономику объединения, способствует росту ВВП ввиду повышения её инновационности, развивает общий рынок трудовых ресурсов. «Перетекание» интеграции происходит из научно-образовательной в экономическую сферу. Межуровненевый характер «перетекания» заключается в том, что, согласно предложенной неофункционалистами концепции, негосударственные акторы, заинтересованные в интеграции, могут создавать коалицию непосредственно с надгосударственными институтами для оказания влияния на государства в целях углубления интеграции [10]. В нашем случае этот подход несколько видоизменяется: университеты и научно-исследовательские структуры создают ассоциации, поддерживают активный диалог и выходят на межгосударственный уровень с инициативами о развитии интеграционных процессов, на котором уже принимаются соответствующие политические решения. На практике это выражается в консультативной и аналитической проработке и поддержке реализации евразийских технологических платформ, создания Евразийского сетевого университета, функционирования Славянских университетов[3], перехода на Болонскую систему.

Евразийская наука: на пути к прорыву

Высокая вероятность успеха научно-производственной кооперации в Евразийском экономическом союзе подкреплена заинтересованностью на высшем и высоком политическом уровне: лидеры государств неоднократно высказывались в пользу развития этого вектора евразийской интеграции. В частности, в декабре 2018 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета российский президент В. Путин заявил, что «перспективным представляется сотрудничество государств ЕАЭС в сфере предоставления космических услуг, в том числе создания общей группировки орбитальных аппаратов и продвижения геоинформационных сервисов для рынков третьих стран. Можно подумать над принятием совместной программы научно-технологического развития»[4]. Глава российского государства, по сути, обозначил дальнейшие планы объединения по обеспечению перехода его экономики на инновационные рельсы.

Президент Казахстана Н. Назарбаев в 2016 г., несмотря на сдержанную позицию относительно форсирования интеграции, в интервью ТАСС заявил, что для развития ЕАЭС «отдельная тема – научно-техническое сотрудничество. Обмен опытом и совместная работа для инновационной промышленности, тем более что сейчас все говорят о переходе к четвёртой промышленной революции.

[3] См. например, Российско-армянский (славянский) университет. URL: rau.am.

[4] В ЕАЭС могут принять общую программу научно-технологического сотрудничества [Электронный ресурс]// *Спутник Ньюс*. URL: https://ru.sputniknews.kz/politics/20181206/8379480/putin-otkrytie-veehs-prezidenty.html (дата обращения: 12.04.2019)

Эту революцию надо осуществлять вместе с Россией в индустриально-промышленной области»[5]. В том же году президент Беларуси А. Лукашенко выразил солидарность со своими коллегами: «Президент России предложил странам ЕАЭС участвовать в российских программах. Очень хорошее, правильное и нацеленное на результат решение, и надо активно этим воспользоваться. Мы наметили реализовать в 2016-2020 гг. масштабные научно-технические проекты»[6].

Для углубления научно-технического сотрудничества Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) рекомендует участникам согласовать следующие меры:

– создать специальный фонд для финансирования научных исследований, включая спецфонды для венчурных проектов;

– проработать возможности унификации и гармонизации правового регулирования в области научно-технического и инновационного сотрудничества, включая совершенствование механизмов финансирования научно-технологических проектов и формирование единого цифрового промышленного пространства;

– включить в Договор о ЕАЭС положение о научно-техническом сотрудничестве[7].

По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) на 2017 г., в ЕАЭС научные исследования и разработки выполняли 4926 организаций, из них 3944 (80%) российские. Затраты на научные исследования и разработки составили 24,6 млн долл. в Армении, 319,5 млн долл. в Беларуси, 211,3 млн долл. в Казахстане, 8,2 млн долл. в Киргизии, 17, 4 млрд долл. – почти 97% от общих затрат ЕАЭС на НИОКР – в России[8]. В 2017 г. затраты на НИОКР в России увеличились на 20% по сравнению с 2007 г. Усреднённое значение доли расходов на НИОКР в ВВП составляло в 2013-2016 гг. в Армении 0,22%, в Беларуси – 0,67%, Казахстане – 0,17%, Киргизии – 0,15%, России – 1,13% (для сравнения, в Израиле – 4,09%, в США – 2,73%)[9]. То есть Россия располагает наибольшим потенциалом в сфере НИОКР. Это отнюдь не значит, что Москва стремится реализовать свои «имперские амбиции» путём навязывания вектора инновационного развития. На-

---

[5] Нурсултан Назарбаев: мы будем обсуждать в Ташкенте вопросы дальнейшего развития [Электронный ресурс]// ИА Оружие России. URL: http://www.arms-expo.ru/news/shankhayskaya_organizatsiya_sotrudnichestva/nursultan_nazarbaev_my_budem_obsuzhdat_v_tashkente_voprosy_dalneyshego_razvitiya/?sphrase_id=15897745 (дата обращения: 12.04.2019)

[6] Лукашенко отмечает необходимость проведения скоординированной научно-технической стратегии с партнёрами по ЕАЭС [Электронный ресурс]//Беларусь.by. URL: https://www.belarus.by/ru/business/business-news/lukashenko-otmechaet-neobxodimost-provedenija-skoordinirovannoj-nauchno-texnicheskoj-strategii-s-partnerami-po-eaes_i_41743.html (дата обращения: 12.04.2019)

[7] Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2018 г. [Электронный ресурс]// ЕЭК: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/PagesАналитические%20доклады.aspx (дата обращения: 12.04.2019)

[8] Наука и инновации [Электронный ресурс]// ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/science.aspx (дата обращения: 12.04.2019)

[9] Research and development expenditure (% GDP) [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (дата обращения: 12.04.2019)

против, Россия открыта к евразийскому трансферу технологий, готова делиться и обмениваться опытом с учёными из соседних государств на взаимовыгодной основе, что подтверждает Распоряжение Совета ЕЭК «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ», ставшее результатом длительного согласования научных приоритетов стран Союза[10].

В настоящее время базовым инструментом международного научно-технологического и инновационно-производственного сотрудничества научных организаций, государственных структур, бизнеса и промышленных предприятий выступают Евразийские технологические платформы (ЕТП) – площадки для проведения и внедрения в практику НИОКР. К 2018 г. сформированы 13 приоритетных технологических платформ: «Космические и геоинформационные технологии», «Биомедицина», «Суперкомпьютеры», «Фотоника», «Светодиоды», «Технологии добычи твёрдых полезных ископаемых», «Технологии экологического развития», «ЕвразияБио», «Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК», «Сельское хозяйство», «Лёгкая промышленность», «Технологии металлургии и новые материалы», «Промышленные технологии обеспечения строительной индустрии»[11]. Список технологических платформ, объединяющих 417 научных и промышленных учреждений ЕАЭС, открыт для внесения новых предложений и может быть расширен. Такая подвижность свидетельствует о продолжении работ по изучению мирового научно-технологического опыта и согласованию национальных интересов в данной сфере, что подтверждает стремление государств ЕАЭС к углублению научно-производственной кооперации.

Один из успешно реализуемых проектов – это платформа «Космические и геоинформационные технологии – продукты глобальной конкурентоспособности», нацеленная на формирование на основе данных национального дистанционного зондирования Земли Интегрированной системы ЕАЭС по предоставлению космических и геоинформационных услуг. Учредителями платформы выступают АО «НК “Казахстан Гарыш Сапары”» (Астана, Казахстан); НАО «Алматинский университет энергетики и связи» (Алмата, Казахстан); ЗАО «Международные космические технологии» (Москва, Россия); ООО «Компания “СОВЗОНД”» (Москва, Россия); МГУ им. Ломоносова (Москва, Россия); научно-инженерное республиканское унитарное предприятие «Геоинформационные системы» НАН Беларуси (Минск, Беларусь); БГУ им. Ленина (Минск, Беларусь)[12].

---

[10] Распоряжение Совета ЕЭК «О формировании приоритетных евразийских экономических платформ» [Электронный ресурс] ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Rasporazhenie-soveta-32.pdf (дата обращения: 12.04.2019)

[11] Доклад о деятельности Евразийских технологических платформ [Электронный ресурс]// Аналитические материалы ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/PagesАналитические-материалы-тп.aspx (дата обращения: 12.04.2019)

[12] Там же. С. 9-10.

Анализ кейса евразийской космической технoплатформы позволяет сделать более общие выводы. Во-первых, заинтересованность участников в данной программе свидетельствует об их намерении сотрудничать в важнейшем стратегическом пространстве – космосе и подаёт политический сигнал о прочности объединения и его долгосрочных планах. Во-вторых, ЕТП реализуется силами трёх государств ЕАЭС – России, Беларуси и Казахстана, что подтверждает роль этих стран как локомотива евразийской интеграции, их волю к сотрудничеству в рамках Союза. В-третьих, исполнители проекта расположены в столицах и крупнейшем городе стран-участниц, что говорит о концентрации научного потенциала всего в нескольких точках. С одной стороны, это представляет собой проблему недостаточного уровня развития науки в регионах, с другой – предлагает её решение: ведущие научно-исследовательские организации должны стать флагманами научной мысли, за которыми будут «подтягиваться» региональные учреждения посредством взаимодействия и обмена опытом.

Значительный вклад в исследование научно-технического потенциала евразийских интеграционных процессов внёс коллектив российских исследователей в составе И. Андроновой, И. Беловой, М. Ганеевой и Ю. Мосейкина, которые проанализировали данные опроса общественного мнения об отношении населения стран евразийской пятерки к ЕАЭС, проведённого в 2017 г. Обработка результатов опроса показала, что в целом население всех стран относится к интеграционному проекту положительно – среднее значение доли респондентов, поддерживающих ЕАЭС, составило 64%. При этом наибольшее число позитивно настроенных по этому вопросу граждан пришлось на Киргизию (83%) и Казахстан (76%), в то время как в России этот показатель составил 68%, в Беларуси – 56%, а в Армении – лишь 51%[13]. Эти цифры демонстрируют наличие инерционных настроений среди населения государств Союза, что подтолкнуло исследователей к мысли о необходимости стимулирования положительного восприятия интеграции гражданами, повышения их лояльности. Одним из способов достижения этой цели выступает научно-техническое сотрудничество, понимаемое авторами как компонент устойчивого экономического развития, способствующий улучшению условий жизни населения. И здесь важна не двусторонняя научно-техническая кооперация, а создание общего научно-технологического пространства как незаменимого элемента гуманитарного, информационного и промышленного сотрудничества в ЕАЭС [1, с. 119-121].

Действительно, если экстраполировать неофункционалистскую теорию интеграции с её постулатом о «перетекании» [9] на сферу научно-технологического сотрудничества, то прослеживается определённая закономерность. Внедрение результатов совместных научно-исследовательских разработок затрагивает разные стороны повседневной жизни, от повышения качества и технологич-

[13] Интеграционный барометр ЕАБР-2017 [Электронный ресурс]//ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDB-Centre_2017_Report-46_EDB-Integration-Barometer_RUS_1.pdf (дата обращения: 12.04.2019)

ности бытовых товаров, развития малого бизнеса и заканчивая созданием новых рабочих мест и общим экономическим ростом. Положительные эффекты такого рода формируют запрос общественности на углубление научных связей, что запускает процессы «перетекания» в политическую плоскость, оказывая влияние на принятие политических решений о наращивании интеграционного взаимодействия.

Образовательное сотрудничество ЕАЭС

Формирование общего рынка стран Евразийского экономического союза предполагает свободное перемещение трудовых ресурсов, что требует особого внимания к развитию кадрового потенциала и ставит вопрос о выработке согласованной образовательной политики. По данным ЕЭК, в 2017–2018 гг. число вузов в странах ЕАЭС составляло: в России – 766 (вузы государственные и негосударственные, с учётом филиалов – около 1000), Казахстане – 122, Армении – 61, Беларуси – 52, Киргизии – 51. По программам высшего профессионального образования обучались 5 млн человек: в России – 4,28 млн, в Казахстане – свыше 500 тыс., в Беларуси – около 300 тыс., в Армении – 94,7 тыс., в Киргизии – более 162 тыс.[14]. Во всех странах студенты составляют 2-3% общей численности населения, что свидетельствует об относительно сопоставимом охвате граждан высшим образованием, и, следовательно, является благоприятным фактором для создания в перспективе общего образовательного пространства.

В этом контексте важны показатели академической мобильности студентов внутри интеграционного объединения. В России в 2017/18 уч.г. обучалось 86 788 студентов из стран-членов ЕАЭС: 65 700 – из Казахстана, 10 792 – из Беларуси, 7 247 – из Киргизии, 3 049 – из Армении. В том же году число студентов из ЕАЭС составило: 4817 в Киргизии, 2229 в Казахстане, 1857 в Беларуси, 1156 в Армении[15]. Наиболее востребованными направлениями подготовки среди иностранных студентов являются инженерно-технические и медицинские специальности. Как видно из приведённых данных, Киргизия занимает второе место по количеству обучающихся из государств ЕАЭС, что связано со сравнительно низкой ценой обучения, распространением преподавания на английском языке (что открывает больше перспектив для трудоустройства на родине), с наличием советских русскоязычных педагогических кадров (студенты отмечают их высоких профессионализм), а также с наличием университетов с западной системой образования (в частности, Американский университет в Центральной Азии), в которых коррупционные схемы практически отсутствуют[16].

---

[14] Образование [Электронный ресурс]// ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/education.aspx (дата обращения: 12.04.2019)

[15] Там же.

[16] Почему таджикская молодежь предпочитает кыргызские вузы {Электронный ресурс}// Радио Азаттык. URL: https://rus.azattyk.org/a/tajikistan-students/29623189.html (дата обращения: 12.04.2019)

Среди студентов стран ЕАЭС, которые получают образование в других странах нашей интеграционной группировки, наибольшей привлекательностью пользуются российские вузы. М. Чавыкина выделяет несколько причин такого выбора [7]. Главная – прспективы трудоустройства и продвижения по карьерной лестнице, исходя из целесообразности получить образование в той стране, где выпускник планирует работать, поскольку в студенческие годы помимо профессиональных знаний, приобретаются знания деловой культуры и нарабатываются личные контакты. Важная причина заключается в сравнительно большей конкурентоспособности российских вузов, которая отражается в международных рейтингах. Качество образования определяется совокупностью показателей, в т.ч. уровнем профессорско-преподавательского состава, материально-техническим обеспечением вузов, условиями проживания студентов. Абитуриенты принимают во внимание стоимость обучения и квотирования. Немаловажное значение имеет отсутствие языкового барьера, т.к. русский – официальный язык четырёх из пяти стран Союза.

Российский исследователь С. Юн [8] указывает, что актуальную для государств-членов Союза задачу повышения международной конкурентоспособности следует решать в том числе путём улучшения качества человеческого капитала. В этом контексте он ставит вопрос о назревшей необходимости формирования на евразийском пространстве рынка образовательных услуг с общими нормами и равноправной конкуренцией. Движению в данном направлении препятствуют несколько обстоятельств. Во-первых, отсутствие нормативно-правового регулирования сферы высшего образования: в Договоре о Союзе соответствующих положений нет, а действующее Соглашение ЕврАзЭС о сотрудничестве в области образования (от 2009 г.), которое было инкорпорировано в Договор о прекращении деятельности ЕврАзЭС, своими расплывчатыми формулировками не способно заменить полноценного правового регулирования. Во-вторых, между странами сохраняются различия в системе организации высшего образования, хотя Россия, Беларусь, Армения и Казахстан – участники Болонского процесса, а Киргизия находится на этапе реформирования своей системы в соответствии с Болонскими требованиями. На практике в России действуют уровни бакалавриата и магистратуры, в Казахстане полностью внедрили третий уровень PhD (отменив кандидатские и докторские степени), в Беларуси планируют перейти на двухуровневый цикл. Относительно ситуации в России уточним: согласно Закону об образовании, вступившему в силу 1 сентября 2013 г., «подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программ ординатуры, ассистентуры-стажировки»[17] считается

[17] №273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]// Федеральный портал «Российское образование». URL: http://www.edu.ru/abitur/act.30/index.php#komment1 (дата обращения: 12.04.2019)

третьей ступенью высшего образования. Правда, кандидатская степень и PhD не в полной мере сопоставимы, что создаёт сложности при подтверждении степеней. Тем не менее, в ЕАЭС пусть и медленно, но поступательно идёт процесс гармонизации систем высшего образования на основе Болонских требований, доказавших свою эффективность в Европейском союзе. В-третьих, Казахстан и отчасти Беларусь возражают против включения социально-гуманитарной области в Договор о Союзе, поскольку отток студентов в российские вузы воспринимается в этих странах как негативное явление, противоречащее национальным интересам[18]. Единственным решением этого конфликта национальных и наднациональных интересов представляется совместная работа по формированию общего рынка труда, обеспечивающего специалистам возможности для трудоустройства в любой стране «евразийской пятёрки». Опыт Европейского союза демонстрирует, что преимущества от либерализации образовательных услуг в условиях гармонизации образовательных стандартов превосходят негативный эффект от свободного перемещения квалифицированных кадров.

Белорусская исследовательница Л. Титаренко констатирует, что в ЕАЭС образовательная сфера остаётся на периферии интеграционных процессов, хотя теоретически могла бы им способствовать. Титаренко рассматривает образование как подсистему глобализации, регионализации и информатизации, а Болонский процесс – как модель, которая в наибольшей степени отвечает интересам государств Европейского союза: «… продвигаемая западными странами идея интернационализации рынка образования является выражением рыночных потребностей этих стран в их продвижении в незападное пространство (включая постсоветские страны)» [5, с. 320]. Поэтому государствам ЕАЭС нужно с осторожностью подходить к внедрению Болонских принципов и развивать собственные образовательные интеграционные проекты, отвечающие региональным и национальным интересам, отдавая себе отчёт в том, что интересы глобального развития во многом углубляют процессы социального неравенства в экономике, в образовании и в науке [5, с. 320].

Это очень серьёзный довод, если принять во внимание, что образовательная система в странах ЕАЭС создавалась в советское время на единой основе, которая имеет свои положительные характеристики и считалась одной из наиболее качественных в мире. В настоящее время сохраняет свою актуальность задача по сохранению и адаптации к современным условиям лучших традиций образовательного процесса и межвузовского сотрудничества. Вместе с тем в каждом из государств экономического пространства в сфере высшего образования выработалась национальная специфика. Представляется, что при грамотном адаптивном подходе это обстоятельство не будет препятствовать гармониза-

[18] Следует отметить, что высокая заинтересованность Казахстана и Беларуси в научно-техническом и образовательном сотрудничестве в рамках ЕАЭС не мешает этим странам сдерживать взаимодействие по другим направлениям ввиду опасений за свой суверенитет. В частности, являясь апологетами реализации совместных проектов, Нур-Султан и Минск не торопятся вводить соответствующие нормативно-правовое регулирование.

ции образовательных систем ЕАЭС. В этом контексте логичным представляется мнение М. Лебедевой о важности пересечения европейского и евразийского образовательных пространств между собой, что позволит «не создавать напряжения между различными образовательными моделями, а, напротив, способствовать взаимному обогащению и развитию» [12]. То есть наиболее перспективным вектором для ЕАЭС видится конвергенция лучших элементов Болонского процесса, национальных моделей и адаптированных советских практик системы высшего образования.

Для исследования сферы высшего образования в интеграционных процессах также оправдано применение неофункционалистского подхода [9]. Деятельность вузов по интернационализации образовательных услуг, двойные и тройные программы обучения в бакалавриате и магистратуре, развитие сотрудничества в области вузовской науки, международное партнёрство вузов с бизнесом создают условия для развития общего рынка труда, связей между молодёжью, взаимопонимания между культурами, информированности населения стран друг о друге. Эти процессы, аналогично научно-техническому взаимодействию, способствуют наращиванию контактов и обменов в социально-гуманитарной плоскости, «перетекая» в экономическую область, способствуя росту макроэкономических показателей. Одновременно вузы проявляют заинтересованность в углублении образовательной интеграции и вносят соответствующие предложения на уровень принятия политических решений, которые продвигаются в том числе благодаря экспертно-аналитическому обоснованию со стороны академического сообщества.

Проблемы и перспективы евразийского научно-образовательного сотрудничества

Одним из перспективных проектов евразийской научно-образовательной кооперации считается созданный в 2016 г. для формирования новых кадров, а также решения научных и экономических интеграционных задач Евразийский сетевой университет (ЕСУ) – объединение вузов стран-участниц ЕАЭС во главе с Томским государственным университетом, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом[19]. По словам С. Нарышкина, Сетевой университет должен выступать в двух ипостасях: «Первое – определённый интерфейс между институтами принятия решений на евразийском пространстве. Здесь я имею в виду, прежде всего, профильные министерства, ведомства и Евразийская экономическая комиссия, с одной стороны, и с другой стороны – образовательные и научные организации наших стран. Второе качество – качество

[19] В Союзе развивается евразийский кадровый потенциал [Электронный ресурс]// ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-05-2018-1.aspx. (дата обращения: 12.04.2019)

модератора по организации взаимовыгодного сетевого партнёрства ведущих университетов, научных центров и предприятий наших государств в интересах евразийской интеграции»[20].

В «Ежегодном докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2018 год» отмечается, что Евразийский сетевой университет должен стать площадкой для совместной разработки программы научных исследований и культурно-просветительской деятельности, которая будет направлена на формирование и смысловое наполнение идеологии евразийской интеграции, а также на создание задела для новой научной парадигмы в обществознании с разветвлённым прикладным применением, включая борьбу с терроризмом, социальную инженерию и интеграционную политику[21]. Российская сторона активно продвигает проект ЕСУ, но без поддержки остальных членов ЕАЭС он не получил межправительственного статуса и остаётся рамочной инициативой университетов[22].

13 апреля 2016 г. по инициативе Минобрнауки России в Москве прошла первая встреча министров образования и науки стран Союза, в ходе которой стороны (за исключением Казахстана) подписали Меморандум о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве, который предусматривает формирование консультативных советов в области науки и высшего образования[23]. Однако дальше декларации о намерениях эта инициатива пока не продвинулась во многом из-за позиции Казахстана. Председатель российского Совета Федерации В. Матвиенко в ноябре 2016 г. вновь подтвердила настрой России на развитие сотрудничества в этой области, завив, что создание единого образовательного пространства – ключевая задача ЕАЭС, поскольку партнёрство в области науки и высшего образования «становится необходимым условием развития как отдельных стран, так и евразийского интеграционного процесса в целом. Принципиальное значение имеет повышение эффективности научных исследований. Одно из главных направлений этой работы – гармонизация законодательства в сфере науки, инновационной деятельности и подготовки кадров исследователей»[24].

Таким образом, в ЕАЭС присутствует понимание необходимости углубления научно-технического и образовательного взаимодействия и его пользы для

---

[20] Нарышкин: создание сетевого университета ЕАЭС может оказать содействие решению ряд задач [Электронный ресурс]// ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/3196525 (дата обращения: 12.04.2019)

[21] Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого евразийского партнерства [Электронный ресурс]// Ежегодный доклад СФ ФС РФ за 2018 год. URL: http://council.gov.ru/media/files/j2jC2EeeuM6ZpTKwBapAiDsrk24pC5eo.pdf (дата обращения: 12.04.2019)

[22] Единое образовательное пространство ЕАЭС. Что оно даст Кыргызстану? [Электронный ресурс]// Евразийцы. Новая волна. URL: http://enw-fond.ru/proekty/8926-edinoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-chto-ono-dast-kyrgyzstanu.html (дата обращения: 12.04.2019)

[23] Там же.

[24] В. Матвиенко: Создание единого образовательного пространства – ключевая задача евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: https://interaffairs.ru/news/show/16424 (дата обращения: 12.04.2019)

интеграционных процессов. Почему же эта сфера евразийской интеграции пробуксовывает? Очевидно, что трудности кроются в формах и векторах этого взаимодействия, а также в отношении государств к интеграционному процессу в целом.

Стоит согласиться с С. Ткачук и Д. Митяевым, которые к причинам, замедляющим интеграцию, относят националистическую риторику на русофобской почве в странах ЕАЭС. Реальные социально-экономические проблемы руководство этих стран списывает на последствия «эксплуатации республик Москвой» и «советского угнетения». Проблема в том, что эти установки зачастую укоренены в массовом сознании, поэтому необходимо доступно разъяснять населению преимущества единого экономического пространства с привлечением информационных средств. Позитивную роль в решении этой задачи могла бы также сыграть совместная работа над программой научных исследований социально-гуманитарного профиля. С. Ткачук и Д. Митяев полагают, что идеологическое обоснование общности и взаимности интересов стран-участниц при наращивании сотрудничества между университетами позволит восстановить гуманитарное измерение интеграции для формирования единого образовательного пространства и гармонизации трудового законодательства [6].

Значимость социально-гуманитарного измерения интеграции для упрочения евразийской идеологии подчёркивает российская исследовательница Г. Осадчая [4]. Она также говорит о важности поддержки идей интеграции в обществе, указывая при этом, что такая поддержка может сформироваться только сменой националистической риторики на «евразийскую» – важны реальные действия, убеждающие население в том, что углубление интеграции отвечает его интересам. Нужна программа поддержки евразийского концепта с использованием современных инструментов информационного продвижения идеи, включая социальные сети, научно-экспертное сообщество и образование.

По мнению С. Караганова, главная ценность сотрудничества в сфере науки и образования заключается в налаживании личных связей между гражданами стран, особенно в молодёжной среде. Нынешняя слабость ЕАЭС во многом обусловлена неспособностью или нежеланием элит объяснять самим себе или друг другу выгоды от интеграции, а также слишком медленным формированием общественной поддержки интеграционного процесса. Серьёзная проблема состоит в том, что элиты получают информацию о внешнем мире, в т.ч. и о партнёрах по интеграции, из англосаксонских источников, которые склонны к «фейкам» и односторонней подаче информации.

Текущее состояние научно-технического и образовательного сотрудничества в ЕАЭС характеризуется двойственной тенденцией: с одной стороны, присутствует готовность развивать это направление и понимание значимости науки и высшего образования для продвижения экономической интеграции. Это выражается в реализации совместных научно-технических проектов, наращивании межвузовского сотрудничества и академической мобильности, при

этом Россия выступает локомотивом евразийской интеграции, неся основную долю расходов и увеличивая экспорт образовательных услуг. В научно-технической области базовым инструментом взаимодействия являются Евразийские технологические платформы, которые в случае успеха окажут благоприятное воздействие на экономические показатели объединения ввиду повышения его инновационности. В сфере высшего образования на повестке дня — формирование единого образовательного пространства в интересах укрепления общего рынка трудовых ресурсов, обеспеченного квалифицированными специалистами. Представляется, что в этом контексте наиболее эффективной стратегией была бы гармонизация образовательных систем на основе конвергенции лучших элементов Болонского процесса, национальных моделей и адаптированных советских практик. Повышение наукоёмкости экономики и качества кадрового потенциала Союза закладывает основы для укрепления его региональной и глобальной конкурентоспособности.

С другой стороны, существует ряд проблем и сдерживающих факторов интеграции в ЕАЭС, включая её научно-образовательное измерение, в особенности националистическая риторика на почве русофобских настроений в республиках и недостаточная информированность населения о «евразийской идее» и выгодах евразийских интеграционных процессов. Искоренение этой проблемы видится в совместной работе посредством различных информационных каналов по усилению общественной поддержки интеграционного формата, популяризации благ научно-технического и образовательного сотрудничества.

Ввиду неофункционалистского эффекта «перетекания» накопление положительного опыта научно-образовательного взаимодействия создаёт, во-первых, благоприятные условия для развития экономической интеграции, а во-вторых, благодаря лоббированию негосударственных акторов (вузов и научно-исследовательских структур) формирует общественный запрос, стимулирующий принятие соответствующих политических решений и последующих мер по углублению этого сотрудничества и включению в него новых участников, которые, в свою очередь, способствуют дальнейшему расширению межвузовского сотрудничества, деятельности смешанных научных коллективов по реализации совместных проектов, а также продвижению информационной поддержки евразийской идеи. Образуется треугольник взаимосвязанных областей «комплексная информационная поддержка евразийской идеи – научно-образовательное сотрудничество – лояльность населения интеграционному проекту», который требует скоординированных усилий евразийских партнёров по их проработке, что окажет синергетический эффект на интеграционное объединения, способствуя успешной реализации обозначенных в Договоре о Союзе целях.

Список литературы:

1. Андронова И., Белова Н., Ганеева М., Мосейкин Ю. Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 117-130.
2. Караганов С. ЕАЭС: от замедления к углублению [Электронный ресурс] Российская газета. URL: https://rg.ru/2018/12/04/karaganov-integraciia-v-ramkah-eaes-prinosit-politicheskie-vygody.html (дата обращение: 12.04.2019)
3. Обухов А., Головко Н. Реконструкция миросистемного подхода в контексте интеграционных процессов в современной Евразии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. №2. С. 173-187.
4. Осадчая Г.И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник РУДН. 2015. Серия: Социология. №4. С. 57-70.
5. Титаренко Л.Г. Место и роль интеграции систем высшего образования в международном сотрудничестве стран ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №1-2. С. 319-321.
6. Ткачук С., Митяев Д. «Мягкая сила» науки и образования в развитии евразийской экономической интеграции // Экономические стратегии. 2018. №2. С. 182-188.
7. Чавыкина М.А. Академическая мобильность в странах ЕАЭС: современное состояние и перспективы развития // Креативная экономика. 2017. №9. С. 931-942.
8. Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №50. С. 89-92.
9. Haas E. International Integration: The European and the Universal Process // International Organization. 1961. Vol. 15. No. 3. Pp. 366-392.
10. Haas E. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1968. 552 p.
11. Kovaleva V., Sukhova L., Kochkarova Z., Rusetskiy M., Bykova V. Eurasian economic integration: Problems and prospects // Academy of Strategic Management Journal. 2018. Vol. 17. Issue 4.
12. Lebedeva M.M. International political processes of integration of education // Integration of Education. 2017. Vol. 21. No. 3. Pp. 385-394. www.doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394

Об авторе:

Вероника Михайловна Фатыхова – третий секретарь Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119200 Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34, МИД РФ. E-mail: photii@yandex.ru.

EURASIAN COOPERATION IN SCIENCE AND HIGHER EDUCATION: PROSPECTS OF NEOFUNCTIONAL «SPILLOVERS»

V.M. Fatykhova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: Development of the global knowledge-driven economy requires the intensification of scientific, technical and educational cooperation in order to ensure competitiveness, technology transfer and improve the quality of life of the people. This task is particularly relevant in integration associations: over the past 20 years the European Union has proved the effectiveness of scientific, industrial and educational cooperation in the interests of economic integration. The Eurasian economic Union is only at the beginning of this promising path and faces a number of difficulties.

The purpose of the article is to analyze the state and prospects of cooperation of the EAEU member States in the field of science and higher education. The main thesis of the author is that the launch of the process of the common Eurasian educational space will increase the effectiveness of achieving the goals of the Union Treaty, improving the quality and quantity of economic growth. The pilot projects of the Eurasian technology platforms, especially in the space field, not only serve as examples of successful interaction of mixed research teams, but also give a political signal of the readiness of countries to coordinate their national interests with long-term integration plans. Cooperation in the field of higher education lays the Foundation for a single market of qualified labor resources, contributes to the formation of the personnel potential of the Association, the development of relations between the youth of the "Eurasian five", the interpenetration of common values and ideas.

Political and financial support for Russia gives an important impetus to the development of scientific and educational cooperation in the EAEU. However, many projects are hold up due to the lack of popularization of the ideology of Eurasianism and nationalist rhetoric rooted in the partner countries of Russia. The solution of these problems is in the adoption of joint measures to strengthen ties in the triangle «comprehensive information support of the Eurasian idea – scientific and educational cooperation – loyalty of the people to the integration project». If we extrapolate the neo-functional principle of «spillover» to the scientific and educational component of the integration processes, then with the effective implementation of such measures, if successful, this strategy will lead to the formation of a public demand for deepening integration cooperation, including the field of science and education, which, in turn, will bring benefits of economic integration and strengthen the international competitiveness of the EAEU.

Key words: scientific and educational cooperation, Eurasianism, Eurasian technology platforms, common market, academic mobility.

References

1. Andronova I., Belova N., Ganeyeva M., Moseykin Yu. Nauchno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo v ramkakh YEAES kak vazhneyshiy faktor loyal'nosti naseleniya stran-uchastnits k integratsionnomu ob'yedineniyu i yego prityagatel'nosti dlya novykh chlenov [Scientific-Technical Cooperation Within The EAEU as a Key Factor of the Loyalty of the Participating Countries' Population To the Integration and of Its Attractiveness for New Members]. *RUDN-Review. Sociology,* 2018, vol. 18, no. 1, pp. 117-130. (In Russian)
2. Karaganov S. YEAES: ot zamedleniya k uglubleniyu [EAEU: from Deceleration to Deepening]. *Russian Newspaper.* (In Russian). URL: https://rg.ru/2018/12/04/karaganov-integraciia-v-ramkah-eaes-prinosit-politicheskie-vygody.html (accessed 13.05.2019)
3. Obukhov A., Golovko N. Rekonstruktsiya mirosistemnogo podkhoda v kontekste integratsionnykh protsessov v sovremennoy Yevrazii [Reconstruction of the World-System Approach in the Context of Integration Processes in Modern Eurasia]. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University,* 2018, vol. 8, no. 2, pp. 173-187. (In Russian)
4. Osadchaya G.I. Rossiya v kontekste yevraziyskoy integratsii: sotsial'noye izmereniye [Russia in the Context of Eurasian Integration: the Social Dimension]. *RUDN-Review.* Sociology, 2015, no. 4,

pp. 57-70. (In Russian).
5. Titarenko L.G. Mesto i rol' integratsii sistem vysshego obrazovaniya v mezhdunarodnom sotrudnichestve stran YEAES [The Place and Role of Integration of Higher Education Systems in International Cooperation of the EAEU countries]. *Big Eurasia: Development, safety, cooperation,* 2018, no. 1-2, pp. 319-321. (In Russian).
6. Tkachuk S., Mityayev D. «Myagkaya sila» nauki i obrazovaniya v razvitii yevraziyskoy ekonomicheskoy integratsii ["Soft Power" of Science and Education in the Development of Eurasian Economic Integration]. *Economic strategy,* 2018, no. 2, pp. 182-188. (In Russian). URL: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2018_02/es2018-02-182-188_Tkachuk_Mityaev.pdf (accessed 09.04.2019)
7. Chavykina M.A. Akademicheskaya mobil'nost' v stranakh YEAES: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Academic Mobility in the EEU Countries: Current State and Development Prospects]. *Creative Economy,* 2017, no. 9, pp. 931-942. (In Russian)
8. Yun S.M. Obrazovaniye kak sfera sotrudnichestva v ramkakh Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: problemy i perspektivy [Education as a Sphere of Cooperation in the Framework of the Eurasian Economic Union: Problems and Prospects]. *Tomsk State University Bulletin. History,* 2017, no. 50, pp. 89-92. (In Russian).
9. Haas E. International Integration: The European and the Universal Process. *International Organizaion,* 1961, vol. 15, no. 3, pp. 366-392.
10. Haas E. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-1957.* Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1968. 552 p.
11. Kovaleva V., Sukhova L., Kochkarova Z., Rusetskiy M., Bykova V. Eurasian economic integration: Problems and prospects. *Academy of Strategic Management Journal,* 2018, vol. 17, issue 4.
12. Lebedeva M.M. International political processes of integration of education. *Integration of education,* 2017, vol. 21, no. 3, pp. 385-394. www.doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394

About the author:

Veronika M. Fatykhova – third secretary in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Master in Political Science. 119200, Moscow, Smolenskaya-Sennaya sq., 32/34.
E-mail: photii@yandex.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 176-195
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-176-195

ИНТЕРВЬЮ

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

П.И. Касаткин, Е.А. Антюхова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Сегодня в России существенно меняется система государственной научной аттестации: полномочия от федеральных органов исполнительной власти передаются образовательным и научным организациям. В результате допускается самостоятельность в выборе механизмов, порядков и процедур формирования диссертационных советов и критериев присуждения учёных степеней. Одновременно происходит переосмысление аксиологических основ диссертационной культуры через преодоление проблем, связанных с подлинностью и качеством диссертационных исследований, путём повышения репутационной ответственности организаций и учёных.

31 мая 2019 г. исполняется год с момента перехода МГИМО на новую модель государственной научной аттестации. Присуждение учёной степени происходит по результатам защиты диссертаций на заседании диссертационного совета из пяти докторов наук, трое из которых – сотрудники МГИМО, а двое – приглашённые учёные из других организаций. Двое из пяти – специалисты с публикациями по тематике исследования, совмещающие роль члена диссертационного совета и официального оппонента. Результат защиты поливариативен: наряду с возможностью принятия отрицательного решения допускается присуждение учёной степени без доработок текста, а также при условии незначительных и значительных доработок текста исследования. Отсутствие подобных возможностей в предыдущей практике государственной научной аттестации определили переход к новой модели многие образовательные и научные организации.

Начальник управления научной политики П.И. Касаткин и заместитель начальника отдела диссертационных советов Е.А. Антюхова не только сами учувствовали в разработке и реализации новой модели присуждения научных степеней в МГИМО, но и проанализировали соответствующий опыт коллег из российских вузов и научных центров. Редакция журнала поговорила с ними о том, какие тенденции были ими обнаружены в России в целом и о специфики опыта МГИМО.

Ключевые слова: диссертационная культура, диссертационный совет, присуждение учёных степеней, научная аттестация, соискатель, оппонент, рецензент, научная публикация, пилотный проект, Высшая аттестационная комиссия ВАК, Минобрнауки

УДК 378.21
Поступила в редакцию 5.03.2019 г.
Принята к публикации 10.04.2019 г.

В.М.: ***Уважаемые коллеги, расскажите, пожалуйста, предысторию перехода на новую модель государственной научной аттестации в России?***

П.И. Касаткин: В 2013 г. по поручению председателя Правительства Российской Федерации началась подготовка предложений о реализации пилотного проекта по предоставлению ведущим образовательным и научным организациям права самостоятельно присуждать учёные степени и выдавать соответствующие дипломы. Кроме того, было поручено провести общественное обсуждение и выработать предложения по наукометрическим требованиям к организациям, на базе которых действовали диссертационные советы, к их членам, членам экспертных советов ВАК, их отбору и ротации, сроку апелляции решений о присуждении учёных степеней. Поручение также касалось необходимости повышения открытости и прозрачности научной аттестации, например, публикации в интернете отдельных материалов аттестационных дел соискателей, а также сведений о результатах защит[1]. Дискуссия о накопившихся проблемах, вызревших в отечественной системе научной аттестации, получила новый импульс [1–10].

Часть экспертов выразили надежду на то, скорейшее принятие обозначенных председателем Правительства мер приблизит Россию к мировым практикам научной аттестации, что положительно скажется на экспорте российских образовательных услуг и приведёт к расширению сети двойных и совместных аспирантских программ, продемонстрировав высокий уровень доверия власти к академическому сообществу и сложившимся ведущим научным школам. При этом персонификация репутационной ответственности руководителей диссертационных советов и ректоров за выдачу дипломов должна повысить требовательность к качеству защищаемых текстов.

Однако обнаружилось не меньше противников предлагавшихся преобразований. В ходе дискуссий[2] апологеты традиционной системы аттестации указывали на отсутствие в проектах механизма контроля за реализацией передаваемых полномочий, на наличие в репутации ряда организаций, получающих право самостоятельно присуждать учёные степени, «тёмных пятен», связанных с ранее защищёнными в их стенах диссертациями, содержавшими некорректные заимствования, что зачастую приводило к решениям о лишении учёной степени, а также с работой в этих организациях лиц, уличённых в академической недобросовестности. Часть противников предлагаемого пилотного проекта охарактеризовали идею передачи организациям права присуждения учёных

---

[1] Перечень поручений, данных Дмитрием Медведевым по итогам совещания о совершенствовании системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических работников // Government.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/orders/selection/401/1090/ (дата обращения: 01.03.2019).

[2] Газета «Троицкий вариант – наука». [Электронный ресурс]. URL: https://trv-science.ru/2018/04/24/po-novym-pravilam/; URL: https://trv-science.ru/2017/05/29/zayavlenie-soveta-po-nauke-pri-minobrnauki-o-samostoyatelnom-prisuzhdenii-uchenyx-stepenej-otdelnymi-organizaciyami/; URL: https://trv-science.ru/2017/09/12/stena-to-gnilaya/; URL:https://trv-science.ru/2016/05/31/vak-vrazhdebna-nauchnomu-dukhu/ (дата обращения: 01.03.2019) и др.
Платформа «Republic.ru» [Электронный ресурс]. URL: https://republic.ru/posts/68533 (дата обращения: 01.03.2019.); Вольное сетевое сообщество «Диссернет». [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissernet.org (дата обращения: 01.03.2019).

степеней как скатывание к опасной «келейности» и «замкнутости», отстаивая приоритетность и незаменимость ВАК как гаранта сохранения единого научного пространства в России. Высказывались идеи о возвращении практики включения в аттестационное дело личных характеристик соискателя, впервые появившихся там ещё в 1938 г.[3], требований немедленного исключения из состава общественного совета при Минобрнауки «представителей крайне правой либеральной оппозиции» [11].

Е.А. Антюхова: Первоначально права, предусмотренные абзацами 2-4 п. 3.1 ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», были предоставлены МГУ и СПбГУ[4]. Через год Правительство определило механизм отбора организаций, претендующих на включение в пилотный проект[5]. На рассмотрение поступило 30 заявок от образовательных организаций и 21 – от научных; вошли в перечень соответственно 19 и 4[6]. В 2018 г. заявки подали три научные и девять образовательных организаций, включены были две образовательные организации[7]. Приказами Минобрнауки были также определены отрасли наук для каждой из организаций-участниц[8].

Благодаря позиции, согласованной в ходе совещаний в Правительстве осенью 2017 г., было признано целесообразным предоставлять организациям возможность присуждения учёных степеней по тем отраслям наук, по которым на их базе ранее отсутствовали диссертационные советы, созданные по общим правилам государственной научной аттестации. Таким образом, суммарное число отраслей, по которым организациям предоставлено право самостоятельного присуждения учёных степеней, возросло со 145 до 175.

---

[3] Инструкция о порядке применения постановлений СНК СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. «Об учёных степенях и званиях». 23 сентября 1938 г. // Об ученых степенях и званиях. М.: Советская наука. 1939. С. 11-14.

[4] Федеральный закон от 23.05.2016 № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике"» // Российская газета. № 111. 25.05.2016.

[5] Постановление Правительства РФ от 11.05.2017 № 553 (ред. от 01.10.2018) «Об утверждении Положения о формировании перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике"» // Российская газета. № 105. 18.05.2017.

[6] Распоряжение Правительства РФ от 23.08.2017 № 1792-р «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ».

[7] Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2018 г. № 1766-р «О внесении дополнения в Перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, утв. распоряжением Правительства РФ от 23.08.2017 № 1792-р». См. табл. 1.

[8] Приказ Минобрнауки России от 15.11.2017 № 1113 «Об утверждении перечня отраслей науки, в рамках которых научным организациям и образовательным организациям высшего образования, включённым в утверждённый Правительством Российской Федерации в соответствии с абзацем шестым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике" перечень, предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвёртым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона». Приказ Минобрнауки России от 16.10.2018 № 48н «Об утверждении перечня отраслей науки, в рамках которых научным организациям и образовательным организациям высшего образования, включённым в утвержденный Правительством Российской Федерации в соответствии с абзацем шестым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике" перечень, предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвёртым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона».

Таблица 1. Перечень научных и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами 2-4 пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»

	Полное наименование организации	Краткое наименование в соответствие с уставами
1.	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	МГУ
2.	Санкт-Петербургский государственный университет	СПбГУ
3.	Объединённый институт ядерных исследований	ОИЯИ
4.	ФГБУН Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук	ФТИ
5.	ФГБУН Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова Российской академии наук	ИОНХ
6.	ФГБУН Институт химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения Российской академии наук	ИХБФМ СО РАН
7.	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	БелГУ
8.	Казанский (Приволжский) федеральный университет	КФУ
9.	Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации	МГИМО
10.	Московский физико-технический институт (государственный университет)	МФТИ
11.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	ВШЭ
12.	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»	МИСиС
13.	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	ТПУ
14.	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	МИФИ
15.	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	НГУ
16.	Российский университет дружбы народов	РУДН
17.	Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики	ИТМО
18.	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина	УРФУ
19.	Южный федеральный университет	ЮФУ
20.	Национальный исследовательский университет «МЭИ»	МЭИ
21.	Пермский национальный исследовательский политехнический университет	ПНИПУ
22.	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	РАНХиГС
23.	Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева	РХТУ
24.	Санкт-Петербургский горный университет	СПГУ
25.	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации	Финуниверситет
26.	Национальный исследовательский Томский государственный университет	ТГУ
27.	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	СПбПУ

В.М.: ***Как выглядит ситуация весной 2019 г.? Как на практике реализуются переданные организациям полномочия?***

П.И. Касаткин: По состоянию на 1 февраля 2019 г. из 27 организаций, имеющих право на самостоятельное присуждение учёных степеней, 24 разработали локальные нормативные акты, а объявления о защите разместили 13. Защиты прошли в 10 организациях.

Примечательно, что на организации, ставшие участниками пилотного проекта, приходилась значительная часть защит по целому ряду отраслей наук: более 75% – по политическим наукам, более 45% – по физико-математическим и психологическим, более 40% – по географическим, социологическим и философским, более 30% – по химическим и филологическим, более 25% – по юридическим, историческим и экономическим наукам. В то же время по таким отраслям, как архитектура и сельскохозяйственные науки, в пилотном проекте не участвует ни одна организация.

В.М.: ***Образовательные и научные организации, скорее всего, подошли по-разному к определению критериев диссертаций и процедур формирования диссертационных советов. Какие закономерности вы выявили в своём исследовании?***

П.И. Касаткин: Проведённый мной с Екатериной Андреевной сопоставительный анализ локальных нормативных актов организаций позволил типологизировать подходы к формированию диссертационных советов. В десяти организациях (МГУ, МЭИ, УрФУ, ПНИПУ, ФТИ, ИХБФМ СО РАН, СПГУ, Финуниверситет, ИОНХ, РХТУ) диссертационные советы утверждаются как постоянно действующие по одной или нескольким научным специальностям в составе 5-19 специалистов. В трёх организациях (МГИМО, МФТИ, СПбГУ) диссертационные советы утверждаются по специальности, представленной к защите диссертации для каждой защиты разово в количестве от пяти до восьми членов. Есть и смешанный тип, предполагающий существование «постоянных» и создание «разовых» диссертационных советов в случае предоставления диссертации по специальности, отсутствующей в «постоянном» совете (КФУ, РУДН).

Все образовательные и научные организации привлекают к научной аттестации внешних специалистов. Однако их количество, роли, формат участия и требования к квалификации существенно различаются. В трёх организациях (ИТМО, РАНХиГС, МИФИ) пул потенциальных кандидатов в члены диссертационного совета формируется как из числа сотрудников, так и из числа внешних специалистов в количестве 5-11 человек.

В ВШЭ, НГУ и МИСиС постоянный состав диссертационного совета утверждает комитеты (комиссии) для проведения процедуры рассмотрения диссертации в составе пяти специалистов из числа как членов диссертационного совета, так и приглашённых экспертов.

В ЮФУ предусмотрена возможность создания постоянно действующих, разовых, объединённых, а также формирование постоянных либо разовых дис-

сертационных советов для проведения защиты по нескольким научным специальностям представленной к защите диссертации.

Требования к учёной степени, которой обладают кандидаты в члены диссертационного совета, в 20 организациях аналогичны утвержденным решением ВАК при Минобрнауки[9], в том числе необходимо наличие степени доктора наук либо степени, полученной в иностранном государстве и признаваемой в России, обладателю которой предоставлены те же академические и профессиональные права, что и доктору наук в России.

В ВШЭ четверть диссертационного совета могут составлять кандидаты наук и специалисты, имеющие ученую степень PhD. В диссертационный совет ТПУ наряду с докторами наук также входят обладатели учёных степеней, полученных в иностранном государстве, в том числе PhD. В локальных актах СПбГУ и МИСиС формулировка об учёной степени, которой должны обладать кандидаты в члены диссертационного совета, изложена следующим образом: «В состав диссертационного совета включаются доктора наук, а также лица, имеющие учёную степень иностранного государства, которым *предоставлены в иностранном государстве* те же академические и (или) профессиональные права, что и обладателю учёной степени доктора наук, полученной в Российской Федерации»[10]. Соответствие академических и профессиональных прав иностранных специалистов, включаемых в составы диссертационных советов в СПбГУ, обеспечивается путём издания приказов по университету, вносимых с учётом рекомендаций специально создаваемых экспертных комиссий[11]. При этом общепризнанный и одобренный федеральными органами исполнительной власти механизм признания за ними тех же прав, что и за докторами наук в России, отсутствует, что чревато потенциально возможными апелляциями решений.

Все организации предусмотрели участие в аттестационных процедурах специалистов из внешних организаций, но, за исключением МГИМО, определение категорий «штатный» и «внешний» специалист не приводится. В МГИМО предлагается считать штатными сотрудников, осуществляющих в МГИМО научно-педагогическую деятельность не менее чем на 0,1 ставки (в том числе на условиях совместительства).

---

[9] Критерии оценки результативности научной деятельности организаций и членов диссертационных советов, утверждённые решением ВАК при Минобрнауки России 3 июня 2015 г. №1 пл/1. Сведения о кандидатах в члены диссертационного совета. Форма № 2. См. подробнее: [10], табл. 2.

[10] Приказ №6981/1 от 22.06.2017г. «О внесении изменений в Приказ №6821/1 от 01.09.2016 г. "О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете"». [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/openuniversity/documents/o-vnesenii-izmeneniy-v-prikaz-no-68211-ot-01092016-o-poryadke-prisuzhdeniya (дата обращения: 01.03.2019).

[11] Приказ №2981/1 от 19.08.2013г. «Об утверждении Порядка признания Санкт-Петербургским государственным университетом учёных степеней и ученых званий». [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/openuniversity/documents/ob-utverzhdenii-poryadka-priznaniya-sankt-peterburgskim-universitetom (дата обращения: 01.03.2019).

Таблица 2. Критериальные значения и показатели оценки результативности научной деятельности членов диссертационного совета, предоставляемые за пять лет

	Публикации в WoS, Scopus и др. МНБД	Публикации в журналах из «Перечня ВАК»	Участие с докладами на международ. конф.	Рецензируемые монографии	Цитирования в WoS, Scopus	Индекс Хирша (РИНЦ/ WoS/Scopus)	Кол-во значимых показателей
для гум. и общественных наук	1	5	спр. (справочно)	1	спр.	спр.	3
для пед. наук	1	5	спр.	1	спр.	спр.	3
для искусств. и культурологии	спр.	5	спр.	спр.	спр.	спр.	1
для юр.наук	1	5	спр.	спр.	спр.	спр.	2
для естеств. наук	3	5	спр.	спр.	спр.	спр.	2
для тех. наук	2	5	спр.	спр.	спр.	спр.	2
для эконом. наук	1	5	спр.	1	спр.	спр.	3
для мед. наук	3	5	спр.	спр.	спр.	спр.	2
для сельхоз наук	1	5	спр.	спр.	спр.	спр.	2

В.М.: ***Изменились ли требования к наукометрическим характеристикам специалистов, включаемых в состав диссертационных советов?***

Е.А. Антюхова: Семь организаций переформулировали требования к наукометрическим показателям членов диссертационных советов. В 14 организациях установлен порог «не ниже требований ВАК». В МИФИ «квалификация членов диссертационного совета должна подтверждаться не менее чем тремя научными публикациями за последние пять лет по специальности, которые они представляют в диссертационном совете, в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в международных базах данных Web of Science и Scopus»[12].

В ИТМО для включения специалиста в состав диссертационного совета для проведения защиты на английском языке требуется наличие не менее пяти публикаций и пяти выступлений на международных конференциях на английском языке за предшествующие защите пять лет.

В.М.: ***Образовательным и научным организациям предоставлено право определять критерии диссертаций, включая и форму их представления?***

П.И. Касаткин: Большинство организаций (21) принимают диссертации только в форме рукописи. В ВШЭ предусмотрена защита по публикациям как кандидатских, так и докторских диссертаций. Кроме того, по отдельным областям наук в ВШЭ возможно замещение диссертации либо части публикаций в перио-

[12] Положение о диссертационном совете федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». П. 2.6. [Электронный ресурс]. URL: https://mephi.ru/science/committee/ (дата обращения: 01.03.2019).

дических научных изданиях индивидуальной рецензируемой монографией[13] при условии её публикации в одном из издательств, входящих в перечень ВШЭ, либо в ином авторитетном издательстве по решению диссертационного совета. В РУДН возможна защита докторской диссертации по совокупности публикаций.

Новая редакция ЛНА МГИМО предусматривает возможность представления и защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук по статьям. Соискатель должен представить 18 научных публикаций: из них не менее 8 в рецензируемых изданиях, 10 в изданиях, входящих в международные базы данных и системы цитирования, причем 5 из них в изданиях Q1-Q2. Не менее 5 научных публикаций должны быть выполнены без соавторов[14].

Форма представления диссертации к защите по публикациям в ВШЭ существенно отличается от ранее практиковавшейся в СССР и России, а сегодня предусмотренной в РУДН (в виде научного доклада).

В «Положении о присуждении учёных степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» говорится: «4.3. Предусматривается два способа представления диссертации на соискание учёных степеней НИУ ВШЭ по выбору диссертанта: 1) диссертация представляется в виде трёх и более научных статей необзорного характера, содержащих оригинальные научные результаты, по одной теме исследований. Представленные статьи (опубликованные или принятые в печать) могут быть выполнены на русском или на английском языках. Для отдельных областей наук возможна защита на основе монографии на русском или английском языках; 2) диссертация представляется в виде отдельной целостной научной работы, выполненной на русском или на английском языках. Помимо этой работы соискатель представляет научные статьи (опубликованные или принятые в печать) по теме диссертационного исследования на русском или на английском языках. 4.4. Защиты по общей совокупности опубликованных работ не проводятся (защищаются только работы, представленные соискателем учёной степени)»[15].

Представители ВШЭ акцентируют внимание на принципиальном отличии такого подхода от иных форм предоставления диссертации: «Речь идёт не о совокупности всех работ, которых может быть десятки, а о защите конкретных выбранных работ. Они могут быть на английском и русском языках, и защита может проходить на русском, английском языке либо в смешанном режиме. Но обязательно должно быть резюме в виде реферата, который непременно делается на двух языках»[16].

---

[13] Требования к публикациям соискателей учёных степеней НИУ ВШЭ по историческим наукам, утвержденные Ученым советом НИУ ВШЭ 27.04.2018. Протокол №4. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2018/05/11/1150903333/требования%20к%20публикациям.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

[14] П. 2.9 Положения о порядке присуждения учёных степеней в МГИМО МИД России https://mgimo.ru/upload/diss/2019/poryadok-vkr.pdf

[15] Положение о присуждении учёных степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: https://goo-gl.ru/4W3k (дата обращения: 01.03.2019).

[16] Диссоветы без ВАК: первые шаги по новому пути // Ректор вуза. 2018. №3. [Электронный ресурс]. URL: http://cheb.ruc.su/news/detail.php?ID=166073 (дата обращения: 01.03.2019).

В Положении о присуждении учёных степеней РУДН о защите диссертации в форме научного доклада по совокупности публикаций говорится: «2.5. Для соискания учёной степени доктора наук допускается представление научного доклада, подготовленного соискателем на основании совокупности ранее опубликованных им и известных широкому кругу специалистов в соответствующей отрасли знаний научных работ, имеющих большое значение для науки и практики, представляющего собой краткое обобщённое изложение о результатах проведённых соискателем исследований и разработок, выполненных самостоятельно в течение не менее 10 лет. В данном случае автор представляет доклад по теме исследования и соответствующие научные труды»[17].

В действовавшем в период с 2002 по 2013 гг. Положении о порядке присуждения учёных степеней критерии диссертации в форме научного доклада были изложены следующим образом: «9. Диссертация на соискание учёной степени доктора наук в виде научного доклада, подготовленная соискателем на основе совокупности ранее опубликованных им научных и опытно-конструкторских работ по соответствующей отрасли знаний (не менее 50 работ в рецензируемых научных журналах и изданиях), имеющих большое значение для науки и практики, представляет собой краткое обобщённое изложение результатов проведённых им исследований и разработок, известных широкому кругу специалистов»[18].

В.М.: ***Насколько мне известно, МГИМО и часть других организаций отказались от такой довольно привычной и краткой формы изложения основных результатов исследований как автореферат.***

Е.А. Антюхова: В 16 организациях требуется подготовить автореферат и организовать его рассылку. В МГИМО и РАНХиГС должна быть представлена аннотация диссертации на русском и английском языках. В ВШЭ предусмотрено резюме диссертации на русском и английском языках. В ИТМО реферат является неотъемлемой частью самой диссертации.

В.М.: ***Не меньший интерес представляет вопрос, какое количество публикаций должен представить соискатель, защищающийся в диссертационных советах различных организаций?***

П.И. Касаткин: Повышенные по сравнению с «федеральными» требования к количеству и качеству публикаций, отражающих результаты исследований, приняты в 14 организациях (МГУ, ИТМО, МИФИ, МФТИ, МЭИ, НГУ, РУДН, РАНХиГС, УрФУ, ПНИПУ, Финуниверситет, ЮФУ, ВШЭ, СПбГУ). В ВШЭ, СПбГУ и РУДН в зависимости от областей/отраслей науки предусмотрены дифференци-

[17] Положение о порядке присуждения учёных степеней федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов». П. 2.5. URL: http://old.rudn.ru/index.php?pagec=2298 (дата обращения: 01.03.2019).

[18] П.9. Положение о порядке присуждения ученых степеней, утв. Постановление Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра учёных степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения учёных степеней» // Российская газета. №23. 06.02.2002.

рованные требования к количеству и качеству публикаций[19]. В ВШЭ в каждой из областей наук, по которым действуют диссертационные советы, оговаривается минимальное количество статей, которые должны быть опубликованы без соавторов, либо где соискатель должен быть главным соавтором. В НГУ, как и в ВШЭ, оговаривается минимальное количество статей в журналах, входящих в первый и второй квартили международных наукометрических баз данных (МБД). В МИФИ от соискателя степени доктора наук в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук требуется представить не менее 15 публикаций в рецензируемых изданиях, а от соискателей докторской степени в остальных областях – не менее 15 публикаций в МБД Scopus, Web of Science или MathSciNet. Соискатели учёной степени кандидата наук в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук должны иметь не менее трёх публикаций; в остальных областях – не менее трёх, в том числе не менее двух в RSCI, а также в журналах из собственного перечня МИФИ. В УрФУ для соискателей учёной степени доктора наук по естественно-научным отраслям требуется 12 публикаций (из них шесть в МБД), по техническим наукам – 12 (из них четыре в МБД), а по гуманитарным наукам – 15 (из них три в МБД). Соискатель учёной степени кандидата наук по естественным и техническим наукам должен иметь три публикации, из которых одна – в МБД; по прочим отраслям – три публикации.

В начале апреля 2019 г. на Федеральном портале нормативных правовых актов опубликован проект Постановления Правительства, корректирующий количество публикаций в МБД и системах цитирования, требуемых от соискателей учёных степеней с 1 января 2020 г.: не менее трёх публикаций для соискателя степени доктора наук и не менее одной от будущего кандидата[20].

Е.А. Антюхова: В МГУ, ВШЭ, РАНХиГС, РУДН, ИХБФМ СО РАН, МИФИ, МФТИ и ИОНХ составлены собственные перечни журналов и изданий, пу-

---

[19] В случае защиты диссертации в форме научного доклада в РУДН требуется отразить научные результаты в 15/20 публикациях, индексируемых в МНБД, в 15/25 публикациях в изданиях из перечня, утвержденного РУДН, и в 2/3/7 рецензируемых монографиях объёмом не менее 10 п.л. каждая. Ограничений на наличие/отсутствие соавторов не предусмотрено.

В случае защиты диссертации по публикациям в ВШЭ Базовым стандартом требований предусмотрено следующее. По кандидатской диссертации: в социальных и гуманитарных науках – три статьи (все в WoS, Scopus или списке рекомендованных журналов НИУ ВШЭ), из них одна статья в Q1-Q2 WoS или Scopus. Хотя бы одна статья должна быть без соавторов; в естественных и технических науках – три статьи (все в WoS, Scopus (Q1-Q2)), для технических наук также CORE A, A*, для математики также MathSciNet). Хотя бы одна статья соискателя должна быть без соавторов или соискатель должен быть главным соавтором. По докторской диссертации: в социальных и гуманитарных науках – 15 статей (все в WoS, Scopus или списке рекомендованных журналов НИУ ВШЭ), из них пять статей в Q1-Q2 WoS или Scopus. Хотя бы пять статей соискателя должны быть без соавторов. Защита может осуществляться по 7-10 статьям (по выбору автора); в естественных и технических науках – десять (все в WoS, Scopus или списке рекомендованных журналов НИУ ВШЭ, для технических наук также CORE B, A, A*, для математики также MathSciNet), из них восемь статей в Q1-Q2 WoS или Scopus (для технических наук также CORE A, A*, для математики также MathSciNet). Хотя бы четыре статьи соискателя должны быть без соавторов или соискатель должен быть главным соавтором. Защита может осуществляться по 7-10 статьям (по выбору автора).

[20] Проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» 02.04.2019 г. (04/12/04-19/00090199) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/Projects/List#search=O&npa=90199 (дата обращения: 01.03.2019).

бликации в которых принимаются диссертационным советом, причём в РУДН установлен срок давности выхода в свет публикаций – 10 лет для докторской и пять лет для кандидатской диссертации. Публикационные требования в ВШЭ существенно отличаются тем, что принятые к печати работы приравниваются к уже опубликованным; не учитываются публикации в изданиях, внесённых ВШЭ в список недобросовестных, а также публикации в журналах, в которых соискатель является главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем на момент выхода публикации. В социальных и гуманитарных науках возможно замещение части статей индивидуальными научными монографиями при условии их публикации в одном из издательств, входящих в перечень ВШЭ. В СПбГУ с 2017 г. повышены требования к количеству и качеству публикаций для защит по экономическим и биологическим наукам[21].

Зафиксированная в локальных нормативных актах организаций норма о том, что требования к публикациям соискателей, представившим к защите диссертацию, должны быть «не ниже», чем предусмотрено положениями, определяющими порядок присуждения учёных степеней, заставляет задуматься о юридическом содержании понятия «не ниже». Противоречивость данной формулировки со всей очевидностью проявляется при сопоставлении требований к количеству публикаций, которые отражают результаты докторской диссертации, либо подтверждают квалификацию члена диссертационного совета. Положение о порядке присуждения ученых степеней указывает на необходимость наличия 15 статей из Перечня рекомендованных ВАК журналов. Требования, закрепленные ВШЭ для защищающих докторскую диссертацию по юридическим наукам, – не менее одной монографии и 12 статей в WoS, Scopus или в журналах из перечня ВШЭ. Из них не менее шести статей – без соавторов. Для включения в состав диссертационного совета в МИФИ необходимы три публикации, индексируемые в международных базах данных Scopus или WoS, без уточнения квартиля издания.

Достаточно спорно выглядят следующие вводимые организациями нормы: сроки действительности публикаций и наличие отличающегося от утверждаемого Минобрнауки Перечня журналов для публикации результатов исследований (РУДН), требование отсутствия соавторов у части публикаций (ВШЭ, СПбГУ), отказ принимать публикации в журналах, где соискатель является

[21] Так, от соискателя учёной степени кандидата экономических наук из трёх публикаций не менее чем одна должна индексироваться в Scopus/WoS (включая RSCI), не менее чем одна должна быть написана без соавторов, а суммарный объём личного вклада автора должен составлять не менее 1,2 авторского листа. Соискатель докторской степени по экономическим наукам должен представить не менее 15 статей, опубликованных после защиты кандидатской диссертации, из них – не менее пяти, индексируемых в Scopus/WoS (включая RSCI), не менее пяти должны быть написаны без соавторов, а суммарный объём личного вклада автора должен составлять не менее четырёх авторских листов в публикациях в журналах «Ядра» РИНЦ, а также монографию либо главу в монографии с минимальным личным вкладом не менее трёх авторских листов. От соискателя учёной степени кандидата биологических наук из трёх публикаций не менее чем две должны индексироваться в Scopus/WoS Core Collection. Соискатель степени доктора биологических наук должен представить не менее 15 статей, из них – не менее 13, индексируемых в наукометрических базах Scopus/WoS Core Collection.

главным или ответственным редактором (ВШЭ). Подчас в два раза различаются требования к объему текста диссертации – например, в РУДН докторская диссертация по гуманитарным и общественным наукам – от 250 страниц, в ВШЭ кандидатская диссертация – от 250 страниц, докторская – от 400 страниц.

В.М.: ***Все ли организации предусмотрели в процедуре наличие внешних отзывов о диссертации?***

Е.А. Антюхова: В шести организациях (МЭИ, СПГУ, ПНИПУ, ФТИ, ИОНХ, КФУ) предусмотрено наличие официальных оппонентов и сохранён институт ведущей организации. В восьми (ИТМО, МИФИ, МГУ, ИХБФМ СО РАН, РАНХиГС, УрФУ, РУДН, МГИМО) привлекаются официальные оппоненты (рецензенты) и нет ведущей организации. В МФТИ и МИСиС не предусмотрены оппоненты, но сохранён институт ведущей организации. В ВШЭ, НГУ, СПбГУ и Финуниверситете нет ни оппонентов, ни ведущей организации. В МГУ, ИХБФМ СО РАН и УРФУ предусмотрено большее количество оппонентов по сравнению с «федеральными» нормами. В РАНХиГС, МГИМО и СПбГУ оппонентами (рецензентами) выступают члены диссертационного совета. Возможность участия в защите оппонентов (рецензентов) в удалённом режиме при наличии обязательного аудио- и визуального контакта предоставляется в МИФИ, ИТМО, ИОНХ, СПбГУ и МГИМО. Согласно локально-нормативным актам (ЛНА) МИФИ, не более трети членов диссертационного совета могут участвовать в защите при помощи видеоконференц-связи, однако при этом они не учитываются при определении кворума и не могут участвовать в голосовании.

В.М.: ***Немало возражений вызывала действовавшая на протяжении многих лет система тайного голосования. Не редки были случаи порчи бюллетеней, возникавшие к концу заседаний проблемы с кворумом. Какие решения в этой сфере предприняты сегодня?***

П.И. Касаткин: П.И. Касаткин: Тайное голосование применяется в 17 организациях, а в трёх (МГИМО, РАНХиГС, СПбГУ) – открытое. В 18 организациях решение о присуждении ученой степени принимает непосредственно диссертационный совет. В ВШЭ, МИСиС, НГУ и ТПУ решение о присуждении учёной степени принимается диссертационным советом по результатам защиты, проводимой комитетом (комиссией). В РУДН предусмотрен этап утверждения решения о присуждении учёной степени аттестационной комиссией. В МГИМО предусмотрен поливариативный положительный исход защиты: (1) решение о присуждении учёной степени без доработки текста, (2) при условии незначительной, (3) либо значительной доработки текста. Реализуемая МГИМО модель, заимствованная из практики британских университетов, несмотря на кажущуюся инновационность, практиковалась в советской диссертационной культуре: ВАК неоднократно принимала решения с формулировкой «диплом выдать после внесения исправлений в диссертацию»[22]. Присуждение учёной степени

[22] Из протокола ВАК №46/П от 14 ноября 1962 г.

диссертационным советом в РАНХиГС возможно только при условии консенсуса, что имело место в дореволюционных практиках отечественной научной аттестации. Предусмотренная в ВШЭ и ИТМО электронная система тайного голосования исключает возможность порчи бюллетеня.

В семи организациях (МГИМО, РАНХиГС, ТПУ, СПбГУ, ВШЭ, МИСиС, НГУ) решение о выдаче дипломов принимается ректором, в шести (ФТИ, РУДН, ИОНХ, УрФУ МЭИ, Финуниверситет) – аттестационной комиссией, в десяти (РХТУ, СПГУ, ПНИПУ, ОИЯИ, ИХБФМ СО РАН, МФТИ, МИФИ, КФУ, ИТМО, МГУ) – учёным советом по представлению аттестационной комиссии.

В.М.: ***Четверть от защищающихся диссертаций в МГИМО подготовлены гражданами иностранных государств. Какие дипломы будут получать молодые учёные-иностранцы? Будет ли дан перевод названий присуждаемых учёных степеней?***

Е.А. Антюхова: Присуждаемые учёные степени в локально-нормативных актах 18 организаций обозначаются только на русском языке (кандидат наук и доктор наук). В ВШЭ присуждаются степени, содержащие в своем названии наименование организации, а также дается перевод на английский язык в следующей редакции: кандидат наук НИУ ВШЭ (Philosophy Doctor HSE, PhD HSE), доктор наук НИУ ВШЭ (Doctor of Science HSE, DS HSE). В РУДН, напротив, наименование организации убрали из перевода при внесении изменений в первоначальную редакцию положений о степени доктора наук: Doctor of Science RUDN University – первая редакция; Doctor Habilitatus, Dr. Habil. – действующая редакция. В УрФУ и МИСиС в названиях степени присутствует название организации. В ЛНА ЮФУ дан сокращенный перевод присваиваемых учёных степеней (Ph.D.; D. Sc.).

В.М.: ***В последние годы имели место весьма резонансные сюжеты, связанные с подачей апелляционных заявлений и заявлений о лишении ученой степени. Какое место этим процедурам уделяют образовательные и научные организации в своих локальных актах?***

П.И. Касаткин: Большинство организаций предусмотрели в локальных нормативных актах процедуру рассмотрения апелляции на решения диссертационных советов. В КФУ и ВШЭ есть возможность подачи апелляции только на отрицательные решения, в Финуниверситете, МИСиС, ВШЭ – только самим соискателем ученой степени. Нормативными актами пяти организаций (ИОНХ, ИТМО, МГУ, СПГУ, ФТИ) не предусмотрена процедура восстановления учёной степени.

Весьма противоречиво описана процедура апелляции в МИСиС. Помимо того, что в пункте 4.1 «Положения о порядке присуждения учёных степеней в НИТУ МИСиС» говорится, что апелляция может быть подана либо соискателем, либо его законным представителем, в абзаце втором пункта 4.3.4 оговаривается возможность поступления апелляции по одной и той же диссертации от разных лиц, хотя до этого возможность коллективной подготовки и защиты диссертаций локально-нормативными актами не предусматривалась. В пункте 4.5 указано, что председателем апелляционной комиссии, создаваемой для рассмотрения апелля-

ции, является председатель диссертационного совета НИТУ МИСиС, но это противоречит фундаментальному юридическому принципу о том, что никто не может быть судьей в своем собственном деле. При этом в отношении квалификации членов апелляционной комиссии оговаривается лишь то, что в неё могут входить научно-педагогические работники НИТУ МИСиС и другие специалисты – без установления требований к учёной степени и аффилированности/неаффилированности с соискателем, его научным руководителем (консультантом), к членству в диссертационном совете, экспертном совете или экспертной комиссии. Пункт 4.10 начинается со слов «в случае решения об удовлетворении апелляции и отмене решения диссертационного совета», что подразумевает, что изначально апелляция была подана (при этом, видимо, самим соискателем – пункт 4.1) с целью пересмотра решения[23]. Однако последнее предложение пункта 4.10 подразумевает присуждение соискателю учёной степени в случае, если апелляция была подана на решение диссертационного совета об отказе в присуждении. Таким образом, оказывается возможным присуждение ученой степени апелляционной комиссией, квалификация членов которой определена лишь как «научно-педагогические работники НИТУ МИСиС и другие специалисты», в то время как ранее принятое решение об отказе в присуждении было принято на основании заключения экспертной комиссии по результатам публичной защиты диссертации, а требования к квалификации ее членов обозначены как «доктора наук, а также лица, имеющие степень иностранного государства, которым предоставлены в иностранном государстве те же академические степени и (или) права, что и доктору наук в Российской Федерации, являющиеся специалистами по профилю диссертации и имеющие публикации в соответствующей области исследования»[24].

Только четыре организации (ВШЭ, МИФИ, ИХБФМ СО РАН, СПГУ) отразили в локальных нормативных актах процедуру рассмотрения диссертаций, направленных федеральным органом исполнительной власти на получение дополнительного заключения. Потенциальная сложность в определении процедуры рассмотрения состоит в существенном различии между изложенными в ЛНА организаций требованиями к порядку присуждения степеней, языку, форме, правилам представления диссертаций и критериями, которые действуют в отношении организаций, не участвующих в пилотном проекте[25].

В.М.: ***Можно ли выделить у организаций, получивших право самостоятельно присуждать научные степени, некие общие подходы к реализации обретённой независимости?***

---

[23] Положение о порядке присуждения учёных степеней в Национальном исследовательском технологическом университете МИСиС. [Электронный ресурс]. URL: http://misis.ru/university/struktura-universiteta/centers/postgraduate/thesis-def/degrees (дата обращения: 01.03.2019).

[24] Там же.

[25] Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018) «О порядке присуждения учёных степеней» и «Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утв. Приказом Минобрнауки России 10.11.2017 № 1093. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/3accc895434fd7ce6fd7d8f8a570ab064e960560/ (дата обращения: 01.03.2019).

Е.А. Антюхова: Действительно, в первый год реализации образовательными и научными организациями переданных им полномочий по присуждению учёных степеней обозначились две различные стратегии. Во-первых, копирование модели, предусмотренной в «Положении о присуждении ученых степеней», утвержденном Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в масштабе одной организации, с диверсификацией отдельных требований к соискателям, членам диссертационных советов и оппонентам. Во-вторых, создание модели защиты диссертаций, максимально отличающейся от вышеупомянутой.

П.И. Касаткин: Нельзя не согласиться с той точкой зрения, что копирование «федеральной» модели с внесением постзащитных этапов экспертизы решений диссертационного совета (аттестационная комиссия (комитет), учёный совет / президиум учёного совета) в рамках отдельной организации подрывает авторитетность принятого диссертационным советом (который нередко состоит из специалистов, входящих в состав следующих инстанций) решения и дополнительно бюрократизирует процесс утверждения, не отменяя при этом предшествующие защите этапы экспертизы. Ряд локальных нормативных актов организаций содержит весьма экстравагантные нормы, такие как обязательная процедура дачи письменной клятвы и участие в процедуре принесения присяги членами диссертационного совета, а также возможность для соискателя «защищать диссертацию в удалённом интерактивном режиме при условии аудиовизуального контакта с участниками заседания и наличии соответствующих технических возможностей» (в Финуниверситете). В МИСиС сформирован единый и единственный диссертационный совет из 30 человек, присуждающий учёные степени по 28 специальностям. Локально-нормативные акты ВШЭ подразумевают возможность внесения изменений в отзывы в течение семи рабочих дней после защиты, а само присуждение учёной степени производится диссертационными советами, сформированными по научным областям (хотя в дипломах о присуждении степени указывается шифр и наименование специальности в соответствии с действующей номенклатурой). Замена Перечня рецензируемых научных изданий, утверждаемого Минобрнауки на основе рекомендаций экспертных советов ВАК, перечнями, которые разработаны организациями, делает возможной ситуацию, когда соискателю присваивается учёная степень в системе отечественной научной аттестации, но при этом ни одна его научная работа не опубликована в России, так как перечни организаций позволяют ограничиться публикациями лишь в иностранных изданиях.

К сожалению, никто из участников пилотного проекта не предусмотрел возможность проведения защиты диссертации в рамках государственной итоговой аттестации аспирантов и синхронизацию процессов выдачи кандидатского диплома и диплома об окончании аспирантуры. Не нашла в локально-нормативных актах отражение и существовавшая в СССР практика подготовки исследований коллективно.

На смену неоднозначно толкуемому принципу «не ниже» представляется своевременной выработка единых количественных и качественных критериев, признаков и форм научных результатов и достижений кандидатского и докторского уровней (самостоятельность, новизна, аргументированность, значение, использование, точность, подлинность, полнота). При этом критерии и форма предоставления диссертации, вариативность моделей создания и работы советов, диверсификация процедур присуждения учёных степеней будут сосуществовать и развиваться в заданных консолидирующими единое научное пространство рамках. Вследствие междисциплинарности значительной части исследований и взаимовлияния различных отраслей наук требуется декомпозиция содержания паспортов научных специальностей путём создания на их основе репозитория полученных в диссертационном исследовании результатов.

В.М.: ***Какие, на ваш взгляд, есть ограничения новой системы научной аттестации, и какие скорейшие шаги должны быть приняты с целью её дальнейшего совершенствования?***

П.И. Касаткин: Помимо того, о чём уже говорилось ранее, требуется скорейшая выработка и закрепление в федеральном законодательстве передачи образовательным и научным организациям возможности принимать решения об эквивалентности профессиональных и академических прав обладателей степени PhD правам российских докторов наук в части включения в состав диссертационных советов и привлечения в качестве оппонентов/рецензентов по докторским диссертациям. Анализ имеющихся практик СПбГУ и ВШЭ не позволяет оценить их как безупречные с точки зрения действующих законодательных норм. Они крайне уязвимы и в случае подачи апелляций на решения о несоответствии публикационных показателей членов диссертационного совета критериям оценки результативности научной деятельности организаций и членов диссертационных советов, утвержденным решением ВАК при Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. №1 пл/1.

По вопросу об инструментах признания учёных степеней, полученных в иностранных государствах, с целью допуска обладателей этих степеней к участию в работе диссертационных советов видится целесообразным предоставлять такое право обладателям учёных степеней PhD, полученных в университетах из топ-200 одного из трёх международных рейтингов (QS, THE, ARWU), или работающим в университетах, входящих в топ-200 одного из этих международных рейтингов, занимающим должности профессора (Professor, Endowed Chair) или заведующего кафедрой (Department Chair).

Е.А. Антюхова: Минобрнауки предложило вариант включения обладателей учёной степени PhD в состав диссертационных советов: на странице Федерального портала проектов нормативных правовых актов представлен проект приказа «О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на

соискание учёной степени доктора наук»[26], предусматривающие корректировку требований к научной квалификации членов диссертационного совета, что позволяет иностранным специалистам, имеющим учёную степень PhD, участвовать в российской научной аттестации.

Вместе с тем ряд формулировок проекта требует уточнения, и в настоящей редакции он вряд ли решает существующую проблему. Представляется нецелесообразным предъявление одинаковых требований по публикационной активности к российским и иностранным специалистам – кандидатам в члены диссертационного совета. Справедливо ожидать от иностранных учёных участия в международных конференциях, наличия монографических исследований и публикаций, индексирующихся в МБД. В то же время в случае формирования разовых диссертационных советов, предусмотренных в ЛНА ряда организаций, требования по наличию публикаций в журналах из Перечня, утверждаемого Минобрнауки по рекомендации ВАК, выглядят избыточными. Кроме того, требует конкретизации понятие «иностранный учёный», содержащееся в проекте: имеются ли в виду все специалисты – иностранные граждане-члены диссертационного совета, либо только обладатели ученой степени PhD? Распространяется ли предусмотренное проектом ограничение на российских граждан – обладателей ученой степени PhD?

П.И. Касаткин: Будущее процесса гармонизации аттестационных процедур должно соответствовать актуальным потребностям развития отечественных научных школ для достижения национальных целей и стратегических задач развития страны. Пока нормативное регулирование не успевает за многообразием практик.

В.М.: ***Спасибо за столь такой подробный анализ и интересные ответы!***

Список литературы:

1. Белоцерковский А.В. Присуждение учёных степеней в России: защита от кого и от чего // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 37-43.
2. Гуртов В.А. Гармонизация систем подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров / В.А. Гуртов, М.Ю. Насадкин, Л.В. Щеголева // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 5. С. 60-68.
3. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. К вопросу о переходе на новую модель аттеста-

[26] О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/Projects/List#npa=89889 (дата обращения: 01.03.2019).
В проекте нормативного акта в частности говорится: «г) дополнить новым пунктом 12(1) следующего содержания: "12(1). В состав диссертационного совета, создаваемого в соответствии с пунктом 3.1. статьи 4 Федерального закона о науке, могут быть включены лица, имеющие ученую степень Doctor of Philosophy (PhD), полученную в иностранном государстве (далее – иностранные учёные), результативность научной деятельности которых соответствует рекомендациям, предусмотренным абзацем вторым пункта 9 настоящего Положения. При этом документы об учёной степени, указанной в настоящем пункте, должны быть в установленном порядке легализованы, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации. Доля иностранных учёных, входящих в состав диссертационного совета, указанного в настоящем пункте, не должна превышать 30 % от общего числа членов этого диссертационного совета".

ции научных кадров высшей категории // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 87-95. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.087-095
4. Филиппов В.М. Задачи повышения научного уровня и ответственности диссертационных советов // Социология образования. 2013. № 5. С. 4-10.
5. Филиппов В.М., Савицкая Н. Присуждение ученых степеней – на совести диссертационных советов // Экономика образования. 2014. № 4. С. 7-11.
6. Якушев А.Н. Проект Положения об ученых степенях: каким ему необходимо быть в период модернизации? // Право и образование. 2013. № 7. С. 3-17.
7. Левин В.И. Нужен ли России ВАК? // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 3. С. 17-23.
8. Лаптев В.В., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Ученая степень в России: реальность и перспективы // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 26-37.
9. Викулов С.Ф. Кризис системы аттестации научных кадров России // Вооружение и экономика. 2014. № 4 (29). С. 93-99.
10. Шишканова И.А. Критерии оценки деятельности диссертационных советов для трансформации национальной сети аттестации кадров ВНК / И.А. Шишканова, С.И. Пахомов, В.А. Гуртов, И.В. Пенние // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 208-216. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.77.4.208-216

Об авторах:

Пётр Игоревич Касаткин – д.филос.н., профессор кафедры мировых политических процессов, начальник Управления научной политики МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: pkas@mail.ru.

Екатерина Андреевна Антюхова – к.полит.н., старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, зам. начальника отдела диссертационных советов МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: e.antyukhova@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта РФФИ №19-011-31134 «Риски разрыва аксиологических основ образовательного и научного пространства в Российской Федерации».

TRADITION AND INNOVATION DIALECTICS IN RUSSIAN DISSERTATION CULTURE

Young MGIMO scientists answer questions about diversification of the procedures of the state scientific certification

P.I. Kasatkin, E.A. Antyukhova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-176-195

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Today in Russia the system of the state scientific certification undergoes significant changes: the powers of federal executive authorities are delegated to the educational

and scientific organizations. As a result, independence in the choice of mechanisms, orders and procedures of formation of dissertation committees and criteria of awarding academic degrees is allowed. At the same time reinterpretation of axiological bases of dissertation culture through overcoming the problems connected with authenticity and quality of dissertation researches, by increase in reputation responsibility of the organizations and scientists takes place. On May 31, 2019 it will be a year to the moment of transition of the MGIMO University to a new model of the state scientific certification. According to the model developed by the MGIMO University, awarding an academic degree comes by the results of the defense of a thesis at a meeting of the dissertation committee of 5 doctors of science, three of which are employees of the MGIMO University, and two are invited scientists from other organizations. Two of five are experts with publications in the scope of the research combining the role of a member of the dissertation committee and an official opponent. The result of the defense is politically variable: alongside with the possibility of taking the negative decision awarding an academic degree without completions of the text and also under the condition of insignificant and considerable completions of the text of a research is allowed. The lack of such opportunities in the practice of awarding academic degrees existing in the domestic dissertation culture excluding modification of the manuscript submitted to defence after holding a meeting of dissertation committees, as well as other defects of the historically developed model of awarding academic degrees, defined the fastest transition of the MGIMO University to a new model of certification. «MGIMO Review of International Relations» discussed the main milestones of formation and key problems of development of the domestic dissertation culture with P. Kasatkin and E. Antyukhova.

Key words: PhD culture, Dissertation Board, granting PhD, scientific assessment, PhD candidate, scientific opponent, nominated internal examiner, scientific publication.

References

1. Belotserkovsky A.V. Prisuzhdeniye uchenykh stepeney v Rossii: zashchita ot kogo i ot chego [Obtaining Scholarly Degrees in Russia: Who and What to Defend from]. *Vysshee obrazovanie v Rossii,* 2013, no. 4, pp. 37-43. (In Russian)
2. Gurtov V.A., Nasadkin M.Y., Shchegoleva L.V. Garmonizatsiya sistem podgotovki i attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov [The Harmonization of Training System and System of Certification of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz,* 2015, no. 5, pp. 60-68. (In Russian)
3. Zhavoronkova N.G. Shpakovskii Y.G. K voprosu o perekhode na novuyu model' attestatsii nauchnykh kadrov vyssheў kategorii [To the Issue of Transition to a New Model of Performance Assessment of Scientific Personnel of Superior Merit]. Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava, 2015, no. 12, pp. 87-95 (In Russian) DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.087-095
4. Filippov V.M. Zadachi povysheniya nauchnogo urovnya i otvetstvennosti dissertatsionnykh sovetov [Tasks Increasing Scientific Level and Responsibility of Dissertation Councils]. *Sotsiologiya obrazovaniya,* 2013, no. 5, pp. 4-10 (In Russian)
5. Filippov V.M, Savitskaya N. Prisuzhdeniye uchenykh stepeney – na sovesti dissertatsionnykh sovetov [The Awarding of Academic Degrees on the Conscience of Dissertation Councils]. *Ekonomika obrazovaniya,* 2014, no. 4. pp. 7-11. (In Russian)
6. Yakushev A.N. Proyekt Polozheniya ob uchenykh stepenyakh: kakim yemu neobkhodimo byt' v period modernizatsii? [A Draft 'A Law of Scientific Degrees': Which One It Should Be in a Period of Modernization?]. *Pravo i obrazovaniye,* 2013, no. 7, pp. 3-17. (In Russian)
7. Levin V.I. Nuzhen li Rossii VAK? [Does Russia Need VAK?]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly),* 2015, no. 3, pp. 17-23. (In Russian)
8. Laptev V.V., Pisareva S.A., Tryapitsyna

A.P. Uchenaya stepen' v Rossii: real'nost' i perspektivy [Scientific Degree in Russia: Reality and Prospects]. *Vysshee obrazovanie v Rossii,* 2013, no. 4, pp. 26-37. (In Russian)

9. Viculov S.F. Krizis sistemy attestatsii nauchnykh kadrov Rossii // Vooruzheniye i ekonomika [The Crisis in the Russian Certification of Scientific Personnel]. *Vooruzheniye i ekonomika,* 2014, no. 4 (29), pp. 93-99. (In Russian)
10. Shishkanova I.A., Pakhomov S.I., Gurtov V.A., Pennye I.V. Kriterii otsenki deyatel'nosti dissertatsionnykh sovetov dlya transformatsii natsional'noy seti attestatsii kadrov VNK / I.A. Shishkanova, S.I. Pakhomov, V.A. Gurtov, I.V. Penniye [Criteria for Assessing the Activities of Dissertational Councils for the Transformation of the National Network of Personnel Certification of VNK]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava,* 2017, no. 4 (77), pp. 208-216. (In Russian) DOI: 10.17803/1994-1471.2017.77.4.208-216

About the authors:

Petr I. Kasatkin – Dr. Habil., Professor, Department of World Politics, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: pkas@mail.ru.

Ekaterina A. Antyukhova – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of Comparative Politics, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: e.antyukhova@gmail.com.

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project №19-011-31134 «Risks of breaking axiological basis of educational and scientific field in the Russian Federation».

Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2(65). С. 196-201
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-196-201

РЕЦЕНЗИИ

«DRAGONS» AND «CHIMERAS» OF HYBRID WARS

A. Dimitrovska

Institute of European Studies, Belgrade

Abstract: Review of the book by Egorchenkov D.A., Danyuk N.S. Hybrid Dragon and Chimera of War. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2019. 367 p. (in Russian)

Keywords: hybrid warfare, hybrid threats, subversion, unconventional forms of confrontation, countermeasures, USSR, Russia, the West, the Middle East, Central Asia

«Hybridization» is one of the main characteristics of the changes taking place in world politics. The «ideal storm» of the world political organization, the likelihood of a new Cold War, the rapid growth of local conflicts and the destruction of nation-states are global trends that are under scrutiny of research [1]. Under the increasing international tensions, the term «hybridization» is increasingly used to characterize the processes of «reorganization of social spaces and the emergence of mixed forms of cooperation and trans-local cultures» [1, p. 7]. In social and scientific discourse, «hybridity» is increasingly being blocked with tools and mechanisms of «hard power», shaping the phenomenon of «hybrid wars». Initially a systematic study of this phenomenon appeared in the United States and, up to a certain point, it was a prerogative of the military. Currently, the issue of «hybrid wars» is becoming relevant and in demand in the Russian political science. It is indicative that young researchers have shown particular interest in the study of methods and practices of conducting hybrid wars, as well as its concomitant «fakes» and «chimeras».

The book by D.A. Egorchenkov and N.S. Danyuk is an attempt to comprehensively analyze such phenomena as «hybrid warfare» and «hybrid threat». As its known, hybrid warfare (GW) implies «the convergence of the physical and psychological, kinetic and non-kinetic, combatants and non-combatants» [2, p. 34]; «The use of military and non-military means in an «integrated campaign» aimed at achieving a surprise effect,

УДК 327.8
Поступила в редакцию 01.04.2019 г.
Принята к публикации 10.04.2019 г.

at seizing the initiative and obtaining both psychological and physical advantages using diplomatic means»[1].

The authors are supporters of the «hybrid warfare» concept that is combining unconventional forms of confrontation, the purpose of which is to undermine the enemy-state from the inside, without using any military force, at least not at the first stage. In their opinion, the GW has a global, transboundary nature and is carried out in the form of a complex external pressure in order to stimulate instability within the targeted state. Under GW conditions, «strikes» are directed against all external and internal areas of the vital activities of States, including the political, socio-economic and spiritual spheres. As tools and mechanisms of hybrid warfare, the authors are considering political destructive technologies, «color revolutions» as «modern practices of state coups» [4, p. 27], ideological attacks, economic and sanction pressure, information wars, the use of terrorism and extremism. In the world we live in, «war is a dragon ... war is Chimera, whose modern image is far from the canonical description, because the head and neck of the lion is personified in terrorism and extremism, the goat's body has been turned into a financial and economic pressure, the tail of the snake are «color revolutions», and the fire erupting from the mouth became a cultural-informational aggression» (p. 10). Young scientists – representatives of the Institute of Strategic Studies and Forecasts (ICIF) of RUDN – thoroughly analyze the aforementioned manifestations of hybrid wars using specific examples.

«An integral part of the hybrid war … is the information warfare; in a broader context – information-psychological warfare. Its main task is to suppress the enemy's (a geopolitical and geo-economic competitor) will to resist and force them undertake actions in favor of the information-psychological aggressor» [3, p. 5-6]. It is not by chance that information-psychological operations (IPO) are being actively used by the world politics leading actors in order to achieve their economic and political goals.

According to the authors, information warfare is a complex «tool of asserting controlled socio-psychological impact on the society as a whole and on each individual separately in the enemy country in order to change psychological characteristics in the desired direction for the influencing party (views, opinions, worldview, values, attitudes, stereotypes)» (p. 124). A key feature of such warfare is the hidden nature of the attacks. Informational attacks are a serious threat, since they contribute to internal division and weaken the morale of the population, as a result of which, in the case of a direct external threat, the population is not capable of mobilizing and implementing a consolidated resistance. IPO can lead to irreversible consequences: complete disruption of the State governance system and informational chaos.

As a case of informational-psychological aggression directed from the outside, the scientists are exploring the political crisis in Ukraine in the 2013-2014. The book highlights three stages of the information campaign during the implementation of the coup

[1] The Military Balance 2015. IISS. URL: https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/the-military-balance-2015 (accessed: 29.03.2019).

d'état – the «color revolution» scenario. The first stage refers to the highly intensive financial injections into the so-called «independent» media, as a result of which a media pool is formed, ready to fulfill directives to discredit the government and stimulate protest moods. The second stage – the corruptly hired media reinforce in the public mind the «chimera» about the rightness of their actions manifested in destructive and aggressive protests. The third stage is the legitimization of the results of the coup d'etat. Considering the widespread practice of «color revolutions», it can be argued that in the context of further hybridization of world politics, the focus of actions will increasingly shift towards IPO, allowing for the interested party to achieve its goals without launching the «hot» conflict phase. At the same time, it should not be forgotten that not every IPO allows solving all the tasks set by its initiators and sponsors. In this case, the IPO is an «advanced cognitive preparation work prior to open armed conflict» [3, p. 5].

The authors are convinced that in the conditions of the information war launched by the West against Russia, Moscow should perceive information attacks as a threat coming during a conventional war. Therefore, it is necessary to actively develop mechanisms of counteraction to destructive information and misinformation, which is aggressively imposed from the outside both on Russian society within the country and on the Russian diaspora beyond its borders, which is a direct threat to its national security and sovereignty.

Of all the tools of a hybrid war, international terrorism and extremism are the most horrific «dragons». The book thoroughly describes how terrorism has already become part of a hybrid war, analyzing the process of how the leading actors of world politics are using international Islamist terrorist organizations, starting with Al-Qaida and the Taliban, created with the direct involvement of the CIA to fight the Soviet Union in Afghanistan, and ending with the «Islamic State». The West prefers to call ISIS, the Front of En-Nusra and other terrorist Islamist organizations «the democratic moderate opposition», as long as they realize its goals. In Syria, Afghanistan, Libya and other states, terrorist groups of extremists are used to destabilize large spaces, to eliminate specific political regimes, while terrorists in the world media are represented as «freedom fighters».

No less interesting is the section devoted to the analysis of implementation of destructive political technologies used to change political regimes. It is noteworthy that authors have revealed a close relationship not only between the «color» revolutions of the last 20 years, but also with the events of the Cold War period. The events in question are Hungary 1956, Czechoslovakia 1968 and Poland 1981. The comparison of «color» and «velvet» revolutions is relevant both from a scientific and practical point of view. The method is the same, the technic of execution is different. What messengers can do today was carried out by word of mouth in the late 1980s. The main conclusion of the authors is as follows: the so-called democratization of the countries of Central and Eastern Europe was not an objective historical process, but, on the one hand, it was the result of the planned activities of the Western intelligence services to destroy

the socialist bloc. On the other hand, this process was initiated by a part of the Soviet elite, who were perusing their own tasks.

As for the collapse of the socialist bloc under outside influence, the book provides an analysis of the whole complex of subversive activities. These include the creation of anti-communist, anti-soviet and russophobic bourgeois-nationalist groups that acted both within Eastern European countries and worked with diasporas in Western states; extensive studies in closed research institutes of psychology and social expectations of citizens of the target country; the creation of vast agent networks in each country; use of economic sanctions, etc.

Today we are witnessing the intensification of «all new destructive scenarios in which sometimes insignificant events (anti-constitutional actions of small groups, sabotage and subversive activities of an extremist and terrorist nature, etc.) with the assistance of political agents on the ground (for example, middle and upper echelons of power) and heated media-protest masses are transformed artificially into events of a nationwide scale» (p. 69).

Sanctions and various kinds of financial restrictions — the «chimeras» of hybrid warfare — have always been used as coercive methods. Restrictions may apply to economic, political, diplomatic and other fields of activity. The authors analyzed in detail the economic pressure that was put on Russia, Yugoslavia, Iran and North Korea, and concluded that financial and economic pressure is not effective by itself. Of course, with the help of sanctions, the economy of a state or region can be weakened, but achieving one's goals without using the most destructive political technologies that are very conveniently superimposed on a particular country experiencing unfavorable social situation is virtually impossible. For example, the use of sanctions as a coercive instrument on Iran since 1979 after the Islamic revolution has not yielded the desired result for the US. Iran has not changed its political discourse. The same outcome was achieved as a result of the use of sanctions as a coercive instrument against the USSR, and then against Russia. Therefore, a comprehensive toolkit of subversive actions had to be utilized.

It should be noted that «the overtness in formulating the task aimed to preserve global domination with the use of all available tools has to rely on the established ideological basis» (p. 61). Therefore, for effective countermeasures to sanctions, it is necessary to act not only in the field of foreign policy, but also domestically. The authors emphasized social and economic measures, but especially some necessary efforts in education – the creation of «active patriotism» within the society.

In today's postmodern world Fernand Braudel's words that «capitalism only triumphs when it becomes identified with the state» best explain, according to the authors, the US policy of promotion the idea of «a world without borders», to undermine the international legal system and facilitate the practice of «humanitarian interventions» and the implementation of other aggressive actions (p. 54). Only strong states can resist such a hegemonic policy. Authors are optimistic about the future. They are convinced that, having gone through trial and error, and external threats and provoca-

tions, the Russian Federation has embarked on a sustainable trajectory of national development. Despite the unfavorable influence of the «aggressively obedient majority»[2], which still supports Washington, Russia will be able to protect itself and its allies from the «dragons» and «chimeras» of hybrid wars.

The book under review is not only a serious scientific study, but also a sharply polemical text, which, of course, will cause both positive responses and disagreement. The book itself should be considered as a vivid example of the Russia's political and information resistance against the West. The authors should be praised as selfless warriors fighting dragons and chimeras in a brave new world of hybrid warfare.

References:

1. *Gibridizaciya mirovoy i vneshney politiki v svete sociologii mezhdunarodnyh otnosheniy* [Hybridization of world and foreign policy in the light of sociology of international relations] Ed. P.A. Cygankov. Moscow. Goryachaya liniya – Telekom. 2017. 356 p. (in Russian).
2. Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges. *Joint Force Quarterly.* 2009, no. 52, pp. 34-39.
3. Manoylo A.V., Ponomareva E.G. Sovremennye informacionno-psihologicheskie operacii: tekhnologii i metody protivodeistviya [Contemporary informational and psychological operations: technologies and methods of counteraction]. *Obosrevatel' – Observer.* 2019, no. 2 (349), pp. 5-17. (in Russian).
4. Ponomareva E.G. Chto takoe «cvetnye revolyucii» i kak s nimi borot'sya? [What «colour revolutions» are and how to deal with them?]. *Representative power – 21st century,* 2016, no. 1-2 (144-145), pp. 26-38. (in Russian).

About the author:

Ana Dimitrovska – Visiting Fellow to the Institute of European Studies. Nikola Pasic's Square 11, Belgrade, Serbia, 11000. E-mail: ana_afro05@hotmail.com

«ДРАКОНЫ» И «ХИМЕРЫ» ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Ана Димитровска

DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-196-201

Институт европейских исследований, Белград

Рецензия на книгу: Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Гибридный дракон и химера войны. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 367 с.

Ключевые слова: гибридная война, гибридные угрозы, диверсионные действия, нетипичные формы конфронтации, контрмеры, СССР, Россия, Запад, Ближний Восток, Центральная Азия.

[2] A term, used by Yuriy Afanaseyev, USSR Deputy, member of the Interregional Deputies Group, addressing the delegates voting for the Presidium at the First Congress of People's Deputies of the USSR in 1989.

Список литературы:

1. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия – Телеком. 2017. 356 с.
2. Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы // Обозреватель. 2019. № 2(349). С. 5-17.
3. Пономарева Е.Г. Что такое Цветные революции и как с ними бороться? // Представительная власть. 2016. №1-2. С. 26-38.
4. Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. 2009. No. 52. Pp. 34-39.

Об авторе:

Ана Димитровска – приглашенный научный сотрудник Института европейских исследований, Сербия, г. Белград. Nikola Pasic's Square 11, Belgrade, Serbia, 11000.
E-mail: ana_afro05@hotmail.com.